

006 - 728

П.Ю. Трофимов

**ОБРАЗ И.Я. ЯКОВЛЕВА
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Учебное пособие

Чебоксары 2006

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

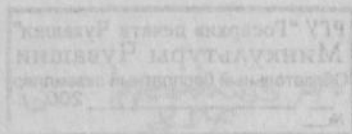
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова»

Л.Ю. Трофимов

ОБРАЗ И.Я. ЯКОВЛЕВА В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Учебное пособие

Чебоксары

Издательство Чувашского университета

2006

ББК Ш43(2)(=635.1){6}*3*1

T761

Рецензенты:

старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук *Ю.В. Яковлев*;

зав. кафедрой чувашской литературы Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, д-р филол. наук, профессор *П.Н. Метин*

Трофимов Л.Ю.

T761 Образ И.Я. Яковлева в чувашской литературе: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 136 с.

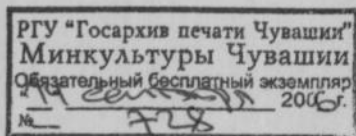
ISBN 5-7677-0937-8

Анализируются лирические, эпические, драматические жанры чувашской литературы XIX–XX веков в аспекте художественного отображения жизни и деятельности И.Я. Яковлева и созданной им Симбирской чувашской учительской школы.

Для студентов гуманитарного направления и учителей-филологов.

Утверждено Редакционно-издательским советом университета в качестве учебного пособия

Отв. редактор: д-р филол. наук, профессор В.Г. Родионов

ISBN 5-7677-0937-8

ББК Ш43(2)(=635.1){6}*3*1

© Трофимов Л.Ю., 2006

В основу учебного пособия положено историко-хронологическое и системное изучение материала о жизни и деятельности великого чувашского просветителя И.Я. Яковлева и созданной им Симбирской чувашской учительской школе. Раскрытие своеобразия художественного воплощения образа патриарха позволяет выявить эволюцию биографического жанра в чувашской литературе, а исследование судьбы его дает возможность увидеть широкую картину становления и развития культурной жизни чувашского народа.

До настоящего времени яковлевиана не была предметом специального монографического исследования в чувашском литературоведении. Отдельные статьи И.И. Одюкова, Г.Я. Хлебникова и других литературоведов, касающиеся изображения образа патриарха в национальной литературе, затрагивали лишь некоторые аспекты данной проблемы. Этим определяется актуальность настоящей работы.

В книге широко освещены произведения чувашской художественной литературы XIX–XX веков, в которых отображена просветительская деятельность И.Я. Яковлева. Здесь же обобщен опыт целенаправленного изучения образа исторической фигуры в аспекте становления биографических жанров, установлены хронологические рамки художественной яковлевианы и рассмотрены различные периоды неадекватного отношения к судьбе патриарха.

От автора

Проблемы художественного отображения жизни и деятельности исторической личности в научно-критической и художественной литературе

1.1. Проблема прототипа и его отношение к отображенной действительности в критике и литературоведении

Великий патриарх чувашского народа И.Я. Яковлев остался в истории как организатор дела национального подъема чувашского народа. Открытая им Симбирская чувашская учительская школа, изданные им книги стали базой широкого просвещения нации. Он, чувашский просветитель и гуманист, внес неоценимый вклад в приобщение коренных народов Урало-Поволжья к достижениям мировой цивилизации.

Сподвижническая деятельность педагога-просветителя И.Я. Яковлева принадлежит не только истории. В его личности ярко проступают черты, которые актуальны и сейчас: искренняя любовь к Родине, своему отечеству, народу, стремление укреплять дружбу чувашского народа с другими народами, беззаветное служение делу образования и подлинное педагогическое новаторство.

Созданная И.Я. Яковлевым в г. Симбирск учительская школа сыграла огромную роль в развитии духовной культуры и просвещении чувашского народа, она была научно-педагогическим и культурным центром. Педагог-просветитель не ограничивался одним только школьным делом, он занимался и другими вопросами, касающимися своего народа. В своей школе он открыл педагогический музей и картинную галерею, создал школьный

театр, хоровые ансамбли, струнный и духовой оркестры. Впервые в чувашском искусстве (1913) на сцене школы была осуществлена постановка оперы «Иван Сусанин».

Таким образом, за свою огромную работу по культурному подъему чувашского народа И.Я. Яковлев заслужил всеобщее признание родного народа. Его имя носят Чувашский государственный педагогический университет, многие сельские средние школы, а в 1970 г. в г. Чебоксары ему был поставлен памятник. Одним из важнейших событий в культурной жизни Чувашской Республики последних лет было открытие музеев имени И.Я. Яковлева в ЧГПУ, ЧГУ им. И.Н. Ульянова и в Ульяновске, в самой Симбирской чувашской учительской школе.

Каждая эпоха, каждое новое поколение заново открывает для себя великих общественных деятелей прошлого и современности. Чем известнее, крупнее их личности, тем масштабнее творчество, самобытнее талант. И порой бывает трудно всесторонне раскрыть грани дарования, по достоинству оценить его вклад в духовную жизнь нации. Проблему взаимоотношения прототипа и его литературно-художественного образа стоит исследовать специально, она является существенной для творчества таких крупных писателей и поэтов, драматургов, как А. Артемьев (образы К. Иванова, Ф. Павлова, П. Пазухина в дилогии «Тăвăл умён» (Перед бурей), П. Чичканов (целый ряд повестей и романов о М. Сеспеле), К. Петров (образы Таэра и Сеспеля в повестях и романах), Максимов-Кошкинский (драма о К. Иванове), Ф. Уяр (очерки об Эльгере, Тхти, Шелеби) и другие. В книге идет речь о прототипе и образе И.Я. Яковлева в поэзии, прозе, драматургии.

Характер художественного обобщения, типизации подлинных исторических деятелей, реально существовавших явлений действительности, конечно, включает в себя интерес к прототипическому материалу. Знание жизненных фактов, вошедших в художественную ткань произведения, позволяет наглядно выявить связь литературного творчества писателей, занимающихся отображением исторических лиц и событий с действительностью. Это усиливает эстетическое воздействие произведения, влияет на формирование читательского отношения к отображаемому.

Известно, что литературные произведения переосмысливаются временем, претерпевают изменения в ходе развития истории,

а проблема времени в художественном повествовании решается от эпохи к эпохе по-разному. Особенно это значимо для документированного показа исторических реалий.

Творчество писателя, имеющего дело с прототипом И.Я. Яковлева и фактами его жизни, наверное, можно сравнить не столько с созданием характера в литературе, сколько с портретной живописью, а это, конечно, совершенно другие задачи, чем создание характера. Исходя из этого можно сказать, что создание литературного портрета требует особой формы организации внутреннего пространства прозы. Писателя-биографа от художника-портретиста отличает то, что ему не приходится сопротивляться влиянию, исходящему от живого оригинала, который не желает, чтобы его изобразили правдиво. Как считает Джон Голсуорси, «наиболее удачные образы конкретных людей в литературе получаются в воскрешении внешней и внутренней сущности человека» [Голсуорси, 1962. С. 460]. Литературную работу, связанную с воссозданием конкретной исторической личности, можно сопоставить с изображением определенного лица или группы лиц, когда воспроизводится индивидуальный облик человека, раскрывается уже готовый характер, его внутренняя сущность. Другими словами, портрет представляет вид повествования, в котором раскрываются внешние черты образа и внутренние особенности характера. Фигура И.Я. Яковлева обстоятельно изучена общественными науками, поэтому нового создания этого образа как нового характера вряд ли можно достичь. Таким образом, облик его как характер общественно-исторического деятеля является уже готовым, культурным образом. Особенно это проявляется в чувашской литературе II половины XX в. в связи с тем, что понимание прототипа Яковлева в произведениях И. Юркина, Г.В. Тал-Мрзы, П. Хузангая, Я. Ухсяя еще находилось на спорном этапе. Здесь больше имеет место субъективный и негативный характер понимания роли просветителя в исторической действительности. В художественных произведениях А. Артемьева, Т. Педэрки, Ф. Андреева, М. Юхмы образ И.Я. Яковлева выступает уже как сложившийся положительный характер. Таким образом, явление прототипа трудно оценить только с одной стороны. Прототип в литературе является развивающейся категорией. Его трудно оценить как застывший и вечный образ. В этом отношении образ И.Я. Яковлева в

чувашской литературе совершенно по-новому заставляет смотреть на проблему прототипа в искусстве слова. К подлинно правильному пониманию прототипа литература приходит не сразу. Создавая портрет Яковлева, писатели приходят к субъективному пониманию прототипа: для М. Юхмы главное место занимают документы и воспоминания, иногда он занимается фольклорной идеализацией прототипа; для А. Артемьева важно лирико-художественное чутье. Таким образом, даже создание портрета имеет различные черты. Следовательно, образ исторического лица, в данном случае И.Я. Яковлева, включает задачи создания его характера-портрета. Из этого вытекает, что прототип нужно понимать как явление сложное, ибо портрет этот сам по себе диктует законы отображения и исторической действительности. Речь должна идти о всей национальной культуре, ее перспективе.

Просветительская деятельность патриарха сыграла важную роль в духовном развитии чувашского народа. Она способствовала приобщению народных масс к знаниям и письменному образованию, развитию культуры и формированию национальной интеллигенции. Большинство писателей (Н.В. Шубоссини, С.В. Эльгер, М.Д. Трубина и др.) стремятся органически сочетать в образе Яковлева черты просветителя и обычного крестьянина. Они рассматривают его как состояние национального, истинно народного духа, показанного через рассуждения и диалоги обыкновенных крестьян. Однако это все же не есть полное понимание сути прототипа Яковлева. Способность автора художественно совмещать реальное с вымышленным (например, голос истории, воображаемые разговоры И.Я. Яковлева с министром просвещения, показанные А. Артемьевым в его романе «Перед бурей») приближает произведения к иной образной символической.

Если затронуть вопрос о различии биографического жанра и литературного «портретирования», то надо принять во внимание и такие факторы, как экскурсы в психологическую «подпочву». Они обычно являются достоянием в большей мере науки, располагающей архивами, перепиской, свидетельствами современников и иными типами обширной документации. Надо сказать, что психологизм тут является приемом, характеризующим готовый характер. И.Я. Яковлев как историческая личность, знакомая многим читателям, уже имеет готовую психологию великого просветителя. Читатели много слышаны о том, какими мечта-

ми он жил, как и почему он стал заниматься просветительской деятельностью. В связи с этим прозаикам приходится заново постигать уже готовый характер общественно-исторического деятеля. Это имеет большое значение в показе образа патриарха. Каждый писатель должен понять, как формировалась эта психология, где были ее истоки. Все это заметно расширяет разностороннее знание художника слова и о поэтическом произведении. Отображенная действительность заставляет внимательно изучать и природу художественного портрета. Портрет – это не только изображение внешности определенного человека, потому что описание человека в литературе предполагает типизацию, раскрытие свойств его души. Отображение судьбы И.Я. Яковлева оказывает решающее влияние на становление жанра художественного портрета в чувашской литературе. Живописный портрет, как показывает анализ, это образ конкретного реального человека. Достоверность для вымышленного героя в плоскости похожести его на жизненный тип вовсе необязательна, но для портретного образа достоверность совершенно необходима. Это означает, что у вымышленного портрета имеются свои законы. Для портретиста индивидуальные черты отдельного человека всегда заданы. Художник возводит эту индивидуальность в степень образа с максимальным сохранением портретных черт этого человека. Портрет в искусстве отличается от эмпирического портрета именно тем, что художник хотя и субъективно, но выявляет типические черты человека в нем самом: «Если истоки вымышленного образа – в тех или иных лицах, преобразованных и синтетизированных фантазией автора, – как считает М.И. Андронникова, – то истоки портрета всегда в единичном, уникальном, совершенно конкретном оригинале, прототипе, отложившемся в восприятии автора» [Андронникова, 1974. С. 5]. Цитата эта позволяет считать, что человек в портрете – это человек, воссозданный художниками средствами по образу и подобию конкретного человека. Но человек в литературе воссоздается не полностью, не во всех проявлениях своих индивидуальных качеств, а только в избранных писателем аспектах, под углом жизненного опыта и задач автора. Таким образом, в каждом портрете есть часть и автора-портретиста. Портрет – это художественная модель реального человека. В этой модели каждым писателем воспроизводятся среда обитания конкретного человека, его

связи с окружающим миром. Это позволяет сделать вывод о том, что литература изображает отношение человека к обществу и общества к нему. Поэтому отдельно взятый человек в литературе предстает как общественное лицо. Можно сделать следующий вывод: через портретный образ читатель узнает мысли и чувства изображаемого человека, особенности его отношения к окружающему миру. Другими словами, в портретном образе писатель обнаруживает индивидуальные качества описываемого персонажа, историческое состояние общества, индивидуальные качества писателя – создателя портретного образа.

Литературный портрет, как можно понять из вышесказанного, неотделим от сюжета, от описания мыслей, чувств, внутренних черт характера героев, их поступков, настроений и т.д. Портрет включает те основные моменты, которые существенны для образа в целом.

Несмотря на то, что портрет как образ определенного человека непосредственно связан с документальностью изображаемого лица, он все же создан воображением писателя. При этом нельзя забывать и о том, что всякий литературный портрет включает в себя и общие представления писателя о своем герое. К тому же писатель, даже обращаясь к документальному лицу, вынужден допустить некоторую степень вымысла, который регулируется общим представлением о своем герое-прототипе. Например, создавая образ К. Иванова в романе «Перед бурей», А. Артемьев вынужденно допускает вымысел, исходящий из определенной концепции культурного типа поэта, сформировавшегося в чувашской словесной культуре. С тем же явлением встречаемся при отображении, к примеру, образа Таэра Тимки в одноименной повести К. Петрова, в романе-хронике П. Чичканова «Кавар чёре» (Огненное сердце). Таким образом, даже наличие документальности не может исключать вымысел, потому что всякий писатель, создающий портрет того или иного деятеля культуры, вынужден домысливать образ документального лица в соответствии с тем, каким он его воспринимает. Так же происходит это с И.Я. Яковлевым, деятельности которого посвящены десятки произведений: вымысел в них не нарушает общего представления о прототипе, а наоборот, дополняет и углубляет образ, насыщает его культурное значение. «Вымышленные литературные образы, – пишет М. Горький, – создаются писателем

путем обобщения черт многих людей и конкретизации их в одном персонаже» [Горький, 1953. С. 468]. Однако у каждого автора присутствует своя манера творчества. Способы обобщения и конкретизации у каждого писателя неповторимы, поэтому изображение того или иного лица различно. Уподобляя собирательные литературные образы или «типы» [Там же. С. 468] именам нарицательным, можно сказать, что образ конкретного человека подобен не имени нарицательному, а имени собственному. Изображая конкретное историческое лицо в художественной литературе, писатель создает как бы нарицательный вымышленный образ, но читатель воспринимает его как имя собственное. Перед ним совершенно реальный человек, который изучен, осмыслен и описан в произведении. Писатель, как и при создании портретов стопроцентно вымышленных героев, выбирает для портрета реально существовавшие лица, типические черты именно их личности и обобщает эти черты в одном образе.

Как известно, существует три компонента творческого пути художника, работающего с документальными прототипами, а именно: его биография; его внутренний художественный мир, созданный в процессе творческой деятельности; реальная действительность, породившая этот мир. Однако писатель напрямую не переносит в свое творчество жизненную действительность, он ее образно перерабатывает. В результате этого создается художественная биография изображаемого человека. Это важно и для понимания сущности образа И.Я. Яковлева. Анализ материала показывает, что каждый писатель понимает и принимает судьбу Яковлева по-своему, поэтому можно сказать, что в содержание его образа включаются и их переживания. Из вышесказанного следует, что взаимодействие прототипа и образа – явление очень объемное и неоднородное. Оно объединяет в себе такие стороны, как творческая деятельность исторического лица, описание его портрета, раскрытие его характера, отношения автора к изображаемым событиям и т.д. В связи с этим важно знать особенности художественного мира конкретного поэта или прозаика, но и этого недостаточно. Разбор произведений чувашской поэзии, прозы, драматургии (К. Иванова, А. Артемьева, М. Юхмы, Н. Терентьева, Н. Сидорова и др.) диктует необходимость тщательного изучения и проблемы жанров. Проблема прототипа тесно связана с особенностями жанрового своеобразия

художественной литературы. Например, А. Артемьев в романе-дилогии «Тавъл умён» (Перед бурей) остановился на душевных переживаниях своих героев. В нем переданы боль и страдания за трудную судьбу И. Яковлева, К. Иванова и других деятелей чувашской культуры. Н. Терентьев же тяготеет к романтическому восприятию личности И. Яковлева, хотя в его драмах «Хумсем сырана җапаҗҗё» (Волны бьют о берег) много внимания уделено конкретной исторической действительности. Создатель биографии И.Я. Яковлева детских лет Т. Педэрки проявил себя как публицист, заинтересованный в очерковом изображении патриарха. В связи с этим возникает вопрос об изучении публицистических особенностей произведений поэзии, прозы и драматургии, раскрывающих образ просветителя. Все это подводит к мысли, что изучение прототипа не может быть отвлечено полностью от проблемы художественных стилей, т.е. художественное изображение конкретного документального лица в определенном жанре до конца можно осмыслить только при учете особенностей того или иного стиля. В связи с этим положение М. Горького о том, что вымысел не может не присутствовать в произведении, которое имеет своей основой конкретный прототип, очень плодотворно. Отсюда можно заключить, что понятия стиля, жанра героя – явления тесно взаимосвязанные. Пристальное внимание к документальной биографии побуждает таких писателей, как М. Юхма, Т. Педэрки, Ф. Андреев, Г. Волков, обратиться к жанру биографического очерка.

В литературоведении рассматриваются такие основные разновидности биографического жанра, как биографический очерк, критико-биографический очерк, очерк жизни и творчества и т.д. Наиболее каноническим, традиционным типом очерка творчества является хронологически последовательное рассмотрение произведений художника с поясняющими их фактами биографии и воссозданной в них жизненной реальностью. Большую популярность в XX в. получила также биографическая серия «Жизнь замечательных людей». В то же время жизнеописание может быть научным, художественным, академическим и популярным. На основе фактического материала оно дает картину жизни человека, развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи.

В чувашской литературе конца XIX – начала XX вв. проступали важнейшие тенденции времени, настойчивые стремления к целостному осмыслению жизни героя средствами искусства. Наблюдается глубокий интерес к теме народа, эстетически осваивались малоизвестные и новые стороны и явления жизни. По мнению литературоведа М.Я. Сироткина, «литература этого периода все более настойчиво и очевидно отражает осознание коренных социальных перемен» [Сироткин, 1956. С. 5].

Литература о И.Я. Яковлеве довольно обширна. В 1948 г. вышла книга А.И. Яковлева «Иван Яковлевич Яковлев (1848-1930)». Редактировал книгу профессор Ф.Н. Петров. Сын И.Я. Яковлева – известный историк, член-корреспондент академии наук СССР – Алексей Иванович Яковлев (1878-1951) описывает жизненный путь своего отца по материалам семейного архива. Второе издание книги увидело свет в 1958 г.

Известный этнопедагог Г.Н. Волков в 1959 г. выпустил книгу «И.Я. Яковлев – чувашский народный педагог». Он не ставил своей целью описание жизни и деятельности И.Я. Яковлева. Используя новые архивные документы, автор рассказывает об основных моментах жизни чувашского просветителя. Нелегкий путь становления и развития Симбирской чувашской школы и ее значение в деле просвещения чувашского народа раскрывается в книгах: «Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш» (1959) И.Я. Яковлева (Саламбака), «Симбирская чувашская школа» (1968) Н.В. Муромцева. Эти книги выпущены в честь юбилея И.Я. Яковлева и его школы.

В ознаменование 120-летия со дня рождения патриарха и 100-летия открытия Симбирской чувашской школы в 1968 г. в г. Чебоксары состоялась юбилейная научная сессия. По итогам юбилейной сессии, посвященной 100-летию чувашской письменности, Чувашский государственный педагогический институт выпустил сборник статей «И.Я. Яковлев и его школа» (1971). В нем подчеркивается, что заслуги великого просветителя общепризнаны во всем мире. К специальным исследованиям о мировоззрении И.Я. Яковлева относятся монографии доктора философских наук С.С. Спиридонова и исследователя И.А. Маркелова. В книге С.С. Спиридонова «Философские и социалистические воззрения чувашского просветителя И.Я. Яковлева» (М., 1960) раскрываются взгляды чувашского просветителя на взаи-

мосвязь отдельно взятого индивидуума и социума. И.А. Маркелов в своей книге «Общественно-политические взгляды И.Я. Яковлева» исследует мировоззрение и миропонимание Ивана Яковлевича. Эти исследования убеждают нас в том, что И.Я. Яковлев отождествляет себя со всем чувашским народом.

О нем написано множество воспоминаний. Многие из них напечатаны в разных изданиях. Исследователи пользовались архивными документами. Все воспоминания о великом просветителе, начиная с 1907 г., собраны в сборнике «И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников» (1968).

Значительным шагом вперед являются книги «И.Я. Яковлев. Воспоминания» (1982), «И.Я. Яковлев. Письма» (1985), «И.Я. Яковлев. Из переписки» (1989). В них исследователи Н.Г. Краснов, Г.Н. Плечов освещают жизнь и творчество И.Я. Яковлева с разных сторон. И.И. Одюков, Ю.И. Богдяж в 1971 г. выпускают работу «Иван Яковлевич Яковлев: Фотоальбом». Жизнедеятельность великого просветителя интересовала мастеров изобразительного искусства. В первую очередь школьникам было адресовано пособие-альбом в рисунках, выпущенное в 1986 г. под названием «И.Я. Яковлев: Жизнь и деятельность просветителя чувашского народа в рисунках П. Сизова». Выполненные мастером художественного портрета рисунки дают наглядное представление об основных моментах его деятельности. Последним годам жизни И. Яковлева в г. Симбирск посвящена книга кандидата исторических наук Г.А. Александрова «Иван Яковлевич Яковлев в 1917-1920 гг.» (1992).

Всесторонне и глубоко исследовал публицистическую деятельность просветителя чувашского народа И.Я. Тенюшев, написавший книгу «И.Я. Яковлев – публицист» (1990). Данная работа представляет интерес не только для журналистов, но и для историков, литературоведов.

16 ноября 1993 г. в г. Ульяновск состоялась международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию Симбирской чувашской учительской школы и педагогическому наследию И.Я. Яковлева. Материалы конференции опубликованы в книге «И.Я. Яковлев и просвещение народов Поволжья» (1993).

Необходимо отметить, что большую работу проводит по изучению жизни и научно-педагогической деятельности

И.Я. Яковлева известный чувашский ученый Н.Г. Краснов. При его участии в институте И.Я. Яковлева при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова готовится серия книг о жизни и деятельности И.Я. Яковлева в нескольких томах, увидела свет книга под названием «Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминание» (1997).

Все это говорит о том, что прототип и личные переживания авторов книг или монографий о нем заставляют обращаться к самым различным жанрам и стилевым формам. При этом научные биографии патриарха нельзя сравнивать с биографиями художественными: у них совершенно различные цели и задачи. Однако научные изыскания все же способствуют цельному и глубокому художественному изображению портрета великого просветителя. Подчеркивается мысль о том, что и в документальных, и нехудожественных очерках также присутствует определенный вымысел, который все же должен быть предельно уточненным и документированным. Как указывалось выше, прямое следование за документом и прототипом приводит к созданию научных очерков (Н. Краснов, Г. Александров, И. Тенюшев). Другого характера очерки Г. Волкова. В его книге «Судьба патриарха» (1998) читатель следит за ходом свободных размышлений автора о герое своего произведения. В отличие от научных очерков книга Г. Волкова заметно ближе стоит к созданию художественно вымышленных героев и событий, потому что здесь автор делает акцент на свои личные переживания. Следует заметить, что это не подлинно художественное произведение: в них много и документов. Все это позволяет сказать, что такие категории, как прототип и образ, могут иметь самые различные формы. Мастера художественного слова в своем творчестве не раз обращались к образу И.Я. Яковлева. Первым среди них можно назвать Игн. Иванова. Свое произведение «Чăваш халăх ывăлĕ» (Сын чувашского народа) он написал перед смертью в 1883 г. По справедливому замечанию А. Васана, его можно назвать поэмой: «В нем много поэзии. В нем есть мелодика, своеобразный ритм. Внутренние и внешние рифмы делают его звучным. Символика, возвышенный стиль дают основание считать его поэмой» [Чувашская, 1989. С. 154]. Исследователь полагает, что Игн. Иванов, используя приемы устной народной

поэзии, мифологические образы, раскрывает идею народной благодарности своему сыну, помнящему свои родовые корни.

В истории чувашской художественной литературы образ И.Я. Яковлева изображен по-разному: деспот и узурпатор, душитель молодых талантов; великий просветитель родного чувашского народа. Есть произведения, где он изображен во всей сложности взаимоотношений с окружающим миром. В связи с этим необходимо отметить, что чувашские писатели старались использовать возможности различных родо-видовых жанров. Например, показать образ во всем многообразии его взаимосвязей с окружающими позволяет роман. Обращаясь к реальным художественным фактам, можно сделать такой вывод: прототип не всегда имеет одно и то же значение. В драме Я. Ухсай «Хура элчел» (Черная судьбина), например, И. Яковлев показан очень противоречиво. Литературовед М.Я. Сироткин считает, что Я. Ухсай отобразил Яковлева как деспота и губителя таланта К. Иванова [Сироткин, 1953. С. 336-337]. Такого же мнения придерживается В.С. Чекушкин [Чекушкин, 1994, С. 32], который полагает, что Ухсай отобразил в Яковлеве его отрицательные черты. В осмыслении образа Яковлева, созданного Ухсаем, в понимании особенности его прототипа Сироткин и Чекушкин придерживались взглядов, которые трудно считать справедливыми. Известный ученый Г.И. Федоров считает, что Ухсай больше останавливался на проблеме трагизма судеб К. Иванова и И.Я. Яковлева. Он полагает, что патриарх чувашской культуры вынужден был переводить на чувашский язык Библию. К этому делу он привлекал К.В. Иванова, в итоге поэт надорвался на переводах. Яковлев же был озабочен вопросами сохранения Симбирской чувашской школы. Как видно из рассуждений исследователя, Яковлев трогательно и доброжелательно относился к поэту, оберегал и ценил его талант. Он защищал его честь в спорах с различными богачами, офицерами, живущими сиюминутными целями [Федоров, 2004. С. 160-161].

Совершенно другую интерпретацию прототипа видим в дилогии А. Артемьева «Тăвăл умĕн» (Перед бурей). Народный писатель Чувашии относится к образу великого просветителя очень пристрастно. Он выделяет в нем такие качества, как мягкость характера, величие его помыслов, историческое его предназначение; рисует его как человека, сплотившего вокруг себя

целую плеяду будущих великих деятелей чувашской национальной культуры (К.В. Иванов, Ф.П. Павлов, Н.В. Васильев, П.В. Пазухин и др.). Все это показывает, что проблема прототипа понимается неодинаково не только писателями и поэтами, но и критиками, и литературоведами. По мнению Г.И. Федорова, писатель отображает просветителя в соответствующих исторических обстоятельствах по причине того, что сам писатель является романтиком и лириком, лирическую и романтическую окраску получает и образ И.Я. Яковлева [Там же. С. 313]. Все это говорит о том, что прототип и образ не всегда можно оценивать однозначно, так как документы и реальные исторические лица могут быть показаны писателями по-разному и неодинаково истолкованы критиками и литературоведами. Проблема прототипов, вопрос взаимосвязи их с документами или же с вымыслом чрезвычайно сложны. Личные переживания тех или иных писателей могут привести к созданию образа Яковлева и как фигуры деспота, и как передового педагога-просветителя. В связи с этим проблема прототипов тесно связывается с особенностями художественных миров писателей. Каждый автор, создающий биографию Яковлева, описывающий портрет патриарха, должен, безусловно, опираться и на историческую правду. Известны два значения термина «портрет»: 1) образ реального человека; 2) образ вымышленного литературного персонажа. Речь в данном случае практически идет о таких понятиях, как прототип и тип. Второй случай (разговор о типе) этого словоупотребления по сути своей метафоричен. Наиболее существенным представляется взгляд М.М. Бахтина о литературном портрете: «Наружность нельзя брать изолированно по отношению к словесно-художественному творчеству... Никакое зеркало, фотография, специальное наблюдение над собой здесь не помогут; в лучшем случае мы получим эстетически фальшивый продукт, корыстно созданный с позиции лишенного самостояния возможного другого. В этом смысле можно говорить об абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст: эстетическая память продуктивна, она впервые рождает внешнего человека в новом плане бытия» [Бахтин, 1979. С. 33-34]. Конечно, проблема эта существ-

венна не только для чувашской литературы. Этим был озабочен, к слову, и Л.Н. Толстой. В романе «Война и мир» «образы Кутузова и Наполеона портретами назвать можно» [Андронникова, 1974. С. 8]. Объясняется это тем, что Кутузов и Наполеон являются подлинно живыми лицами, реальными историческими деятелями. Рисуя портреты людей, которые существовали в истории, прозаик должен был постоянно ориентироваться на документальное лицо. Прототип в этом случае полностью регулирует художественную и образную мысль творца. В этом отношении решающее значение, как и в случае с И.Я. Яковлевым, имеют такие стороны создания образа, как время, в которое жили исторические деятели, деятельность исторических лиц, их реальная биография и т.д. Воображение художника не может полностью освободиться от этих факторов. Следовательно, в любом художественном образе прототип предполагает наличие субъективных настроений автора произведения. В случае с Л.Н. Толстым это происходит так, что Толстой органически не приемлет Наполеона. И тем не менее он не нарушает законов исторической правды. Проблема прототипов глубоко и органично разрабатывалась такими величайшими мастерами, как Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин («Капитанская дочка» – образ Е. Пугачева) и др. Именно они поставили вопрос о значимости исторического времени в показе героя, имеющего конкретный прототип. Можно считать, что по отношению к образу И.Я. Яковлева наиболее зримо образ исторического времени, его трагизм проявляется в романе А. Артемьева «Перед бурей», в трагедии Я. Ухсая «Черная судьбина». Рассуждение Г.И. Федорова необходимо квалифицировать именно в плане отображения исторического времени и трагизма. Трагедию, проявившуюся во взаимоотношениях двух великих деятелей чувашской культуры, трудно расценивать прямолинейно и однобоко. Образ времени дает ключ к верному пониманию конфликта между ними. Название трагедии «Черная судьбина» относится не только к К. Иванову, оно относится и к судьбе И.Я. Яковлева.

Создание портрета в литературе предполагает передачу внешности человека в соответствии с его характером, движением мыслей, поступками героя, течением событий. Писатель не обязан воспроизводить облик конкретного человека непосредственно с натуры. Он может быть лично незнаком с человеком и

даже не быть его современником. Предпочтительнее говорить об историческом прототипе. Литературный портрет – это элемент структуры художественного произведения, это часть художественного образа, неразрывно связанная с ним. Он не сводится к изображению внешности персонажа, это и изображение его действий и поступков, мыслей и помыслов. Литературный портрет есть результат творчества писателя. При этом художнику труднее передать образ реального человека. Как отмечает М. Шагинян, «...легче и убедительней подать выдуманное (создать), чем протащить действительное (передать)» [Шагинян, 1932. С. 332].

Понимание проблемы героя и его прототипа, как показывает анализ, предполагает учет диалектического единства частного и общего. Портрет – это единство общего и частного, образа и подобия, вымысла и достоверности. Таким образом в создаваемой писателем биографии какого-либо исторического лица больше, наверное, нарицательности, чем имени собственного.

Степень обобщения и достоверности образа реального лица зависит от меры вымысла художника, поэтому литературный портрет одного и того же человека может получиться разным в описании различных авторов. Это объясняется использованием разных документов, исторических материалов, основной идеей произведения. Каждый автор вносит в создаваемый им портрет свое отношение к миру, свою манеру видеть и ощущать, свое мирозерцание, свой душевный склад, свои чувства и мысли. То же самое характерно, безусловно, и при создании образа И.Я. Яковлева.

Как указывалось выше, А. Артемьев в романе «Перед бурей» окрашивает образ Яковлева в лирико-романтические тона; Я. Ухсай в драме «Черная судьбина» более внимательно относится к трагизму и драматизму биографии своих героев (Иванова и Яковлева); М. Юхма в романах «Наследие» («Эткер»), «Мощь» («Гермен»), «Материнский хлеб» («Анне çăкăрĕ»), «Отцовский сад» («Атте пахчи») иногда поднимает образ чувашского просветителя на высоту героев легенд и преданий; Ф. Андреев в повести «Огни Симбирска» («Чĕмпĕр çути»)*

* В особо оговоренных случаях перевод текста и названий текстов с чувашского на русский язык выполнен автором.

склонен воссоздавать публицистическую биографию Яковлева отдельного периода. Все это говорит о том, что художник осмысливает создаваемый им образ с точки зрения своей индивидуальности. Как видим, прототип образа или модель портрета выступает поводом и средством, с помощью которых писатель выражает, конечно, и самого себя. Каждый портрет содержит в себе автопортретное начало, которое присуще каждому писателю. «Творец, – писал Н.М. Карамзин, – всегда изображается в творении и часто против воли своей» [Карамзин, 1984. С. 120]. Самое интересное в восприятии художественного произведения – это сам автор, его отношение к жизни. Следует сказать, что прототип не может не включать в себя непосредственные авторские впечатления от отображаемого предмета.

В литературоведении сложилось следующее понимание термина «портрет»: «... описание ... наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой (одежда и украшение, прическа и косметика). Портрет может фиксировать также характерные для персонажа телодвижения и позы, жест и мимику, выражение лица и глаз» [Хализев, 1999. С. 181]. Необходимо отметить, что проблемы портрета, прототипа и образа недостаточно разработаны в литературоведении. Этим объясняется и то, что в данной книге уделяется внимание выявлению основных качеств художественного прототипа. Процесс создания литературного портрета – это путь, который писатель проходит от прототипа к образу. При этом писатель изображает реального человека не средствами зеркального отражения, он не стремится к созданию копии этого человека. В каждом произведении, в каждом образе, будь то вымышленный герой или образ исторической личности, есть частица автора. Осмысление процесса создания портрета неизбежно ведет к проблеме образа и характера в литературе. Оно требует анализа существующих суждений об образе героя и его прототипа, существующих концепций портрета.

Изображение конкретной личности в литературе предполагает исследование его природы на стыке разных видов художественного творчества: литературы, живописи, музыки, монументального искусства и др. Осмысление процесса создания и

сравнение прототипа с художественным образом также требуют обращения к эстетическим и философским взглядам писателя.

Эстетика А. Артемьева заключается, например, в том, что писатель в отображении И.Я. Яковлева исходит из осознания того, что патриарх является деятелем, пробудившим национально-культурное сознание чувашей, поднявшим их на дело создания подлинной народной культуры. Эти же черты можно встретить в произведениях К.В. Иванова, Н.В. Шубоссини и др. Философские подходы к судьбе Яковлева в трагедии Я. Ухсая обнаруживаются в осмыслении трагизма исторического времени. Сказанное позволяет утверждать, что судьба патриарха напрямую связана с философией чувашской национальной культуры.

Следовательно, связь образа И.Я. Яковлева в чувашской литературе непосредственно с прообразом выходит за пределы литературоведения. Рассмотрение неизбежно ведет к истории, своеобразию исторического сознания чувашской литературы. Вот почему наряду с изучением писем И.Я. Яковлева, его мемуаров, воспоминаний о нем выпускников школы и близких людей писатели использовали еще и исторические данные. Воссозданный писателями образ патриарха изображается ими в системе социальных, культурных и эстетических взаимосвязей. Основным источником для выявления достоверности прообраза и художественного образа И.Я. Яковлева, созданного чувашскими писателями, служит книга «Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминание».

Чувашская литература испытывает повышенный интерес к И.Я. Яковлеву как к исторической личности. Это берет свое начало в произведениях II половины XIX в., когда особенно остро ставится вопрос о документально-достоверном воплощении образа патриарха.

Созданные писателями образы Яковлева во многом объективны. Писатели в силу своего убеждения выбирают из исторических документов те качества патриарха, которые им наиболее необходимы. В связи с этим нужно признать и то обстоятельство, что общедоступными историко-архивные документы становятся лишь в последнее время. Большую работу в яковлеведении проделал Н.Г. Краснов. Неоценимый вклад в него вносят ученые Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова: Л.П. Кураков, В.Д. Димитриев, Г.И. Федоров, В.Г. Родионов, В.И. Сергеев, Ю.М. Артемьев и др. Их работы воссоздают образ

Яковлева многопланово и разносторонне: в гражданском, просветительском, национально-патриотическом и других аспектах.

В последнее время в чувашской литературе можно встретить такие произведения, где авторы изображают И. Яковлева как богатыря – великана. Однако простое возвеличивание фигуры патриарха, отрыв от исторической правды не служат подлинно художественному изображению как биографии, так и портрета И.Я. Яковлева. Таким образом, прототип как основа художественного образа – явление очень сложное и многостороннее. Оно включает в себя самые разнообразные стороны творческой деятельности писателей. Среди них важнейшими являются такие черты, как творческая индивидуальность писателя, его эстетическая программа, историческая достоверность материала, который служит основой для создания художественного образа, особенности жанра и стиля, в которых укладывается мысль поэта, писателя, драматурга. Главным здесь остается то, что писатель должен иметь на переднем плане принцип историзма. Вопрос об историзме отображения судьбы И.Я. Яковлева в чувашской литературе требует специального и детального рассмотрения.

1.2. Особенности принципа историзма в изображении И.Я. Яковлева в чувашской литературе

Художественный образ в литературном произведении создается писателем путем обобщения явлений действительности и конкретизации их в живой зримой форме. Как образ он формируется в результате напряженной аналитической и синтетической работы мозга и сердца творца. В процессе художественного мышления между чувственным и логическим существует диалектическое единство. Это особенно показательно на примере анализа произведений о Яковлеве, который требует адекватного отношения со стороны писателя. Просветителя как историческую личность невозможно раскрыть без обращения к его общественно-политической деятельности, принципу историзма его деяний. Отображение судьбы патриарха диалектически взаимосвязано с тем, как его фигуру воспринимают и переживают те

или иные писатели. Стремление широко охватить исторические события, разностороннюю деятельность патриарха диктует необходимость принципов историзма и в ходе типизации. Так, М. Юхма в своей тетралогии обращает больше внимания на то, как формировался Яковлев, как он с молодых лет постепенно готовился к своей великой роли в чувашской культуре. В этом смысле можно сказать, что писатель еще в замыслах понимал его как готовый образ исторического деятеля. Зная, что и как делал великий просветитель в своей жизни, писатель начинает подбирать случаи жизни, которые аргументируют и оправдывают мысль о величии своего героя, т.е. писатель идет к образу, от фактов – к истории. В повести «Наследие» художник изучает юношеские годы Яковлева, но уже тут видно, что Юхма заранее знает великое историческое будущее героя. Писатель не учитывает, что художественный образ – это отражение действительности, которое характеризуется единством общего и единичного, т.е. он не нашел пути к органическому отображению художественного развития образа, органическую (независимую от писателя) логику.

Литература – это отражение жизни с эстетических позиций, так как общественная функция литературы состоит не только в интерпретации жизни, но и определяется потребностями и вкусами общества. К тому же предвзятое понимание и иллюстрирование общественных истин больше тянется к публицистике. Подлинно художественное произведение обращено не только к сознанию, но и к чувствам. Художник изображает то или иное явление, того или иного героя в их жизненном единстве, однако и его эмоции должны координироваться историзмом.

В произведении все персонажи, события взаимообусловлены и взаимозависимы в историческом плане. Литература отражает мир во всей сложности и многоцветности. Образ оказывает огромное влияние на эмоционально-экспрессивное состояние читателя. При восприятии художественного произведения у читателя возникают те или иные отношения к изображенным событиям и персонажам, исторические взгляды. Эстетически литературное произведение ценно и долговечно тогда, когда оно глубоко и всесторонне отображает объективную историческую истину. Однако только через неповторимые краски и звуки можно создавать полноценные поэтические образы. Жизненный мате-

риал передается, как известно, писателем под эстетически эмоциональным углом зрения даже в произведениях автобиографических, исторических, очерковых. Именно поэтому здесь есть определенная доля фантазии и вымысла.

Принцип историзма в художественной литературе обстоятельно исследован в отечественном литературоведении такими авторами, как М.Б. Храпченко, Д.С. Лихачев, Б.Л. Сучков, В.В. Новиков, Н.Н. Воробьева и др. Исследователи единодушны в том, что историзм необходимо связывать с проблемой характера. Важнейшей особенностью исторического подхода к проблеме характера в литературе квалифицируется исследование обстоятельств, которые окружают героев и под влиянием которых герои действуют. Обстоятельства, как и характеры, выступают в типичных формах, в единстве общего и единичного. Литература изучает жизнь во всех деталях ее проявления. Так вырастает проблема изображения характера как проблема художественного претворения исторической концепции человека. Человек в этом случае изображен как в контексте обстоятельств его эпохи. Характеры писателя-реалиста, как известно, четко индивидуализированы: «Искусство реализма показывает взаимодействие человека со средой» [ЛЭС, 1987. С. 318]. Воздействие общественных условий на человеческие судьбы, влияние социальных обстоятельств на нравы и духовный мир людей активно преобразуют и человека, и ход общественного развития.

Характер в искусстве является основополагающей категорией. Б.Л. Сучков отмечает, что это категория «сложная и постоянно развивающаяся, меняющая свое наполнение в зависимости от конкретных исторических условий» [Сучков, 1973. С.41-42]. Характер героя – это его внутренний психологический мир, совокупность индивидуальных свойств его личности. Как раз это и недопонял М. Юхма. Психологию Яковлева он не столько познавал, сколько иллюстрировал. А именно – индивидуализация образов, признак развитого искусства.

Существует вполне определенное отношение литературного, художественного характера к характерам социальным (нехудожественным), национальным как отношение художественного образа к факту действительности: «Персонаж ... – вид художественного образа, субъект действия, переживания, высказывания в произведении. В этом же значении в современном литературо-

ведении используются словосочетания литературный герой, действующее лицо ...» [Введение, 2000. С. 245].

Художественный характер включает в себя черты человека изображаемой эпохи и особенности авторского представления об изображаемом. Вымышленное лицо, художественный характер, выступает одновременно и как результат художественного познания, и как его художественный инструмент. Диалектика художественного характера такова, что, усваивая литературных героев, читатель одновременно усваивает и взгляды писателя на жизнь, соглашается с его точкой зрения по тем или иным вопросам. Как показывает исследование Г.И. Федорова, характер в литературе может быть готовым и заново создающимся [Федоров, 1996. С. 78]. Так, характер Яковлева, обладающий национальными качествами, является, конечно, готовым. В этих случаях писателю приходится очень трудно – он должен в рамках готового уже образа понять и познать исторический характер его движения в контексте развития истории чувашского народа.

Мы полагаем, точка зрения литературоведов на понятие литературного характера верна. Проблема эта рассматривается как образное исследование явлений, которые проявляют себя в разных вариантах. Природу характера составляют две стороны: «личность человека в ее внутреннем единстве, которая сложилась под влиянием многих факторов, постоянное воздействие среды в ее активном выражении, в виде конкретно-исторических обстоятельств, в которых живет и действует личность, преобразуясь в исторически детерминированный характер, и выражение его в эстетической системе литературы» [Воробьева, 1978. С. 12-13].

Искусство требует умения и фантазии не только от художника, но и от читателя. Понять литературное произведение так же сложно, как и создавать его. Читатель должен принять точку зрения автора. Писатель должен обладать мастерством, знаниями, способностью замечать не замеченное другими, воплощать все это в произведении. Отталкиваясь от окружающего мира вещей и явлений, анализируя и синтезируя его, мастер слова прокладывает путь к созданию оригинального произведения. Без читателя и без автора литература невозможна. Каждое произведение зовет, пробуждает в читателе соучастника полемизировать или соглашаться с автором, ибо не все созданное художником, не все его мысли могут быть приняты читателем. К тому же у каж-

дого автора свой круг читателей. Каждый читатель принимает произведение в меру своего мирозерцания, воспитания и жизненного опыта, культурно-эстетического уровня. При этом те или иные факты и события, имевшие место в действительности, могут восприниматься и истолковываться разными авторами по-разному, с разных точек зрения. Каждый факт, каждое событие непременно требуют критического отношения как к себе, так и к окружающему миру. Без критического, творческого отношения к себе и окружающим можно опустошить и опошлить любой факт, любую жизненную форму. Это относится как к автору – создателю художественного произведения, так и к читателю, вбирающему эти произведения.

Обратившись к произведениям того же Юхмы, замечаешь, что писатель видит перед собой читателя-публициста, читателя, который больше заинтересован в анализе образа героя. Историзм Ухсай, особенно в вышеназванной драме «Черная судьбина», больше интересен тем, что поэт стремится показать противоречивые черты не только образов И. Яковлева и К. Иванова, но и времени, в котором они жили. Конечно, в этом случае драматург больше опирается на принципы логического анализа персонажей. Такие герои, как Шутов, Икасов, сосредоточили в себе взгляды тех, кто презрительно относился к чувашам как к нации. Шутов – богач, возгордившийся тем, что он отличается от крестьян-простолюдинов. Икасов – офицер прогнившей насквозь царской армии. Ненависть Шутова к К. Иванову возникает оттого, что тот отказался писать портрет. Икасов ненавидит Иванова по той причине, что тот решил защитить девушку, обесчещенную Икасовым. Но это, конечно, не исторические причины того, почему они не понимают Яковлева. Просветитель – активный защитник чувашской национальной культуры, Иванов для него – национальный гений, гордость чувашской культуры. Следовательно, Ухсай в Икасове и Шутове видит исторически ограниченных людей. Историзм, таким образом, здесь совсем другого свойства, нежели в произведениях М. Юхмы.

В сравнении с Юхмой Ухсай во многом выигрывает в том, что его образы вытекают из глубинного анализа исторической ситуации. Поэтому в его трагедии присутствуют и вымышленные образы несчастной женщины, ее талантливого сына, сва-

дебные дружки и т.д. Они полностью соответствуют исторической реальности.

Понятно, что Юхма и Ухсай избрали один и тот же предмет изображения, но истолковывают они это по-разному. Историзм Ухсай требует от читателя внимательного вчитывания в текст драмы. Юхма же считает нужным давать читателю готовые комментарии. Таким образом, проблему историзма необходимо рассматривать не только со стороны писателя, его черты нужно искать и в том, какого читателя хочет заинтересовать тот или иной художник слова. Сам К. Иванов, например, к образу Яковлева относится подобострастно. В поэме «Хальхи самана» (Наше время) он и не называет Яковлева собственным именем, а зовет его «добрым чувашом», который начал благое дело просвещения народа. Можно подумать, что именно эта поэма натолкнула Ухсай на создание противоречивого образа чувашского просветителя. В «Нашем времени» Иванов пишет, что не только надо восхищаться фигурой Яковлева, но и видеть, что он старался сохранить национальные традиции народной культуры. В связи с этим добрым является не только сам герой, но и дело просвещения чувашей. Те же черты встречаем у Н. Васильева (Шубоссини) в поэме «Хунар сүти» (Свет фонаря). Ухсай же, продолжая их традиции, заметно углубил изображенную в драме ситуацию, он увидел трагизм эпохи и ее представителей.

Немаловажно в сопоставлении художественного образа и реальности и разграничение такой категории искусства, как условность. Она понимается как «...нетождественность художественного образа объекта воспроизведения» [ЛЭС, 1987. С. 458]. Условность широко практикуется в литературе XX в. Однако для художественного произведения, конечно, недостаточно знания только документированных прототипов. Важно, чтобы писатель обращался к вымыслу. В «Черной судьбине» народный поэт Чувашии прибегает к условным ситуациям и приемам. Таковыми в драме являются события, очень похожие на художественную коллизию, описанную поэтом в его бессмертной поэме «Нарспи». Здесь так же, как и в «Нарспи», описывается свадьба, на которой девушку насильно выдают за богача. Показан маленький мальчик, похожий на ивановского Сентти и который любит читать бессмертную поэму. Через такую условность поэт приближает читателя к образу Иванова и Яковлева. Отсюда же вы-

текает мысль о том, что историзм поэта непосредственно связан с судьбой тех, кто стоит на страже интересов чувашской культуры, ее представителей, и поэтому трудно согласиться с мнениями названных выше М.Я. Сироткина и В.С. Чекушкина о том, что Ухсай изменил принципу историзма. Думается, что мысль о верности точки зрения Ухсайа можно уловить не только в поступках самих героев (подлинных лиц), но и в том, какие вымышленные персонажи им показаны. Этот субъективизм как раз и говорит о том, что Ухсай в изображении Яковлева объективен, следует исторической правде.

Трагедия Я. Ухсайа полностью основывается на готовых характерах и ситуациях: известна уже судьба И. Яковлева и К. Иванова, известны и художественные ситуации, описанные в поэме «Нарспи», известно недоброжелательное отношение некоторой части дворянства к Яковлеву и т.д. Вымышленные лица имеют здесь как бы второстепенное значение, они как раз и подтверждают справедливость мнения Ухсайа на предмет трагизма двух великих личностей.

Необходимо отметить, что условность – величина непостоянная и неизмеримая. Она расценивается как способ создания художественного образа в плане несущественных, второстепенных фактов и событий в биографии И.Я. Яковлева. Однако любая маленькая деталь или несущественный факт в процессе творческой работы писателя над образом превращается в факт сугубо важный, они имеют в структуре образа патриарха огромное значение. Так, Игн. Иванов, писатель II половины XIX в., в очерке «Сын чувашского народа» называет своего односельчанина И.Я. Яковлева «кошкинским чувашом». Это может показаться совершенно второстепенным фактом. Прототип в этом случае можно, казалось, квалифицировать как незначительное второстепенное явление: принадлежность Яковлева к представителям деревни Кошки – Ново-Тимбаево может якобы иметь значение только для биографии просветителя и не играть никакой роли в становлении его великим патриархом. Но писатель, рассуждая о просветителе, наделяет прототип большим историческим смыслом, поэтому выражение «кошкинский чуваш» также приобретает большой исторический смысл. Здесь писатель говорит о том, как из среды самых обыкновенных чувашей смог вырасти крупный деятель национальной культуры.

Т. Педэрки, описывающий детство Яковлева, жизнь мальчика 8-9 лет показывает на фоне больших исторических событий, поэтому произведение становится обоснованной исторической биографией. Как интересную форму условности, которая как бы вырастает из второстепенных фактов, можно, например, оценить эпизод знакомства Марии Александровны с Иваном Яковлевым в повести Т. Педэрки «Кушкă ачи» (Мальчик из чувашского села). И.Н. Ульянов, знакомя жену с чувашским парнем, становится рядом с ним и оказывается ниже его ростом. Этот факт символизирует, что богатырский рост молодого человека со временем станет выражением богатырской мощи его дел.

Таким образом, искусство и реальность существуют в плане объективном и субъективном. В каждом художественном произведении есть индивидуальность автора, и предмет отношения искусства к действительности есть художественный образ.

Обобщенно можно говорить о том, что содержание образа – это та действительность, которая нашла в нем индивидуальное воплощение. Он имеет корни не только в самом себе, но и в создавшем его авторе и в мире. Материал входит в этот мир, перестав быть самим собой. Первым слоем художественного образа являются, следовательно, отраженные в образе события и явления окружающего мира. Разные составляющие черты образа связываются, сравниваются с реальным миром. Содержание художественного образа можно представить как согласованность во всем их многообразии мира и человека, бытия и сознания. В литературе рассказываемое событие и их смысл совпадают. Это позволяет увидеть в материале то, что становится прототипом. Материал «уничтожается», совершенно изменяется в ходе творческой переработки. Но это не обозначает, что уничтожается его прототипная основа. Материал становится прототипным потому, что писатель (в данном случае это произведения Игн. Иванова, А. Артемьева, Т. Педэрки) художественными приемами добивается исторической емкости материала.

В связи с этим примечательно высказывание М.М. Бахтина, который, исследуя биографические жанры, отмечает: «Автор в своем творчестве и его жизни руководится теми самыми ценностями, которыми живет свою жизнь герой; автор принципиально не богаче героя, у него нет лишних трансградиентных моментов для творчества, которыми не владел бы герой для жизни; ав-

тор в своем творчестве только продолжает то, что уже заложено в самой жизни героев» [Бахтин, 1979. С. 142].

В отличие от других художественных методов, реализм стремится раскрыть человека в самом себе, освободить его от нехудожественных качеств. В то же время реализму присуща задача возвышения человеческой личности. Реализм это не просто воспроизведение реальности, а целостное и существенное поэтическое уразумение жизни в единстве ее материальных и духовных сторон, положительная точка зрения на нее.

Художественный образ нередко вбирает общественные предрассудки и заблуждения. Это тоже своего рода форма отражения действительности. Подобный образ может закономерно возникнуть в определенные периоды и при определенных условиях исторического развития общества, очень часто этому способствует чрезмерная идеологизированность литературного творчества. В связи с этим проблема «художественный образ и действительность» решается в ракурсе процессов жизни и первичного образа. Первичный образ и образ художественный часто выступают как существенно отличающиеся друг от друга явления. Следы такого идеологического подхода можно заметить в произведениях Г. Зайцева – Тал-Мрзы, И. Юркина, Д. Юмана-Петрова и ряда других писателей, которые в деятельности Яковлева видели выражение предрассудков общества. Они полагали, что обществу нужны организаторы культурной революции, индустриализации и коллективизации страны. И. Яковлев в глазах таких писателей выглядел как человек, идущий не в ногу со временем. Все это, конечно, зависело от неправильного толкования принципов историзма. В 20–30-е гг. XX в. сильны были тенденции идеологизации литературы и искусства, именно этим объяснялись данные перекосы. Это показывает, что такие исследователи чувствовали разницу между готовым характером и характером, заново создающимся. Принцип историзма тесно связан в биографических романах и повестях с разработкой готовых ситуаций и характеров. Подмена этих явлений заново создающимися сюжетами и ситуациями привела к искажению принципа историзма.

Необходимо подчеркнуть, что образ всегда вбирает в себя не только и не столько вопросы политической идеологии, сколько определенные, художественно обогащенные черты, свойства

жизни, внутренний мир человека через аналитико-синтетические операции, мыслительную деятельность писателя, поэтому художественному образу присущи те или иные духовно-нравственные противоречия жизни людей.

Процесс внутреннего становления художественного образа очень сложен. Здесь наряду с жизненным опытом писателя огромное значение имеет общая концепция произведения, система образного строя текста. Художник, создавая свое произведение, определяет сюжет и композицию, намечает взаимоотношения персонажей. Таким образом, литературный художественный образ связан с жизнью как отдельно взятого человека, так и всего общества во всей бесконечности, безграничности и многообразии. Пример таких взаимоотношений был уже рассмотрен в ходе анализа драмы Ухсяя «Черная судьбина». Именно из-за того, что недостаточно изучены были принципы прототипного образа, В.С. Чекушкин пришел к убеждению, что Яковлев был губителем молодых талантов. Здесь также проявляется непонимание сути типизации героев через принцип историзма. Вдумчивое рассмотрение взаимоотношений героев показывает, что Яковлев фактически является ценителем молодых дарований.

Художественное произведение – это не простое копирование действительности. Художник свободно обращается с необходимыми фактами. Это он делает без всякого ущерба для художественного произведения, вольная трактовка необходимых фактов призвана создавать полноценное произведение искусства. Несмотря на наличие отступлений, фантазии, вымысла, ценность художественного произведения не снижается. Разумеется, в таком вопросе для него очень важно чувство меры. Если автор поставил перед собой цель показать сильного, целеустремленного человека, то для создания типического образа он будет выбирать из всех доступных фактов именно те, которые наиболее созвучны с его задачей. В то же время наиболее живыми и правдоподобными получаются те образы, в которых обрисовываются сильные и слабые стороны личности во всей противоречивости их внутреннего мира и повседневного поведения, ибо человек – существо социальное, он постоянно сталкивается с положительными и негативными явлениями как по отношению к себе, так и в отношении к другим. Намек на слабые стороны характера Яковлева в какой-то мере присутствует лишь в драме «Черная

судьбина». Патриарх действительно заставляет переводить Ивана Библию в сыром, холодном помещении и тем способствует ухудшению его здоровья. Но в этом поступке Яковлева читатель видит не столько отрицательные черты патриарха, сколько противоречивость его характера и трагизм его судьбы.

Директор Симбирской чувашской школы относится к Иванову очень бережно, хотя он часто и ругает его как старший. В других же художественных произведениях (М. Юхмы, Т. Педэрки, Ф. Андреева, М. Трубиной и др.) великий просветитель показан в основном в идеализированном виде. Все это говорит о том, что такие понятия, как прототип и историзм, прозаиками часто понимаются односторонне. Исключение может составить диалогия А. Артемьева «Перед бурей». В ней читатель видит большую гнетущую боль писателя от впечатлений и горестного переживания судьбы Яковлева и его сподвижников — К.В. Иванова, Ф.П. Павлова, П.В. Пазухина и т.д. Все же историзм прототипов не исключает особой роли художника в создании образа тех или иных персонажей, их системы, приемов их раскрытия. Каждый художественный образ выражает отношение автора к предмету изображения. Художественный образ экспрессивен, он обращен не столько к уму, сколько к чувствам читателей, поэтому по силе эмоционального воздействия он превосходит рассуждение.

На первых порах, в раннем периоде развития чувашской литературы, особенно в очерке Игн. Иванова, больше встречаются рассуждения. Тем не менее они во многом играют художественную роль. В повести М. Трубиной «Ача чухнехи» (Детство), например, образ Яковлева непосредственно связан с личными воспоминаниями писательницы. В этом смысле прототипность Яковлева конкретно вырастает из переживаний писательницы, из ее отношения к предмету своих воспоминаний. Следовательно, историзм прототипа не исключает личностного авторского отношения к своему герою. Это показывает, что ее рассуждение в таких случаях становится художественным приемом. Существует в литературоведении традиция деления характеров на положительные и отрицательные. Это основано на идейно-эмоциональной оценке автором изображенных характеров и явлений действительности. Целый ряд писателей, названных вы-

ше, понимает И. Яковлева только как положительный образ, идеализированный тип.

Возможности выражения своего отношения к изображаемому у мастера слова по сравнению с документалистами гораздо шире. Писатель может придумать свой предметный мир. Однако и вымысел может превратиться лишь (очень часто) в иллюстрацию идеи о том, как и насколько велик Яковлев. Противоречивых черт патриарха прозаики в основном не замечают. Образ есть форма выражения содержания. Художественное обобщение, как и авторское отношение, обычно нигде не сформулировано автором, если же писатель выступает в роли разъясняющего свой замысел, основную идею своего произведения, его интерпретация далеко не всегда убедительна для читателя. По мнению А. Потební, в таком случае писатель «становится в ряды критиков и может ошибаться вместе с ними» [Потебня, 1976. С. 330].

В истории литературы мы замечаем особое внимание к нравственно-эстетическим отношениям. Отношения нравственного и эстетического в их органической взаимосвязи рассматриваются как проявление единства и различия добра и прекрасного. Эти качества выступают как важные стороны общения и поведения людей. Они переходят от провозглашения нравственных постулатов и эстетических деклараций к практическим действиям в соответствии с законами социальной справедливости. Художественное произведение может содействовать или спровоцировать разрушение ранее усвоенного стереотипа поведения. Сила литературы, художественного образа заключается в способности нравственно-эстетического воспитания читателей.

Образ И. Яковлева в чувашской литературе является крупным достижением художественной прозы. Он имеет большую нравственно-эстетическую значимость.

В связи с этим рассматриваемая проблема изучается на основе системного сравнительно-сопоставляемого и историко-функционального подхода к литературным явлениям и стремится выявить отражение в литературе эстетических ценностей, идейно-нравственных начал. Образное творчество помогает людям понять окружающий мир во всем его многообразии и позволяет ощутить богатство человеческих чувств, мыслей, стремлений.

Развитие литературы связано с читательской аудиторией и во многом зависит от нее. Потребности ее вызывают к жизни те

или иные темы и жанры, определенных героев и антигероев. Воздействие литературы не одинаково в различных слоях читательской аудитории. Раскрытие особенностей такого воздействия, исторической судьбы художественных произведений, творческих особенностей писателей-яковлеведов – немаловажная задача чувашского литературоведения.

С 70-х годов XX в. заметно возрастает интерес писателей к общечеловеческим ценностям: историческим, социальным, культурным, этическим и эстетическим. Художественное постижение действительности в реализме предполагает исторический подход к изображаемым явлениям действительности, характерным особенностям человека. Писатель, осмысливая современность, связывает прошлое и обозримое будущее в единой причинно-следственной связи в процессе развития. Неудивительно, что в дилогии А. Артемьева «Перед бурей» Яковлев изучается как поиск будущих культурных достижений чувашского народа. Изображая жизнь, Артемьев ищет общественные закономерности в предшествующем опыте человечества. Социально-психологическое исследование человека в обстоятельствах эпохи – основное составляющее исторического подхода к изображаемому. Вот почему его роман нельзя считать только воспоминанием о прошлом, только биографией И. Яковлева.

Историзм, следовательно, можно расценивать как соединительное звено между произведениями исторического жанра и литературными явлениями, посвященными сегодняшней жизни. Он проявляется в произведении в цельности и конкретности восприятия человека в социально-исторических обстоятельствах его бытия. Историзм изображения действительности – основной творческий принцип раскрытия образа И. Яковлева. Говоря о философских и методологических основах историзма литературы, необходимо в первую очередь учитывать то, что каждое явление и факт действительности нужно рассматривать в связи с другими исторически, т.е. в плане исторической обусловленности. Именно этим показателем роман А. Артемьева, являющийся лучшим образцом яковлевианы в чувашской прозе.

Осознание историзма как проблемы методологической является одним из наиболее перспективных особенностей современного литературоведения. Здесь рассматривается принцип историзма в его многомерности и целостности. «Принцип историз-

ма, — пишет Н.Н. Воробьева, — категория методологическая, мировоззренческая — входя в систему творческого метода, становится эстетической категорией. В своих конкретных проявлениях в литературе он выступает как художественный историзм, пронизывая и организуя образную структуру произведения, ибо искусство имеет дело с конкретно-чувственными образами» [Воробьева, 1978. С. 6].

Для современной литературной теории и практики перво-степенной задачей является всестороннее и глубокое осмысление принципа историзма. Чувашская литература, как показывает анализ, теснейшим образом связана с движением общественной жизни. Явления прошлого находятся в центре непреходящих духовных ценностей чувашского народа. С позиций исследования характера человека в свете национального особенного содержания чувашская проза, по мнению автора, дает широкие возможности для конкретизации проблемы изображения национального характера. Как пишет А. Толстой, «... становление личности — это большая задача для художника... Вторая задача, равноценная ей, — это выявление двигающих сил эпохи...» [Толстой, 1983. С. 169]. Таким образом, исторический жанр включает в свою художественную структуру помимо документально-исторических свидетельств и изображение реальных исторических лиц, художнические свидетельства, реалии и лица ушедшей эпохи, реконструированные при помощи знания и воображения художественного домысливания. Эта концепция определяет большую свободу в использовании исторического документа. Еще в 30-е годы М. Горький писал: «Факт — еще не вся правда, он только сырье, из которого следует извлечь настоящую правду искусства. Нельзя жарить курицу вместе с перьями ... нужно уметь извлекать из факта смысл» [Горький, 1953. С. 296]. Писателю не нужно слепо преклоняться перед документами. А. Толстой формулировал важные черты историзма: «... выдумка иногда больше правды, больше, чем сама правда, и часто голая документальность малоубедительна, потому что документальная запись — запись момента, как фотография — запись выражения человеческого лица в одно из мгновений, но никогда не лица в целом, не типа лица. Задача искусства (как задача портрета) — создать характер — тип» [Толстой, 1983. С. 550]. Наиболее ценную услугу в разрешении проблемы исторической достоверности

содержания того или иного произведения оказывает выяснение вопроса о том, какие документальные источники были в распоряжении писателя. Исторический роман и повесть являются жанрами, где писатель обладает благоприятной возможностью для более тесных связей художественного творчества с документальным материалом.

1.3. Жанрово-стилевые особенности в воплощении образа И.Я. Яковлева

Ученый мыслит понятиями, а художник – образами. И ученый, и писатель идут разными путями в познании человека и окружающего мира. Для науки духовный, нравственный облик ученого не столь важен. Как писал В.Г. Белинский, «один доказывает, другой показывает, и оба убеждают, только один логическими доводами, другой – картинами» [Белинский, 1956. С. 311]. Личность художника, его неповторяемая индивидуальность, мировосприятие и отношение к жизни рожают неповторимость творчества. Вот как В.Г. Белинский пишет о художественной неповторимости писателя: «Все произведения поэта, как бы ни были разнообразны и по содержанию, и по форме, имеют общую всем им физиономию, запечатлены только им свойственной особенностью, ибо все они истекли из одной личности, из единого нераздельного «я». Таким образом, приступая к изучению поэта, прежде всего должно уловить в многообразии и разнообразии его произведений тайну его личности, т.е. те особенности его духа, которые принадлежат только ему одному» [Белинский, 1955. С. 307].

Как показывает положение, высказанное критиком, творческое своеобразие художника состоит из субъективных и объективных факторов. «К субъективным факторам, реализующимся в произведении художника и отображающим его индивидуальность, относятся: характер его образного видения, жанровые предпочтения, творческие цели, пафос, художественный метод и стиль, ориентация на предполагаемого читателя. Субъективные факторы находятся в теснейшей взаимосвязи с объективными: общественными и гражданскими тенденциями, формирую-

щими индивидуальное мировоззрение писателя, эстетическими идеалами эпохи, современным художнику состоянием литературного процесса» [Пути, 1980. С. 50]. Именно взаимодействие с читателем и создает эффект гражданственности высказанных писателем идей. При сопоставлении произведений разных авторов нетрудно выявить творческое своеобразие каждого. Читатель видит их личные пристрастия, отношения к прообразу, их социальные пристрастия, манеру изложения и в системе образов, и в круге затрагиваемых проблем.

Выше было сказано, что один из лучших мастеров прозаической яковлевианы А.С. Артемьев является тончайшим лириком и психологом. По мнению Г.И. Федорова, в своих прозаических произведениях А. Артемьев предстал перед читателем как замечательный мастер романтических произведений. Не удивительно, что и образ И.Я. Яковлева, его сподвижников К. Иванова, Ф. Павлова и других в его дилогии получает лирическое освещение [Федоров, 2004. С. 293]. Для писателя важны не столько биографические данные, сколько романтическое восприятие крупных фигур деятелей чувашской культуры. Поэтому Артемьев в качестве своего читателя имеет такого же романтика, как и он сам, именно к нему обращается писатель в своих произведениях. Как любой лирик-романтик, прозаик обращается к приему весьма оправданному в его книгах – приему лирико-романтической идеализации героев. Его трудно винить в том, что он идеализирует образ Яковлева. Таковы законы его творческого мира, построенного на лирико-психологических переживаниях автора и его персонажей.

Другого характера идеализация, например, у Т. Педэрки. В его повести можно обнаружить и недостатки. Идеализируя героев, он как бы забывает, что в своих творческих поисках он является не романтиком, а публицистом; для публицистики идеализация не всегда к месту. Таким образом, проблема читателя для определения стиля писателя имеет огромное значение. Следовательно, и понимание читателем гражданской позиции напрямую связано с проблемой стиля писателя.

При анализе литературного произведения существенным является сравнение жизненного материала с художественным образом через призму биографических особенностей и творческую индивидуальность писателя. Изучая каждое произведение,

мы тем самым выявляем, что нового внес автор в литературный процесс, каких традиций придерживался. Другими словами, проблема традиций и новаторства немаловажна в изучении того или иного произведения. В литературоведении существует точка зрения, согласно которой поэтика каждого писателя отличается неповторимой, присущей только ей индивидуальностью. Необходимо отметить, что творческое своеобразие писателя предопределяется предпочтением автора родо-видовых и жанровых особенностей. А. Артемьев является создателем многотомного романа. Это означает, что произведение включает в себя особенности многих стилей. Здесь присутствуют и публицистический показ жизни, и приемы тонкого психологизма, и свойства выразительного лиризма и т.д. В связи с этим романтическая идеализация Яковлева и его сподвижников является одной из стилистических плоскостей, несмотря на то, что по жанро-родовым разновидностям художник слова остается лириком-романтиком. Это означает, что он больше пользуется лирическими средствами и приемами: метафорой, внутренним монологом, пейзажными зарисовками и т.д. Сказанное не исключает того, что Артемьев в романе прибегает к многозначности и многостильности. Это несколько не противоречит позиции идеализированности образа Яковлева. Художник слова должен быть рассмотрен намного шире, чем плоскость идеализированного героя – в романе его читатель узнает через реалистические сцены трагических событий, особое публицистическое отношение писателя к своим героям, находит приемы психологического их отображения.

Т. Педэрки – публицист. Повесть его больше тянется в сторону очерка-биографии. Автор пользуется публицистическими приемами: рассуждение, публицистическое отступление, прием прямого выражения авторской позиции и т.д. Как показывает анализ, различные тексты далеко не во всем совпадают по стилю. Конечно, лирика и эпос имеют своим коренным образом входящиеся моменты как в плане изображения жизни, так и в плане отражения отношения авторского к изображаемым событиям. В то же время при разборе отношения любого рода необходимо учитывать особенности восприятия мира автором и преобладающие черты его поэтики.

Следует отметить то обстоятельство, что при восприятии того или иного художественного произведения читатель стремится угадать и образ автора. Вольно или невольно он хочет видеть своего собеседника – писателя, его отношение к изображаемым событиям, его мироощущение и жизненный опыт. Литература – одна из форм коммуникации. В отличие от устного общения, когда общающиеся представляют друг друга и многие механизмы взаимодействия упрощены, при восприятии художественного произведения читателю остается лишь домысливать образ автора. В результате такого домысливания у него рождается свой образ повествователя, которому он будет симпатизировать, в тех или иных вопросах соглашаться с ним, в тех или иных вопросах – нет. Рассуждения эти не являются случайными. Они показывают, как относятся к изображаемым героям и картинам писатели совсем не романтического плана. Это свойственно таким писателям, как Т. Педэрки и Ф. Андреев. Иногда авторы стараются отделить образ от себя, часто они не любят рассуждать о своих произведениях, потому что нельзя предусмотреть, какие чувства у читателя пробуждает то или иное произведение, тот или иной образ. Публицист больше рассуждает, больше обращается к анализу фактов, поэтому он больше использует такие способы ведения речи, как рассуждение, описание, публицистические отступления и т.д. Здесь он прибегает к приему аллегории и контрастного противопоставления различных сторон жизни. По-другому поступает лирик. Он больше старается выразить свое отношение к предмету через употребление метафоры, других тропов, опирается больше на чувства, а не на анализ. Поэтому у Артемьева, например, встречается много развернутых метафор, лирических отступлений, пейзажных зарисовок, внутренних монологов.

В то же время ни одному автору не удастся отделиться от созданного им образа. Непременно перед глазами читателя через аналитико-синтетическую работу его мозга, через сравнение, манеру изложения, систему образов возникает образ автора, выявляются идейные и художественные приоритеты писателя. Человек не общается с пустым листком бумаги. Эту особенность заметил еще Гегель. На вопрос почему это происходит, он отвечает: потому что «в завершённом произведении мы одновременно хотим видеть создание сознательного и оригинального творчества, распознавая в нем искусство и виртуозность индивиду-

ального поэта» [Гегель, 1971. С. 559]. Для художественно-биографической прозы это особенно важно, ибо создать биографию великого деятеля национальной истории и культуры невозможно, не выразив своего отношения к нему. В то же время в этой биографии проявляется и сам автор. М. Юхма, например, создающий повести-легенды, новеллы-легенды, и к образу Яковлева подходит с точки зрения преданий и легенд. Яковлев в его произведениях иногда проявляется как герой легенды. В произведениях А. Артемьева читатель чувствует большую боль его души по поводу тягот, легших на плечи Яковлева, Иванова, Пазухина и др. Поэтому читатель получает сведения не только о Яковлеве как герое произведения, но и об авторе, который создавал это произведение. Произведение трудно понять, не осмыслив художественного мира автора.

В литературоведении есть исследователи, которые исходят из того, что произведение создает собственно читатель. Произведения нет, пока, как считает Л. Анненский, не прочтут, а когда читают – вычитывают, что хотят или что могут вычитывать. Такая критика не находит разницы между произведением и любым текстом.

Нельзя считать, что классические шедевры, если иметь в виду Константина Иванова, недооценивались, его понимали и истолковывали в разные эпохи по-своему. И все же через его творчество осуществлялась преемственность в литературе.

В художественном произведении «жизнь» не похожа на жизнь действительную. Слушающий читатель, скорее, поверит больше в условность, только бы это была живая условность.

Нужно отметить, что в литературном процессе участвуют, как показывает анализ, художники слова не только разные по индивидуальной манере, но и разные по своему мировоззрению, мироощущению, мировосприятию, по жизненному опыту и дарованию. В связи с этим Ф. Андреева и А. Артемьева следует оценивать с точки зрения их эстетических принципов, их стилистических притязаний. При этом каждый раз складывается иной художественный результат, по которому мы можем судить о мастере слова. Мастерство писателя заключается в том, как он владеет своим стилем.

Писателю, наряду с впечатлениями, почерпнутыми непосредственно из жизни, документальных источников, содержащих све-

дения, необходимы подробности о жизни героя для создания подлинно значительной литературы. Такими произведениями в чувашской литературе о И. Яковлеве являются произведения А. Артемьева, М. Трубиной, Ф. Андреева, М. Юхмы, Т. Педэрки, Г. Волкова и др. Привязанность к документальным источникам, бывшим в распоряжении писателя, оказывает неоценимую услугу в разрешении вопроса о замысле и прототипах, правдивости образов, исторической достоверности содержания. Наиболее заметным и значительным элементом документальный источник является, очевидно, в произведениях исторического жанра: повесть, роман, драма. Здесь фактический материал присутствует как первооснова, как фундамент художественного изображения действительности. Исторический роман и повесть дают наиболее благоприятную возможность для установления связей художественного творчества с источником. В связи с этим произведения названных авторов можно отнести к жанрам исторической повести и романа. Эти виды исторической беллетристики представляют собой сочетание истории и поэтического вымысла, подлинной действительности, запечатленной в документах, и художественного проникновения правды былой жизни.

В подлинно художественной исторической прозе, где факты истории творчески перевоплощены в факты искусства, вымысел помогает писателю почерпнуть из материала, документального сырья сведения не только для отражений колорита эпохи, внешних атрибутов времени или индивидуальных черт героев, но и воспроизвести важнейшие закономерности общественной жизни народа, ведущие тенденции времени. В связи с этим действительность в художественных произведениях Я. Ухсяя, А. Артемьева, М. Юхмы воплощена объективно точно. Отражение жизни в их художественных произведениях представляет собой сложный синтез правдивости с идейной позицией автора.

Литературный образ, конечно, неотделим от сюжета, его прототипной основы, принципов историзма в его изображении. В данной главе изучены и выявлены различные формы и типы прототипов, различные случаи разработки принципа историзма. Прототип и образ явления очень емкие и разнородные. Нами выделены следующие моменты: 1) творческая деятельность исторического лица; 2) описание его портрета как раскрытие его характера; 3) творческие переживания автора. Каждый автор

проявляет особенности своего восприятия судьбы И.Я. Яковлева: творчество А. Артемьева пронизывают душевные страдания патриарха. Для Т. Педэрки важна очерковость. Выдвижение на передний план документальности изображения биографии И. Яковлева заставляет выбирать жанр биографического очерка таких писателей, как Ф. Андреев, Г. Волков, М. Юхма и др. В понимании М. Юхмы, например, просветитель обычно предстает как метафорический Улыб-великан. Вместе с тем такой обобщенно-метафорический гиперболический образ оставляет в стороне те качества И. Яковлева, которые присущи живому человеку. Для нас ценно то, что литература показывает человека, т.е. Ивана Яковлева, в комплексе его сильных и слабых сторон как личности, ибо сугубо идеального человека в реальной жизни не бывает.

Проблема «прототип и его образ в литературе» разрабатывается в тесной взаимосвязи с такими сторонами творческого процесса, как личность писателя, тип его мышления, позиция и образ автора и т.д.

Художественный образ Яковлева создается писателями путем обобщения явлений действительности, архивных документов и мемуаристики. При этом каждый художник имеет обыкновение выбрать для себя то, что ему наиболее близко. По мнению соискателя, необходимо различать факты, материал от прототипа, тип читателя, который наиболее близок тому или иному писателю и т.д. Анализ художественной литературы позволяет сделать следующее заключение: каждый автор освещает И.Я. Яковлева с точки зрения своего понимания роли и значения патриарха в деле просвещения и культурного подъема чувашского народа. При этом в образе просветителя несомненно должны слиться все те качества, которые присущи каждому чувашу. В то же время в образе И. Яковлева должны быть те качества и те обстоятельства, которые привели его к этому состоянию, отсутствующие у других чувашей.

Итак, резюмируем основные положения первой главы.

1. Прототип героя в литературе является категорией динамической и развивающейся. Он требует особой формы построения внутреннего мира произведения. Существенное значение для художественного показа имеют такие стороны жизнедея-

тельности педагога, как документы, воспоминания различных исторических лиц, свидетельства исторических деятелей и т.д.

2. Показывая образ, разные писатели выражают свое неповторимое отношение к проблеме прототипа. Так, для А. Артемьева важно лирико-романтическое понимание прототипа, М. Юхма тянется больше к документам и воспоминаниям. Все это дает основание утверждать, что прототип как развивающаяся категория тесно связан с творческой индивидуальностью художника слова.

3. Писатель вынужден задумываться и над особенностями исторической эпохи, в которой жил И.Я. Яковлев. Например, Я. Ухсай в судьбе патриарха внимательно изучает трагизм эпохи, Н. Терентьев считает, что важно показать романтичность фигуры исторической личности. В связи с этим возникает тяга мастеров слова к тому или иному стилю. А. Артемьев пристально изучает внутренний мир своего героя, Я. Ухсай останавливается на противоречивости персонажа произведения и т.д.

Вопросы, освещенные в I главе, помогают выявить истоки чувашской прозаической яковлевианы, обнаружить контекст, в котором начинает формироваться традиция изображения образа патриарха в художественной литературе. Этому посвящена II глава книги.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение понятия «прототип» в литературоведении.
2. В чем выражается зависимость изображения прототипа в художественной литературе от научного описания исторической личности?
3. Раскройте следующее суждение: «Прототип трудно оценить как застывший и вечный образ».
4. Определите сходства и различия портрета образа в художественной литературе, живописи и фотоискусстве.
5. Как влияет принцип историзма на изображение прототипа?
6. Каковы особенности жанрово-стилевого воплощения образа И.Я. Яковлева в литературе.
7. Расскажите о взаимосвязи триады «автор/писатель – образ/герой/ – читатель/критик/» в разрезе проблемы прототипа.

Тема И.Я. Яковлева в чувашской литературе конца XIX – I половины XX вв.

2.1. Первые художественные произведения и публицистическая литература о И.Я. Яковлеве

Под влиянием идей революционной демократии в 60-х гг. XIX в. в российском обществе происходят большие перемены. Эти идеи пронизывают и образование, и литературу, и искусство. Они начинают вовлекать в свое русло и представителей национальных меньшинств; литература переходит к реальному освещению жизни народа. Первые просветители нерусских народов, поняв идеи свободы, начинают работать для сближения, ознакомления своих народов с культурой великого русского народа. Начиная с 1870 г. дети нерусских народов получают право учиться в школах на родном языке [Родионов, 1999. С. 74]. Царское правительство боялось распространения свободолобивых идей среди «инородцев», поэтому оно стремилось взять в свои руки контроль над книгоизданием и народным образованием. В Казани открывается миссионерское общество «Братство святого Гурия», его задачей было распространение книг религиозного содержания. Тем не менее возможность печататься на родном языке дала мощный импульс для демократически настроенных, образованных людей, выходцев из местных народов. Появилась возможность для создания более совершенной письменности и развития художественной литературы.

В чувашской художественной литературе о такой миссии И.Я. Яковлева как просветителя впервые задумались его ученики-сподвижники: Игн. Иванов, К. Иванов, Н. Шубоссини,

Г. Кореньков, Г. Комиссаров и др. К. Иванов приветствует появление такого человека в обществе, который выражает чаяние всего чувашского народа. Как передовой мыслитель и гениальный художник поэт понял, что назрело время, когда культуру чувашей должны поднимать такие люди, как И.Я. Яковлев. Неслучайным является образ фонаря, освещающего путь чувашского народа. Н. Шубоссини приходит к такому образу Яковлева также осознанно. Оба поэта понимают, что дело образования нельзя оторвать от книгоиздания.

Таким образом, И.Я. Яковлев оказался тем человеком, которого призвала сама эпоха. В 1856-1860 гг. Яковлев учится в Бурдундском уездном училище; после окончания землемерских курсов в течение четырех лет он работает в Самарской, Симбирской, Казанской губерниях. Здесь он знакомится с условиями бесправной жизни трудового народа. У него рождается мечта о помощи родному народу, для осуществления которой нужно было много учиться. И он в 1870 г. оканчивает гимназию, поступает в Казанский университет. Еще будучи гимназистом он знакомится с И.Н. Ульяновым и Н.И. Ильминским. У него крепнет желание посвятить свою жизнь делу народного образования. Для просвещения родного народа приходилось работать в трудное время; все народное хозяйство и политическая жизнь России были под влиянием остатков крепостного права. Именно с такой стороны воспринимает просветителя К. Иванов в поэме «Хальхи самана» (Наше время). По его мнению, Яковлев тот добрый человек, который осознал свою миссию:

Ырă чăваш тупăнчĕ,
Ырă ёсе тытăнчĕ.
Чăн чăвашла сăмахпа
Хай тăванне чăваша
Пырса сарпĕ чĕрине,
Пăлхатса ячĕ чĕрене.

Пăлхатнинчен питĕрех
Шухăш ўкрĕ пуç сине.

Друг чуваш за дело взялся,
Добрый делом он занялся.
Чувашам родным по-братски
Словом истинно чувашским

Сердце, душу тронул он,
Взволновал их, дал разгон
Чувствам, так давно дремавшим,
И заветным думам нашим

[Иванов, 1957. С. 266-267]

Дело Яковлева поэт называет «добрым», любовно описывает его «братское отношение к своему народу», а слово его называет «истинно чувашским», т.е. поэт понимает, насколько важно значение родного языка. Он прав, считая, что только родным словом можно затронуть и взволновать душу чувашей. Такого же мнения, как и К. Иванов, был Игн. Иванов, считавший, что Яковлев является подлинным сыном чувашского народа, воплотителем его чаяний и надежд. В 1868 г. И. Яковлев вызывает из родной деревни своих друзей на учебу в г. Симбирск. Так начинается история Симбирской чувашской школы. В годы учебы в Казанском университете он основательно знакомится с методической системой обучения нерусских детей Н.И. Ильминского, создает новую чувашскую письменность, готовит и издает букварь для обучения чувашских детей письму. Вся жизнь И.Я. Яковлева после окончания университета связана с чувашским народным просвещением, с распространением среди чувашей знаний и культуры, выращиванием чувашской интеллигенции. Взяв в основу систему Н.И. Ильминского, просветитель дополняет и обогащает ее идеями К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, В.Я. Стоюнина, В.И. Водовозова и других русских педагогов-демократов. Со временем начинает учить своих воспитанников по программе земских школ. Первые буквари, созданные в Симбирской чувашской учительской школе, как верно заметил исследователь Г.Ф. Юмарт, являлись не только учебными изданиями, но и первыми литературно-художественными хрестоматиями [Юмарт, 1992. С. 8]. Для обучения родному языку он создает усовершенствованный чувашский букварь, в новых изданиях дополняет, исправляет его. В букваре и книгах для чтения И. Яковлев широко использует образцы устного народного творчества, чувашские переводы рассказов К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого.

Сказанное выше нельзя считать случайным явлением. Первыми создателями его образа, как было уже сказано, являются

ученики Симбирской чувашской школы. Это не только названные поэты, но и В. Анисси, Т. Таэр, М. Трубина, Ф. Павлов и др. Это позволяет думать, что такие художники слова зримо ощутили, хорошо поняли, какое трудное и великое дело затеял их учитель. На этих поэтических традициях и выросли названные выше деятели чувашской литературы и культуры. Следовательно, мысль К. Иванова и Н. Шубоссини об огромной роли книгоиздания на родном языке получила практическое подтверждение. Конечно, такие исследователи и писатели, как Г. Кореньков и Г. Комиссаров, конкретно к образу Яковлева не обращались, но их мысли о необходимости просветительства развивались в таком же направлении, в каком высказали свое положение Иванов и Шубоссини. Важно отметить, что на формирование традиций чувашской литературы решающую роль оказала и переводческая деятельность, которую Яковлев организовал в своей школе. Особый упор делался на перевод церковных книг, которые использовались священнослужителями на уроках по изучению священного писания. Эти книги были первыми образцами, созданными на основе новой чувашской письменности, и распространялись по чувашским приходам. Рукописи и отдельные экземпляры книг переводов Библии дошли до Британского библейского общества, где хранятся и поныне. Библейские тексты, как известно, так же, как и другие церковные книги, содержали в себе сведения о святых. По жанру они являлись житием святых, т.е. агиографическим жанром. Это позволяет думать, что на формирование жанра биографии в чувашской литературе и, что важно, становление яковлевианы особое влияние оказали переводы религиозной литературы. Следы эти можно заметить у Игн. Иванова «Сын чувашского народа» и К. Иванова «Наше время». В них деятельность Яковлева оценивается как великая миссия по просвещению чувашей. Таким образом, появление биографических произведений о Яковлеве самым тесным образом связано с тем, что и как он творил в Симбирской чувашской школе. Показывая, например, как чувашский народ благодарен своему просветителю, Игн. Иванов в чем-то приближается к созданию житийской биографии патриарха. В связи с этим через понимание образа Яковлева чувашская литература делает шаги к особому пониманию биографической поэмы. Поэма К. Иванова «Наше время» содержит в себе черты рассуждений, она может быть да-

же названа публицистико-биографической поэмой. Н. Шубоссини больше тянется к образнолирическому пониманию Яковлева, а Игн. Иванов наделяет поэму агиографическими чертами. Исходя из этого нельзя не поставить вопрос о том, какие усилия предпринимал патриарх для сохранения своей школы. Образ Яковлева встречается не только в положительной оценке его роли друзьями и сподвижниками, о нем много пишут в своих очерках и враги.

Необходимо отметить, что очень трудно было печатать оригинальные произведения, но первые художественные тексты молодых чувашских авторов появились уже в 1908 г. в книге «Сказки и предания чуваш», посвященной 40-летию Симбирской чувашской школы. Именно в ней были напечатаны поэма «Нарспи», стихотворная сказка «Две дочери», баллады «Железная мялка» и «Вдова» К. Иванова; поэма «Яндрак янравё», поэма-сказка «Змей соблазнитель» Н. Шубоссини и др. Эти обстоятельства привели к тому, что два поэта загорелись желанием создать адекватный образ Яковлева. Данный факт доказывает, что старания И.Я. Яковлева увенчались успехом. Именно в его школе зародилась чувашская классическая художественная литература. Здесь же зародился биографический жанр; первым героем его стал сам И. Яковлев.

В 1906-1907 гг. в г. Казани начала выходить газета «Хыбар», где основными сотрудниками были воспитанники И. Яковлева. История газеты перекликается с судьбой И. Яковлева и его воспитанников. В это время, когда чувашский патриарх изо всех сил старался сохранить свою школу, первая чувашская газета просто не могла обосноваться в г. Симбирске, ибо ее сразу же закрыли бы. Нельзя понимать этот факт как случайное совпадение. Фактически поэма «Наше время» как одно из первых публицистических произведений XX в. была написана в те годы, когда появилась газета «Хыбар». Это показывает, что становление биографического жанра И. Яковлева тесно связано с возникновением национальной литературы и публицистики. Но казанские кадеты с целью очернить имя чувашского просветителя в своем приложении «Легендарный чувашский юбиляр» к газете «Камско-Волжская речь» напечатали своеобразную брошюру. Главная их цель была покрыть позором имя инспектора Симбирской чувашской школы И.Я. Яковлева. «И. Яковлев для чувашей ничего не

сделал, не было ни одной полезной работы. Он восхвалял только себя, – писал некий Смирнов. – Симбирскую чувашскую школу не открывал И.Я. Яковлев. И чувашский алфавит создал не он» [Арсентьев, 1968. С. 83]. И. Арсентьев приводит небезытересные факты. В начале апреля 1918 г. националисты из Симбирской чувашской школы, поддавшись на уговоры эсера-учредивца С.Н. Николаева, приняли решение об устранении И. Яковлева от обязанностей председателя педсовета. И это не могло не беспокоить и русских интеллигентов. И.А. Бобровников оценил это как вредительство для всего чувашского народа. Он прислал по этому поводу письмо в редакцию газеты «Канаш». Он пишет: «Я обращаюсь ко всему чувашскому народу: Вам следует немедленно исправить эту ошибку» [Там же. С. 84]. Конечно, эти факты не являются фактами художественной биографии Яковлева, но они со временем стали оказывать влияние на определенных лиц, которые занимались образным воплощением судьбы просветителя. В качестве такого примера можно назвать сочинения И.Н. Юркина, в которых И. Яковлев показан в неприглядном свете.

Как видно, С.Н. Николаев старался принизить роль И. Яковлева. Травле Яковлева не было и конца. В 1906 г. в газете «Симбирский вестник» в памфлете под названием «О двух генералах» открыто высмеивается И. Яковлев: «30 лет назад в Симбирске Ванька бешеный открыл школу для босяков. Обрадуясь, что это нужное дело, государственный деятель России, обер-прокурор Синода Победоносцев П.К. с радостью согласился помочь, выделил землю и помог деньгами. После этого поставил для себя великолепный храм. Продав приобретенную несколько лет назад землю, три дня пьянствовал, не поднимаясь с постели... Присвоил половину суммы от оплаты детей за обучение. Учащиеся жили в невыносимых условиях, из-за голода многие вымерли. Они проклинали Ваньку долго. Пропади пропадом эти 2 тысячи денег. Пропади он пропадом этот Ванька бешеный» [Симбирский, 1906. С. 4]. Избрав как основу своего памфлета сказку Салтыкова-Щедрина «О том, как один мужик двух генералов прокормил», автор его пытается сатирически преувеличить якобы отрицательные стороны руководителя Симбирской чувашской учительской школы. 27 апреля 1907 г. в газете «Волжские вести» была напечатана другая обвинительная статья

в адрес И. Яковлева: «Иногда даже хорошо успевающих без всякого суда вышвыривал на улицу. Оставлял без обеда за нарушение дисциплины. Жили грязно, заставлял выполнять тяжелые работы. Бывало, что и девушек таскал за волосы» [Яковлев, 1993. С. 5]. Д.Ф. Филимонов, протоиерей, воспитанник Симбирской чувашской школы, в защиту И.Я. Яковлева пишет: «Очень полезна для учащихся работа на свежем воздухе. Неправда, что из-за Яковлева некоторые умерли, потому что И. Яковлев старается для каждого воспитанника делать добро. Он систематически проверял учащихся. Не было бы строгой дисциплины, не сохранилась бы и Симбирская чувашская школа» [Филимонов, 1993. С. 4]. У Ивана Яковлева в Симбирске было немало врагов. Например, архиепископ Симбирский Никандр терпеть не мог Яковлева и его деятельность по просвещению нерусских народов. В газете «Миссионерское обозрение» он в открытую выражает свою мысль: «Неуместно участие в обозрении религиозных вопросов таких людей, как Яковлев» [Яковлев, 1983. С. 109].

Подобные клеветнические публикации можно было встретить в Симбирске часто. Сказанное выше говорит о том, что не только сторонники, но и его враги создавали авторитет И. Яковлева и даже критикой своей культивировали интерес к нему. Из приведенных цитат видно, что поддерживался интерес к самым различным сторонам деятельности просветителя: к тому, как он относится к ученикам; почему и как он создал чувашский алфавит; как расходовал финансовые средства в школе; что он делал и не сделал для чувашского народа. Таким образом, фигура Яковлева становилась не только предметом житейского изучения. Часто на него писались пасквили, клеветнические памфлеты. Все это показывает, что фигура Яковлева способствовала возникновению и развитию жанра биографического толка: пасквилей и памфлетов, различного рода поэм, научно-художественных очерков и т.д.

В 1884 г. в журнале «Церковнообщественный вестник» один корреспондент в статье под названием «Из Чебоксарского уезда» так незаслуженно обвиняет созданный Яковлевым алфавит: «По молодости лет господин Яковлев пошел по ложному пути в деле инородцев. Он мечтал превратить чувашский язык в язык книжный. Поэтому, конечно, ему приходилось думать об алфавите. Таким образом, проделав в течение длительного времени нелег-

кую работу по филологии, он добавляет к некоторым русским буквам хвосты и рога, и чувашский язык становится культурным языком. Подобно тому самому волшебнику и его жене: оказывается, есть и письменность, и соответствующие слова» [Сироткин, 1968. С. 25]. Мысль, высказанная о поэме К. Иванова «Наше время», лишней раз доказывает, насколько глубоко понял суть деятельности Яковлева величайший поэт. Нельзя поднять народ без книжного языка и алфавита. Именно они и превращают язык нации в фактор культуры. Иванов и Шубоссинни это прекрасно поняли и такую сторону биографии Яковлева оценили как главную его черту. Но автор напечатанной корреспонденции явно не понял эту сторону жизни и деятельности просветителя чувашского народа. Реакционеры всю жизнь не оставляли И. Яковлева в покое. Обвиняли его в попытке создать чувашскую культуру, грозились, писали кляузы: «В книгах на чувашском языке распространяют сепаратизм и самохвальство, это очень некрасивое, вредное явление. Разве не было бы полезно дать чувашам только книги на русском языке, разговаривать с ними на русском. У чувашей не было культуры и не будет» [Там же. С. 25]. Оппоненты Яковлева понимали, что язык несет с собой культуру, поэтому они выступали против национального книгоиздания.

Невзирая ни на какие невзгоды, И. Яковлев продолжал свое начатое дело. Учил детей, выпускал книги. В каждой книге заключено было немало полезного. «Говоря о том, что Библия может быть полезна и верующему, и неверующему чувашу, но в то же время религия вредна для народа, И. Яковлев, лукаво улыбаясь, говорил так: «Я издавна знаю, что и церковные работники, и множество из попов дармоеды. Они стараются работать только для себя» [Юман, 1997. С. 27].

По нашему мнению, в настоящее время споры о том, был ли И. Яковлев миссионером или не был им, совершенно неуместны. В свое время он по-другому работать не мог и не имел возможности. Главное для него было просвещение родного народа. Это можно определить как цель всей его жизни. Именно так и воспринимали Симбирскую школу гениальные ее ученики К. Иванов, Н. Васильев, Ф. Павлов и др. Миссионерская же деятельность, соглашательство с монархистами – это средство для достижения основной цели. Следует признать, что живой чело-

век мог на некоторые вопросы смотреть по-своему, совершенно отличающимся от общепринятых норм в обществе взглядов.

В связи с этим и в полемическом противостоянии с идеями Иванова Васильева, Павлова нужно, видимо, оценить творение И. Юркина 30-х гг. Следует отметить, что Иван Юркин был в свое время учащимся Симбирской чувашской школы, но из-за неуспеваемости и за нарушение дисциплины был исключен. Он пишет: «Тот, кто делал многое для Чувашии перед правительством – это Золотницкий. Он душой старался учить чувашей по-чувашски, позже И. Яковлев занимает его место. Он осудил и очернил книги Н.И. Золотницкого, который заставляет разговаривать на южном диалекте, он стал продавать наш чувашский народ русским. Создатель чувашской письменности не Яковлев, а Золотницкий» [Юркин, 1993. С. 48-49]. И.Н. Юркин на всю свою жизнь сохранил недоверие и презрение к своему учителю. Это не делает чести ему как ученику великого просветителя. В своих записях он приводит факты, которые только очерняют его учителя. Оказывается, в школе И. Яковлев детей изводил тяжелыми работами вместо того, чтобы учить основам науки.

И. Юркин известен с одной стороны как один из первых авторов большеобъемных художественных произведений. С другой стороны, в его творчестве занимают особое место мысли, где он высказывает отрицательное отношение к деятельности И. Яковлева. Он собрал значительное количество материалов по истории чувашского языка, фольклора, этнографии, культуры, также писатель оставил замечательные образцы публицистических произведений в чувашской литературе. Из его произведений мы узнаем, что И. Яковлев создал в школе крепкую дисциплину и старался поддерживать ее. Он не любил нарушителей дисциплины, озорных и шаловливых учащихся. Мог якобы даже огреть их своим посохом за те или иные прегрешения. Когда он писал про И. Яковлева статью под названием «Враг чувашей» (1928), почтенному старику И. Юркину было 65 лет. В то же время учитель высоко ценил творчество писателя. Не раз предлагал ему работать вместе. Мастер слова по известной причине не мог согласиться с таким предложением великого просветителя.

И. Юркин не понял того, что система Яковлева исходит из системы Ильминского, что она направлена на поднятие самосознания чувашей. Вот почему он стал считать, что Яковлев во мно-

гом уступает Н.И. Золотницкому. Между тем деятельность Яковлева основывалась на приоритете не только одного диалекта, а на сплочении всех говоров чувашского языка. В этом смысле писатель во многом был солидарен с теми, кто выражал негативное отношение к деятельности великого просветителя. В связи с этим понятно, исходя из каких причин он нарисовал отрицательный образ своего учителя, стал утверждать, что И. Яковлев не имеет своего великого значения, а лишь занимает место Н.И. Золотницкого. Юркин не понял также того, что Яковлев призывал к диалогу чувашской культуры с русской и расценивал призыв учиться у русских как стремление продать чувашскую культуру русским. В этом отношении показательна пьеса «Иут» (Иуда), написанная в 1932 г.

В первой ее картине действие происходит в Симбирске (1866-1867 гг.), в конторе училища. Одну из комнат занимают землемеры, где обычно в 9 часов собираются квартироосъемщики-чуваши и обсуждают последние события. Отсюда вырывается завязка драмы. Друг И.Я. Яковлева Емельянов сообщает новую весть о том, что в Казани нашелся крещеный татарин Василий Тимофеевич и стал обучать своих учеников новому письму. Уже к 1867 г. он подготовил пятерых учителей. Эту новость Емельянов услышал из уст хозяев квартиры. На реплику Емельянова И. Яковлев реагирует так: «Мён тума чăвашсене чăвашла, тутарсене тутарла вёрентсе асапланаççё-ши? Мёне кирлё-ши въл? Эпё пулсан тўрех пурне те вырăсла вёрентёттём. Вёренсен, пурте вёсем вырăсла сырс пурăнмалла. Чăвашлипе тутарли нимёне те кирлё мар, ахаль ачасене тертлентерни анчах» (Почему мучают детей чувашей, обучая чувашскому, татарских ребят – по татарскому? Для чего все это нужно? Я бы сразу стал обучать русскому. В дальнейшей жизни они будут пользоваться только русским языком. Чувашский и татарский ни для чего не нужны, они доставляют детям лишь страдания) [Юркин, 1932. С. 4].

Из этого диалога вытекает, что образ И. Яковлева показан так, что он душой и телом на стороне руссификации своих сограждан. Следовательно, И. Юркин в драме «Иуда» искусственно создает отрицательный образ великого патриарха чувашского народа, преднамеренно принижает роль и значение Симбирской чувашской школы. Субъективное изображение образа И.Я. Яков-

лева мы встречаем и во втором действии, в картине, где совещаются учителя гимназии и директор Иван Вишневский о награждении выпускников золотыми и серебряными медалями:

... - Вишневский. Начар вёреннисенчен кам, кам?

- Ауновский. Иван Яковлев, Яковлев. Унтан Павел Николаев, Артезианов.

- Учительсем (пёр иккён харӓс (кулса): Вара, ҫавӓ.

- Вишневский. Шел, Иван Яковлев начартарах вёреннӓ... Вӓл тата малалла университета та кӓме шухӓшлать. Унта вёренсе тухсан, вӓл хӓйӓн чӓвашӓсене вёрендсе кӓларса, темиҫе пин ҫынна вырӓс тума пултартать. Пире, вырӓссене, ун пекки пит кирлӓ ҫын. Эпир тепле тӓрӓшсан та ун чухлӓ усӓ тӓвас ҫук... Уншӓн тата тӓрӓшӓть Хусан ҫынни Николай Иванович Ильминский... Атьӓр ӓна чӓваш пулсан та тиркемӓпӓр, пӓррелӓхе ылттӓн митал парса кӓларар? Вӓл пӓр чарусӓр Хусана университета та кӓме пултартӓр...»

(- Вишневский. Кто, кто из неуспевающих?)

- Ауновский. Иван Яковлев, Яковлев, еше Павел Николаев, Артезианов.

- Вишневский. Жаль, Иван Яковлев учился слабовато... А он ведь еще мечтает поступать в университет. Выучившись, он своих чувашей может обучать русскому, сделать из них несколько тысяч русских. Нам, русским, такой человек необходим. Мы, как бы ни старались, столько пользы в этом деле не принесли бы... За него переживает еще Николай Иванович Ильминский из Казани... Давайте, не чураться чуваша, на первый раз наградим его золотой медалью? Пусть он беспрепятственно поступит в Казанский университет...) [Там же. С. 13-14].

Этот пример подтверждает, что писатель не реалистически и не правдоподобно детерминирует образ И. Яковлева, все внимание читателей пытается акцентировать на якобы существующих негативных сторонах и фактах. Его намерение всячески очернить великого сына чувашского народа красной нитью проходит через все произведение. Вне всякого сомнения, писателю в некоторой степени удалось реализовать поставленную цель. Об этом наглядно свидетельствуют заключительные строки пьесы: ... Ку пирӓн усалӓ, вӓлтӓрен ҫинче ҫуралнӓ япала, иуда пулса, аллӓ ҫул хушшинче ялан чӓвашсене сутса пурӓннӓ.

Пархатарсӑр япала!... Чӑваш тӑшманӑ, иуда. Урӑх ӑна ят сук...

- Вӑл шухӑшлатчӑ пулӑ, эпӑ вилсен, чӑвашсем ман сӑе асӑнмалӑх памятник лартас, тесе. Сук, чӑвашсем ун сӑине ӑвӑс шалса та лартас сук... (Это наш зловредный, найденный в крапиве, иуда, в течение пятидесяти лет постоянно обманывал чувашей. Неблагодарный!.. Враг чувашского народа, иуда. Он не заслуживает другого имени. Он, наверное, полагал, что чувашаи воздвигнут на его могиле памятник. Нет, чувашаи не поставят даже осинового кола...) [Юркин, 1932. С.88-89].

Анализ свидетельствует о следующем: действующие лица показаны в основном через диалог, через их речь. Встает вопрос: «В какой мере такие мысли могли принадлежать Вишневному, И. Яковлеву и т.д.? И. Юркин приписывает таким героям свои субъективные мысли. Это, конечно, можно понять, потому что в 30-е гг. многие деятели чернили великого патриарха. Попал в этот ряд и И. Юркин, который хорошо понял особенности 30-х гг. Таким образом, работа И. Юркина сильно исказила и подпортила прототипы. Писатель не сумел показать самые главные стороны нашего прототипа: его любовь к чувашскому народу, преданность целям просвещения, огромную работу по поднятию культуры чувашей.

Субъективизм писателя позволяет сделать и следующий вывод: многие стороны характера И. Яковлева преувеличены с отрицательной стороны. Яковлев показан как наивный гимназист, смешной педагог, человек, не любящий свой народ. Это толкает пьесу к тому, чтобы оценить ее как сатирическое произведение. Но драма вместе с этим имеет и трагическое значение. Драматург активно принижает роль Яковлева в истории народа, он считает, что Яковлев недоверчиво относился и к чувашскому народу, и к самим чувашам. Он будто бы считал, что чувашский язык скоро исчезнет, поэтому необходимости в изучении его – нет.

Пьеса не была опубликована, автор учебного пособия знакомился с нею в рукописном виде, по материалам архива [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 62. № 3498]. Отрицательный образ И.Я. Яковлева мы встречаем и в произведениях Г. Гал-Мрзы, ранних поэтических отзывах П. Хузангая, Я. Ухсая и др.

Первым автором в чувашской литературе, обратившимся к образу И.Я. Яковлева, является его односельчанин Игн. Иванов.

Собственно с него и начинается яковлевиана в чувашской литературе. В его произведении «Эпё Хусана вёренме кайни» (Как я поехал в Казань учиться) он описывает свою поездку в город Казань на учебу по приглашению И. Яковлева. В письме просветитель убеждал в необходимости получения образования, обещал все расходы на содержание взять на себя. Уже в этом произведении мы видим бескорыстие И. Яковлева, его стремление помочь односельчанину без всякой выгоды для себя. А.В. Васильев относит это произведение к жанру длинного письма, отправленному к неизвестному адресату. В то же время литературовед-критик отмечает, что это письмо похоже на рассказ из-за наличия в нем конкретных деталей, диалогов, описаний, зримых образов [Васильев, 1983. С. 11-12]. Известный чувашский литературовед В.Г. Родионов считает это произведение одной из частей дневника [Родионов, 2001. С. 4].

По нашему мнению, точка зрения В.Г. Родионова является более верной, ибо здесь встречаются основные особенности эпистолярного текста. В то же время произведение написано образным языком. Отчетливо чувствуется осознанное авторство. Но так или иначе рассмотрение этого произведения и как жанра письма, и дневника имеет, безусловно, художественное значение. Если же рассматривать это произведение как эпистолярный факт, адресованность его неизвестному лицу имеет сугубо поэтическое значение. Справедливо анализировать его как дневниковые записи. И в этом случае дневниковость остается оценивать как прием повествования. Из этого следует, что Игн. Иванов серьезно задумывался о закономерностях внутренней организации произведения, которые можно все же квалифицировать как добротный биографический очерк. Так или иначе и дневниковость, и эпистолярность являются всего лишь приемами, помогающими создать биографию И.Я. Яковлева. В этом смысле можно сослаться на мысль М.М. Бахтина о разноречии романа. В статье «Слово в романе» он подчеркивает, что, например, в крупном произведении такими приемами могут быть и дневник, и письма, и прием найденных рукописей и т.д. [Бахтин, 1988. С. 339-341].

В очерке «Сын чувашского народа» писатель-педагог называет И. Яковлева на протяжении всего произведения не по имени, а «кошкинским чувашом». Красной нитью через очерк про-

ходит проблема судьбы интеллигента – выходца из народа – и судьбы народа. Народ попал под царский гнет, он прозябает в темноте и нужде. Народ настолько ослаб, что недалек день его исчезновения. Нужен богатырь, чтобы поднять его из низов. Именно таким богатырем видится автору И. Яковлев.

Очерк состоит из шести рассказов. В первом рассказе «Кошкинцы испокон веков живут в нужде» описывается тяжелая жизнь чувашей. В Кошках есть кладбище Тарган, где хоронили молодых людей, покончивших с собой, чтобы не попасть в плен к врагам. На том кладбище один раз в году осенью темной ночью появляется огонь. Когда сей огонь погаснет, то и народ исчезнет, а когда загорится – народ воскреснет. Во второй части «От рабыни раб родился» описывается ночь рождения И. Яковлева. В эту ночь увидели, как на кладбище раньше времени (Яковлев родился 25 апреля) зажегся огонь. Автор объясняет это рождением счастья для чувашского народа.*

В описании портрета И. Яковлева автор пользуется приемом сравнения: «Кушкă чăвашё Улăп пек паттър» (Чуваш из Кошек богатырь как Улып), «Ситённэ сын пек тӓнлӓ» (Умный как взрослый человек), «Силленсен арӓслан пек хаяр» (В гневе злой как лев), «Упа пек тӓреклӓ» (Крепкий как медведь), «Капан сӓллӓш» (Высокий как копна), «Чиркӓ пек тӓрӓ» (Стройный как церковь), «Кӓн-кӓвак куслӓ, сӓсӓ хура» (Глаза синие, сам брюнет) и т.д. В рассказе «Мӓнтарӓн тӓлӓхтурат ачаран тара кӓрӓшсе хырӓмне тӓрантарать» (Наемный сирота с детства кормится наемным трудом) описано детство И. Яковлева, когда он был подпаском. «Чуваш из Кошек» растет в чужой семье. Но уже в шесть лет умеет обходительно и с умом общаться с пожилыми. Все работы он выполняет на славу, как опытный человек, не пропускает мелочей. Мальчик не любит ссориться. И. Яковлев с детства испытал на себе горечь и нужду бедных чувашей. В хронологической последовательности описывается жизненный путь Яковлева: учеба в Бурундукской школе, учеба в школе землемеров, работа землемером, учеба в Симбирской гимназии.

* Сравните с библейским сюжетом о появлении путеводной звезды перед волхвами, который извещал о рождении Иисуса Христа. Небезынтересно отметить, что дата рождения Яковлева и Христа 25-е число.

Рукопись не завершена. Текст неожиданно обрывается, даже последнее предложение автор не закончил. Это несколько снижает оценку произведения в плане единства содержания и формы. Тем не менее можно считать, что это произведение является одним из первых полноценных изображений образа чувашского просветителя И.Я. Яковлева. С сердечной теплотой показан жизненный путь педагога до того момента, когда он уже завоевал определенную популярность и приобрел известность в чувашском народе. Произведение это практически можно считать повестью, написанной из отдельных рассказов-эпизодов. Все это говорит о том, что Игн. Иванов тянулся не к отдельным рассказам, а к созданию повестей, состоящих из отдельных рассказов. Такое своеобразие очерка о Яковлеве не является случайным. Писатель воспринимает фигуру исторической личности как цельную и монументальную. В связи с этим даже в отдельных эпизодах его жизни он видит великую просветительскую миссию. Вот почему отдельные зарисовки вырастают в целостное произведение о деятельности величайшего деятеля чувашской национальной культуры.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Жанры произведений Игн. Иванова об И. Яковлеве разнообразны: это очерк-письмо, очерк, состоящий из серии отдельных рассказов и т.д. Таким образом, к сказанному выше о своеобразии произведений Шубоссини и Иванова (поэма-размышление, образно-лирическая поэма) добавляются и прозаические опыты понимания судьбы И.Я. Яковлева. Все это показывает, что такая традиция в сравнении с короткими жанрами пасквилей-заметок, клеветнических памфлетов – явление намного более широкое и крупное. Это можно объяснить тем, что сатира всегда является более поверхностным видом словесного искусства, чем лирическое откровение или прозаическое повествование.

В свое время К. Иванов, написавший поэму «Наше время» (Хальхи самана), Н.В. Шубоссини, создавший стихотворение «Сорок лет» (Хёрёх сул), с восхищением описывали деятельность И. Яковлева на ниве сохранения чувашами своей самобытности. Массовая неграмотность населения, переход целыми селениями в магометанство могли привести к тому, что чувашаи исчезли бы с лица земли как нация. Необходимо было искать пути сохранения национальной культуры, поднятия националь-

ного самосознания. Наиболее верный путь по И. Яковлеву состоял в просвещении народа. К. Иванов и Н. Шубоссини раскрывают достижения учителя именно на этом пути. В этих произведениях вполне оправданно звучит мысль о том, что великий Яковлев пробудил чувашей от многовековой спячки. Открыв в Симбирске чувашскую школу, он заметно оживил движение национальной культуры к новым высотам. В стихотворении К. Иванов характеризует И. Яковлева как патриота нации, сохранившего свой народ. С любовью отзывается он о Яковлеве и называет его «БӀрӓ чӓваш» (Добрый чувашом). Большая любовь и всемерное уважение по отношению к своему учителю выражены Н. Шубоссини в своем стихотворении. Как и в выше-названном стихотворении, он рассказывает краткую историю становления Симбирской чувашской школы. В стихотворении «Хунар ҫути» (Свет фонаря) Шубоссини, изображая Яковлева, прибегает к риторическим вопросам, обращениям:

Итлӓр-ха, итлӓр-ха, пурӓнакансем,
Уҫӓр-ха куҫӓрсене, халӓхсем!
Сӓм вӓрманна кам-ши ҫав янратать,
<...> Кам пулӓ тетӓр эсир ҫав ҫынна?
Кам хӓват парать пулӓ тетӓр ӓна?

Внемлите, внемлите, те, кто живы,
Откройте глаза, народы!
Кто же освещает темный лес фонарем?
<...> Кто, вы думаете, этот человек?
Кто придает ему великую силу?

[Подстрочный перевод автора]

Для усиления публицистической значимости стихотворения поэт прибегает к гиперболическому преувеличению достоинств Яковлева, сравнивает своего учителя с глубинными и великими природными силами:

Аслати сасси пек уӓн сасси,
Уйӓх ҫути пек хунарӓн ҫути.
Аллине сулсассӓн, сывлӓш кӓрлет,
Малалла утсассӓн, ҫӓр кисренет.
Вӓл сиввӓн пӓхсассӓн, ҫиҫӓм ҫиҫет,
Калаҫнӓ чух вилнӓ ҫын чӓрӓлет.

Подобен грому его голос,
Подобно лунному сиянию свет его фонаря.
Рукой взмахнет – воздух гудит
Шаг ступит – земля содрогается.
Холодно взглянет – молния сверкнет,
Заговорит – мертвый оживает.

[Подстрочный перевод автора]

Такую же публицистическую остроту можно заметить и в поэме К. Иванова «Наше время». Здесь поэт, как и его собрат по перу, пользуется риторическими вопросами:

Çĕнĕ ёмĕр мар-и çав? <...>
Çав ёçсене кам турĕ,
Çак таранччен тăрăшрĕ? <...>
Чăваш! Сана ун чухне,
Чуну çĕкленĕ чухне
Мĕн пит асна килет-ши?
Мĕн пит чунна хĕсет-ши?
Савăнăç-и, куçсуль-и,
Сан куçанта куç тулли?

Не начало ли это нового века <...>
Кто же сотворил великие дела,
Кто так усердно постарался <...>
Чуваш! Что тебе тогда,
В пору душевного подъема
Так ясно вспоминается?
Что душу твою так сжимает?
Чем полны твои глаза –
Радостью или слезами?

[Перевод П. Хузангая]

Вместе с тем поэт осознанно и отчетливо повествует о том, что и как творил И.Я. Яковлев для чувашского народа. Появление Яковлева он квалифицирует как «начало новой жизни», когда «черный люд начал учиться грамоте», «в великой чувашской школе начали печататься книги». Все это показывает, что в начальном периоде в становлении яковлевианы во главу угла выходил феномен очеркового стиля. Он наблюдался как в поэзии, так и в прозе. Одним из главных приемов повествования стано-

вится прием публицистического рассуждения. Заметную роль сыграли также приемы риторического построения речи.

Во все времена были художники, мастера художественного слова, которые, невзирая ни на что, стремились выразить свое отношение к изображаемым фактам. Следует отдать должное смелости чувашских писателей, которые не побоялись преследований со стороны власти в вопросе изображения и оценки образа И. Яковлева. В стихотворении «Свет фонаря» он показан как предводитель чувашей в области просвещения. Автор восхищается наличием у чувашского народа такой личности, как И. Яковлев. Он предстает перед автором как гарант подъема культурного и хозяйственного уровня народа, роста национального самосознания.

2.2. Достижения и противоречия в изображении жизни и деятельности И.Я. Яковлева в литературе I половины 20–40-х гг. XX в.

События февраля – ноября 1917 г. побудили к жизни огромный рост национально-духовного самосознания. Наблюдается необычайная тяга народных масс к самоутверждению. Вдохновленный невиданными перспективами развития народ включает в так называемую культурную революцию. Ликвидация неграмотности становится основной задачей общества. К сожалению, как и в смутные времена, у некоторых представителей интеллигенции появляется стремление отрицания всего прошлого. Во многом из-за того, что главной в его жизни была просветительно-миссионерская деятельность, попадает в немилость и И.Я. Яковлев, в первую очередь со стороны своих учеников.

В литературе I половины XX столетия в оценке образа Яковлева наблюдается разноголосица. Одни видят в нем только отрицательные качества, изображают чуть ли не душителем народа, другие все-таки имеют смелость дать объективную оценку его деятельности.

Первое драматическое произведение этого периода, посвященное И. Яковлеву, – драма Г. Тал-Мрзы «Вайлисен айяпё» (Вина сильных). Здесь директор Симбирской чувашской школы

предстает перед нами как злой и самодовольный деспот. Уже в предисловии к драме «Вина сильных» небезынтересны высказывания самого автора Г. Тал-Мрзы о том, что он ставил целью не только петь дифирамбы в адрес просветителя с юбилеем, но и искать и показывать отрицательные стороны его деятельности. Автор помнит, как И. Яковлев где обманом, где насильно выдает замуж или женит молодых воспитанников и воспитанниц, отправляет в солдаты. Навеки у писателя осталось в памяти, как педагог-просветитель стучал его по носу, приговаривая «разбойник», как отругал за ухаживание за девушкой и т.д. По мнению автора, драма «Вина сильных» глубоко реалистична, жизнеподобна, ибо здесь описаны только реальные события. За то, что судьбы главных героев драмы сложились трагически, вина лежит на сильных мира сего, в данном случае на И.Я. Яковлеве» [Сунтал, 1928. С. 7]. Вот как пишет известный чувашский фольклорист И.И. Одюков об этой драме: «Первым чувашским писателем, давшим деятельности и личности И. Яковлева отрицательную характеристику, был воспитанник его школы чувашский драматург Г.В. Тал-Мрза в 5-актной драме «Вина сильных», написанной в период гонений на И. Яковлева со стороны некоторых представителей чувашской интеллигенции. Как справедливо указывает литературовед Н.С. Павлов, «И.Я. Яковлев показан лишь как злой гений, сгубивший три молодых жизни». Автор драмы выступает не против просветительской деятельности И. Яковлева, а против него как личности, как руководителя Симбирской чувашской школы. Противопоставляя просветителя его ученикам, видным деятелям чувашской культуры начала XX в., через образный прием антитезы, он рисует его, вопреки истине, монархистом-узурпатором, сознательно препятствующим выдвижению прогрессивных деятелей из среды чувашского народа, эгоистически настроенным гонителем и губителем талантливых учеников и учителей своей школы» [Одюков, 1969. С. 138]. Обратимся к отрывку из драмы:

- Эп сире,
Намăссăрсем, кăтартăп!
Халех шкултан кăларăп!
Эс мĕн кунта? Асту-ха,
Çĕрле сатра качçăпа
Ыталашса чуптума!

Мён, намасна манта́н-им?
Эс, намассар, кёссе пит!
Хыра́м сакас терён-им?
Шкулан ятне тёнчипе
Ирсёрлетес тетён-им? <...>
Иксёре та ыранах
Шкултан хуса каларам!
Сире шулта ан курам,
Намас йа́там ан пулам!
Вара, ялта, улахра,
Хуть йы́тта тух, тунката!
Енне енне вуникшер
Качча́ сак пёт, вил, сёр!
Ну, мён хытра́н, арсури!
Мён та́ратан, каччанта́н
Уйра́лма йыва́р-им? <...>
Мён чёнместён, ну, кала!
Чуп та́васси килет-им?
Чун тухиччен, чуп ту-ха!
(Ирёксёре́х чуптутарать)
Чуп тура́н-и? Ситрё-и?
Тата тепре кирлё-и?
Атя шула, арсури!
(Акриппина́на та́нкартаттарса илсе каять)
[ТАЛ-МРЗА, 1928. С. 11-12]

- Бессовестная!
Покажу я вам!
Выгоню из школы!
Представить только: целоваться
С юношей
В ночном саду!
Совсем стыд потеряла?
Бесстыдница, бесстыжий человек!
Решила забеременеть?
Решила на весь мир
Ославить нашу школу?
Училась бы! <...>
Завтра же обоих
Выгоню из школы
Чтоб духу вашего здесь не было
К себе езжайте, на улахе
Вытворяйте что хотите!

Заводи хоть штук двенадцать,
Гуляй, умри, пропади!
Ну, что стала, ты чертовка!
Чего стоишь? Расставаться
Уже очень трудно? <...>
Чего молчишь, ну скажи!
Иль целоваться хочется?
Тогда целуй. Ну, целуй!
(Заставляет целоваться)
Ну, что, теперь довольна?
Иль недостаточно?
Пошли в школу, леший!
(Насильно уводит Агриппину)

[Подстрочный перевод автора]

События в драме разворачиваются в Симбирской чувашской школе. И. Яковлев предстает перед нами как деспот, безжалостно растаптывающий мечты и чаяния молодых людей. Сравнивая, можно отметить, что он подобен Мигедеру из поэмы К. Иванова «Нарспи». Работающую в Симбирской чувашской школе Агриппину он насильно разлучает с женихом и выдает замуж за горбатого Артемьева. Такой сюжет в чувашской литературе встречается очень часто: в драме П. Осипова «Айдар», в романе Н. Ильбека «Черный хлеб» и др. Таким образом, Г. Тал-Мрза берет для показа образа Яковлева сюжет, хорошо знакомый чувашскому народу еще из устных сказок. Драматург полагал, что использование общеизвестных сюжетов поможет показать своего героя в черном свете и убедить в этом своих читателей. Бесцеремонность директора школы становится причиной трагедии молодой девушки. Справедливости ради нужно признать, что Г. Тал-Мрза напечатал лишь одну часть своей драмы, что не дает нам возможность его полноценного анализа. Тем не менее небезынтересно описание жизнедеятельности, характера И. Яковлева. Он чрезмерно злой директор школы. Пользуясь своим положением и славой, он может сделать со своими воспитанниками все что угодно. Хотя и творит благородные дела по просвещению народа, он не может понять молодых, бестактно вмешивается в их жизнь. Для него человеческая слеза не имеет значения. Под стать И. Яковлеву и другие учителя школы. Например, воспитательница женского училища высказывает оскорбительные

слова в адрес Агриппины, грозитя исключением из школы, тем, что И. Яковлев не простит. И. Яковлев в изображении автора бездушный, злой, любящий только себя, бесцеремонный человек, который не имеет права быть директором школы и наставником молодых людей.

Необходимо признать, что в школе действительно существовал строгий порядок. Г. Тал-Мрза, к сожалению, не счел нужным раскрыть причины этой строгости. Школа без дисциплины со стороны преподавателей существовать не может. Трудно сказать, создал бы и содержал бы на протяжении стольких лет свою школу И.Я. Яковлев, будь он мягкотелым, беспринципным, обращающим внимание на малозначительные детали по сравнению с основной целью школы.

Воспитанники Симбирской чувашской школы, характеризуя требовательность своего учителя в первую очередь к себе и к другим, вспоминают: «Иван Яковлевич сам много работал, того же требовал от других, от преподавателей и воспитанников» (Г.И. Комиссаров) [Яковлев, 1968. С. 53]; «Иван Яковлевич был очень строг и требователен как к воспитанникам, так и к преподавателям. Очень строго он преследовал курение среди воспитанников, даже иногда угрожал своей тростью, когда заставлял за курением» (С.А. Долгова) [Там же. С. 73]; «Симбирская чувашская школа хотя и была учебным заведением закрытого типа, но не была «бурсой» (С.М. Лашман) [Там же. С.68]; «Весь коллектив школы представлял дружную, хорошо спаянную семью. Случаев драк, хулиганства, пьянства или дебоша – школа не знала» (З.Т. Трофимов) [Там же. С. 71].

Приведенные цитаты показывают, что вся обстановка в Симбирской чувашской школе была нацелена и поставлена на подготовку и воспитание скромных, трудолюбивых, воспитанных в этическом и эстетическом отношениях специалистов, которые готовились для работы в чувашских селениях с целью претворения в жизнь педагогических установок И. Яковлева.

Как было отмечено выше, драма «Вина сильных» была написана, когда было сильное гонение на Яковлева со стороны вышестоящей власти. В первую очередь это гонение исходило от неблагодарных воспитанников И.Я. Яковлева. По их мнению, педагог-просветитель – «злой гений» (Н.С. Павлов), который ради достижения своих целей не считается ни с чем челове-

ским. Интересы учеников им во внимание не берутся. Действительно, Ивану Яковлеву приходилось прибегать к жестким мерам, но эти меры были нацелены на сохранение своей школы и на защиту от растления молодых, до конца не сформировавшихся личностей. В связи с этим вспомним исключение из школы в полном составе первого класса в 1907 г. Вот как вспоминает об этом сам И. Яковлев, вынужденный против своей воли пойти на этот шаг: «В 1907 г. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа ДЕРЕВИЦКОГО был исключен из Чувашской школы весь первый класс – за противогосударственную пропаганду. В число исключенных, к сожалению, попал и воспитанник – чуваш Константин Иванов, ничего общего с этой пропагандой не имевший, а напротив, консервативно настроенный. Это был симпатичный, скромный, красивый по наружности, богато, все-сторонне одаренный юноша, обладавший не только логической способностью, но и эстетическими талантами. Он был поэт и прекрасный переводчик. ...Года через два после исключения из школы я выписал Иванова в Симбирск. Так как он был и хороший художник, то стал жить, давая уроки рисования, грамоты, письма... Русский язык он знал отлично, быстро его усвоив, несмотря на его трудности. Я с ним занимался. Например, знакомил его с Белинским, чтобы помочь уразуметь значение лермонтовской поэзии. ...В семье Ивановых существовала чахотка. В Симбирске эта болезнь обнаружилась и у поэта-художника Иванова. Он поспешил уехать на родину к отцу, пожил в деревне два-три месяца и там скончался» [Яковлев, 1997. С. 457-458]. Таким образом, Г. Тал-Мрза не сумел разобраться в том, кем был И.Я. Яковлев, он пошел вслед за модной в те времена критикой великого человека. Видимо, со временем он все-таки стал догадываться, что сравнение Яковлева с Мигедером – это очень сильное преувеличение. Выдача девушки замуж за горбуна очень сильно принижает патриарха и значение его дела. Директор Симбирской школы в этом случае становится человеком обыкновенным, не сумевшим победить крестьянские, патриархальные взгляды.

Строгость в поддержании дисциплины в учебном заведении со стороны дирекции неоспорима. Нужно, естественно, лишь оправдать такие строгие меры. Яковлеву приходилось исключать из школы злостных нарушителей дисциплины. Возвращаясь к драме

Г. Тал-Мрзы, необходимо отметить, что он изображает И. Яковлева «... как представителя «мира сильных», «власть имущих», как миссионера-монархиста, сознательно препятствовавшего культурному росту чувашского народа, работавшего за насаждение христианско-православной морали, угодной царскому самодержавию» [Одюков, 1969. С. 138]. Неудача драмы Зайцева во многом зависела от того, что драматург неправильно понял сущность деятельности Яковлева, не до конца разобрался в психологии своего героя. Драматург больше исходил от идеологических принципов порицания просветителя чувашского народа.

В период гонений на И. Яковлева такую точку зрения разделяли многие чувашские писатели. Это, как нам кажется, объясняется политикой, которая главенствовала в высших эшелонах власти, когда была чрезмерная сильная боязнь сепаратизма. Также реальной оценкой жизнедеятельности И. Яковлева мешало отсутствие научного описания его биографии и истории Симбирской чувашской школы. Писатели во многом опирались на субъективно-произвольные представления.

Глубокий след в чувашском литературоведении оставил так называемый вульгарный социологизм, где на первый план выдвигалось положение о том, что литература неразрывно связана с классовой борьбой. В результате чего исчезали эстетическая содержательность и познавательная функция литературы. Во многих критико-литературоведческих статьях И.Д. Кузнецов буквально следит за соблюдением литераторами принципов марксизма [Кузнецов, 1930. С. 44].

И. Кузнецов на первый план выдвигает принцип партийности в оценке творчества отдельных писателей, таких как Н. Шелеби, Н. Шубоссини, П. Хузангай и др. Особенно сильной критике с его стороны подвергаются так называемые ошибки идейной и национальной сторон произведений. Он пишет: «В пролетарской поэзии нет места для понятия «чуваш – значит родственник» [Кузнецов, 1930. С. 17]. В критико-литературоведческих работах у него находим массу несуразностей, таких как недосказанность, недооценка, чрезмерная экспрессивность и субъективность и т.д. Например, в силу того, что в послереволюционное время преобладала тенденция нигилистического отношения ко всему прошлому, в деятельности И.Я. Яковлева молодые литераторы стремились видеть больше отрицательного.

Эпоха ставила свои условия и выдвигала свои требования. Новое общество зарождалось на никем не обработанной ниве, прокладывало свой путь развития. Поэтому не удивительно, что в первые годы советской власти молодые писатели отражали деятельность чувашского патриарха как негативную, не отвечающую требованиям нового времени.

Искажения некоторых аспектов деятельности И. Яковлева прослеживаются вплоть до середины 30-х гг. XX в. В некрологе по случаю кончины И.Я. Яковлева отмечается, что он подготовил около тысячи учителей, ста священнослужителей, выпустил около 600 книг на чувашском языке, большинство из которых на религиозные темы. «То, чему учил Яковлев, – читаем в тексте, – не может быть полезным нам. Он учил религиозному делу созданному буржуазной культурой, готовил пригодных для царя и помещиков людей... После революции мы приняли только созданные Яковлевым формы культуры, а вот содержание в корне изменим и сделаем пригодным для дела социализма» [Яковлев, 1930. С. 57].

Первой попыткой реабилитации И.Я. Яковлева можно с полным основанием назвать работу его сына А.И. Яковлева «И.Я. Яковлев». Лишь после празднования 100-летнего юбилея патриарха на всесоюзном уровне в 1948 г. начинает проследиваться тенденция к более объективной и всесторонней оценке жизнедеятельности великого просветителя чувашского народа.

Воспитанник Симбирской чувашской школы Д. Юман в начале своей писательской деятельности И. Яковлева оценивает с отрицательной стороны. По его мнению, педагог-просветитель – враг чувашского народа, который душил таланты. Затем он начинает понимать свою ошибку. В 1924 г. он пишет очерк «Ватӑлнӑ арӑслан» (Состарившийся лев).

Автор начинает произведение с описания портрета И.Я. Яковлева, и после этого идет оценочное повествование, или зарисовка его работы. Вот как автор-повествователь описывает портрет просветителя: «Мускавра ватӑлнӑ чӑваш арӑсланӗ пурӑнать. Ҫапла эфир Иван Яккӑлча калатпӑр. Чӑнахах та арӑслан пек мар-и вара вӑл? Ӱт-пӱ капанран пысӑк, сухалӗ кӗреҫе пек, ӑс-хакӑлӗ, чун-хавалӗ этем пуҫӗнче-чӗринче шӑнӑҫайми пысӑк. Епле ӑна вӑтам ҫынпа танлаштарас?» (В Москве живет старый чувашский лев. Этак мы

называем Ивана Яковлева. Действительно, он похож на льва. Туловище больше копы, борода лопатой, интеллект, душевное вдохновение не умещаются в человеческой голове и сердце) [Юман, 1997. С. 333]. Все это показывает, что И.Я. Яковлев остается в чувашской культуре таким деятелем, который не поддается сравнению ни с одним другим выходцем из народа. Его главная цель в работе – просвещать чувашский народ и готовить национальные кадры. Он вовремя осознал, что у чувашского народа есть древняя культура, и она ничем не уступает другим культурам. Чуваши нисколько не хуже других народов. Учитель переживал от того, что народ жил в рабстве и неграмотности. И поэтому еще в молодые годы дал себе слово, чтобы в дальнейшем жить и работать на благо чувашского народа, и от этой клятвы в жизни ничуть не отступил. В этом очерке-воспоминании писатель пожилого Яковлева от души благодарит, а в свое время нападавших на просветителя деятелей – клеймит.

Народный поэт Чувашии Н. Шелеби в поэме «Хастарлă тăлăх» (Даровитый сирота), тоже написанной к 80-летнему юбилею И. Яковлева, художественно отображает его как патриота, претерпевшего на своем жизненном пути большие лишения и трудности, умного просветителя чувашского народа. Образ просветителя показан в размышлениях о путях просвещения и развития культуры родного народа. «Он еще не знает путей и средств для достижения своих целей, но верит, что чувашский народ отзовется на его призыв. Он не думает о своем возвеличении, а стремится к подъему культурного уровня народа, его национального самосознания. Оценивая деятельность и личность И. Яковлева, Н. Шелеби называет его «даровитым сиротой» и первым «батыром чувашского народа», сделавшим для родного народа «большое и доброе дело».

Двойственный подход, неправильная оценка деятельности И.Я. Яковлева продолжают и в 30-е гг. Из истории видно, что с середины 30-х гг. отсутствовало научное исследование творчества И.Я. Яковлева, а также научное описание его жизненной деятельности.

Первым писателем, стремившимся наиболее объективно показать жизнь педагога-просветителя И. Яковлева, является народный поэт Чувашии С. Эльгер. Своим романом «Шурăмпуç килсен» (На заре, 1940) он рассеивает нигили-

стический угар писателей-недоброжелателей. Он оценивает творчество педагога на социально-политическом уровне, в ракурсе жизни чувашского народа в период революционных событий 1905-1907 гг. В произведении просветитель предстает перед нами как великий патриот родного народа, все свои силы и умения отдающий чувашскому народу для его просвещения. Автор старался показывать деятельность инспектора чувашских школ разносторонне. Устами одного из героев романа С. Эльгер не соглашается, что он монархист, и стоит против революционного изменения общественных устоев: «Конечно, И. Яковлев не революционер. Это надо признать, но тем не менее я всем нутром не могу согласиться, что он монархист» [Элкер, 1953. С. 12].

Автор-повествователь в характеристике личности патриарха пользуется самобытным художественным приемом: в художественном тексте нет самого образа И. Яковлева, но он выступает перед читателями в величии и недостатках своей деятельности. Это мы чувствуем из диалога героев романа, крестьян из деревни Улыхкасов Ивана Сидорова и его сына Максима – ученика Симбирской чувашской школы. Из художественного содержания ясно, что все они видели и слышали И. Яковлева и лично знают его. Они подчеркивают дальновидность, демократизм взглядов учителя, его любовь к чувашской культуре, к своему народу, стремление к массовому просвещению. Вот как предстает образ Яковлева в диалоге отца и сына: «Он, – говорит Максим отцу, – не чурается даже самого бедного чуваша, одетого в лохмотья. Он всех принимает, дает им нужные советы, помогает. Он всех ласково встречает: накормит, чаем напоит. Добрейшей души человек...» [Элкер, 1963. С. 246].

Здесь мы видим, как великий, гуманный патриот всем своим знанием и опытом стремится просвещать родной народ, развивать и поднимать чувашское национальное самосознание. Продолжая мысли своего сына, герой романа Иван Сидоров, дважды встречавшийся с Яковлевым, говорит: «Яковлев для нас, чуваш, делает великое дело, за что мы ему будем вечно благодарны» [Там же. С. 246].

В произведении Я. Ухсая «Хура элчел» (Черная судьбина, 1941) мы видим трагическую судьбу зарождающейся чувашской интеллигенции в годы столыпинской реформы. Трагизм судьбы показан в основном на фоне Симбирской школы. При этом тя-

жесть судьбы национальной интеллигенции поставлена в прямую зависимость от личных качеств директора – инспектора школы И.Я. Яковлева. Все это повлияло на художественную композицию произведения. Я. Ухсай конфликт своей трагедии построил на противопоставлении просветителя-педагога поэту-классику чувашской литературы. Директор школы в таком художественном отображении выступает противником, гонителем чувашских талантов, изображается как хранитель русской религии – православия. Из художественного содержания можно заключить, что К. Иванов верит в талантливость и гуманность чувашского народа, а И. Яковлев смотрит на это с осторожностью. Драматург, однако, и Яковлева, и Иванова изображает со стороны их исторического трагизма. По мнению И.И. Одюкова, многие стороны жизни и характера И. Яковлева в произведении показаны правдиво [Одюков, 1969. С. 143].

В основе конфликта – культурное противостояние К. Иванова и И.Я. Яковлева. Вот как жалуется К.В. Иванов на свою судьбу:

Çухалчĕ канлĕ пурнăç...
Хаяр хĕн-хурлăх ситрĕ: лартрĕ
мана вăл «Библи» куçарма.
Ытла усал çаплах кĕтÿçĕ!
Сÿспе тÿленĕ çăпăррки
Айван чĕлхесĕр выльăх сийĕн
Ëлĕк вылянă силлесе.
Хура йĕрсем касса хăварнă,
Анчах та выльăх – выльăхах,
Ялан тÿсет – ун тирĕ хулăм.
Вăл халĕ урăхла кĕтÿçĕ,
Пире, этемсене кĕтет.
Туя та, ирĕк те, вăрçу та
Пурте хăватлă аллинче

[Ухсай, 1964. С. 10]

Спокойствие пропало...
Настали времена и посадил меня
За перевод священных книг.
Но слишком злой пастух!
Связанный узлом льняной кнут
По наивному животному

Играло в старину тряся.
На шкуре черные следы
Но шкура толстая – скотина терпит,
Что же: удел таков скотины.
Теперь пастух другой, он
Пасет людей.
И посох, и свобода, ругань
Все в его руках могучих.

[Подстрочный перевод автора]

Трудно с уверенностью сказать, с охотой или без охоты переводил автор «Нарспи» Библию. Но изображение его ругающим своего учителя злыми словами может показаться кощунственным. Также кощунственным может видеться сравнение И. Яковлева с вороном, сидящим в одном гнезде с попом. Другой персонаж трагедии – Ф.П. Павлов – известный чувашский композитор и драматург, воспитанник школы И. Яковлева, также, казалось, сравнивает просветителя с бездушным узурпатором. Доведенные до отчаяния, учащиеся по-своему переделали чувашскую народную песню:

Кёнекесем Яковлев каларасшан,
Итем синче чярэш ўссе ларсассан.
Итем синче чярэш ўссе лараймё.
Кёнекесем сут тёнчене калараймё,
Ирёксёрех кайма тивет Силпие

[Там же. С. 99]

Яковлев задумал выпуск книг,
Когда произрастет ель на току.
Ели на току не произрасти.
Не выпустить на свет те книги,
Поневоле приходится идти в Сильби.

[Подстрочный перевод автора]

В то же время в произведении нашла отражение деятельность И. Яковлева по защите чести и достоинства чувашского народа. В диалоге Яковлева с Шутровым мы видим, как директор старается сохранить школу, отвечает достойно на шовинистическое высказывание хозяина завода в адрес чувашей. Конфликт между Ивановым и Яковлевым трагически разрастается.

Молодой поэт, оказавшись с глазу на глаз с директором, говорит ему разные недостойные слова. Оказывается, что Яковлев – грызущая и сосущая тварь, которая готова облобызать вышестоящих начальников. Но во всем этом виден трагизм судьбы обоих деятелей чувашской культуры. Непосредственно с просветителем в трагедии встречаемся мало. Его образ раскрывается в разговорах его учеников. Но характер получает дальнейшее развитие. Он не верит в будущее чувашского народа, беспокоится о судьбе молодых талантов.

Следует отдать должное народному поэту Чувашии Я. Ухсайю в том, что по истечении времени он написал поэму «Чёмпёр» (Симбирск), где И.Я. Яковлев показан совершенно в другом свете. Его школа уже не «гнездо смерти». Неуместная метафора заменена выражениями «настоящее гнездо жизни», «гнездо культуры» и т.д.

Из хода нашего рассуждения видно, что образ И. Яковлева успешно осваивается и в драматургии. Драма Ухсайя оказалась неправильно понятой, потому что здесь отсутствуют авторские комментарии; смысл драмы приходится понимать по репликам героев. Поэт в диалоги героев вкладывал много подтекста, поэтому прямолинейное понимание слов действующих лиц, конечно, приводило к неправильному толкованию взаимоотношений двух великих людей. В последующих поэмах он свою мысль стал высказывать более четко и ясно; меньше стал делать акценты на иносказании. Однако драмой также не исчерпываются жанры, показывающие Яковлева; его образ получил интересную разработку в лиро-эпических произведениях П.П. Хузангая.

В лиро-эпической поэме «Поэтпа миссионер» (Поэт и миссионер) П. Хузангай, как и Я. Ухсай в его «Черной судьбине», тоже противопоставляет И.Я. Яковлева К.В. Иванову. Здесь молодой Хузангай показывает образ просветителя как проводника идей православной религии, уничтожающий даровитых ребят из чувашей. И по мысли автора он является главным виновником смерти К. Иванова. Вот как обращается педагог к поэту:

Чăваш йăхне сұхаттăр, юрĕ,
Анчах вăл уншăн макрĕ-ши?
Вăл, тен ют ятпалах ыр курĕ,
Мул пултăр мужике, сĕршив.
Сĕршивĕ ун хĕсĕк, хай чирлĕ,

Йёрёх, хёрт-сурт паян кун та <...>
Ана халь вырӑс чунё кирлӗ,
Вара мён пулӗччӗ унта.

[Хузангай, 1930. С. 12]

Пусть забудет, что он чуваш,
За это плакать он не будет.
Быть может суждено ему
Прославиться в чужой культуре.
Сородичам его покоя
Не дают обряды старины по сей день <...>
Ему бы сейчас душу русскую,
Стал бы человек великим.

[Подстрочный перевод автора]

Данные строки показывают, что талант К. Иванова в полную силу расцвел бы, родился он не среди чувашей, где народ страдает невежеством и нищетой, отсутствием высокоразвитой культуры и высоких духовных идеалов. Так размышляет И. Яковлев. Из этого следует, что молодой поэт описывает образ И. Яковлева, опираясь на официально распространенное в те годы мнение о деятельности чувашского просветителя.

Эти обвинения можно видеть в повествовании от первого лица, а также в рассуждениях от имени персонажа (К. Иванова), от третьего лица. Поэма была представлена на конкурс и появилась в чувашской печати без авторской подписи. Беда автора, полного творческих исканий, опять-таки заключалась в том, что он отталкивался от заранее приготовленной догматической схемы, предвзятой, тенденциозной идеи, противоречащей исторической правде. Это подтверждается и характерным признанием самого поэта, что замысел поэмы оформился у него по ассоциации, возникшей после просмотра кинокартины «Поэт и царь».

Явная надуманность и антиисторическая упрощенность взаимоотношений К.В. Иванова и И.Я. Яковлева, сделанные, правда, не прямолинейно, а посредством недвусмысленного осуждения Яковлева устами других персонажей произведения, с неизбежностью повлекли за собою и серьезные просчеты художественного порядка. Возникло ничем не оправданное заглавие – «Поэт и миссионер», умалявшее прогрессивное значение деятельности И. Яковлева. В изображении трагических обстоя-

тельств жизни К. Иванова появились натуралистические сцены и зарисовки, весьма мрачные по своему колориту.

Правда исторического прошлого порой подменялась мало-вразумительной дидактикой, возведенной на шатких основаниях тенденциозно подобранных и односторонне, неверно истолкованных фактов из истории взаимоотношений двух выдающихся сынов чувашского народа (подготовка издания Библии на чувашском языке и др.).

Из исследований В.С. Чекушкина о поэме П. Хузангая «Юлашки пӑлхар» (Последний из болгар) известно следующее. Рукопись этой поэмы была опубликована в 1989 г. в книге «Чувашская литература: вопросы поэтики и стиля», а также в 1998 г. эту поэму без купюр напечатали в газете «Хыбар» с вступительным словом Н.И. Иванова, озаглавив «Иван Яковлев», хотя автор произведения не указал ни дату написания, ни названия текста [Хузангай, 1998. С. 154].

В чувашском литературоведении и критике по поводу написания поэмы существует мнение, что П. Хузангай творил ее в начале 30-х гг. XX в. Она интересна тем, что здесь образы И.Я. Яковлева и К.В. Иванова выходят за рамки официально принятой схемы. Произведение помогает нам проследить, по какому пути шло мировоззрение и размышление над исторической судьбой патриарха и чувашского народа в художественном отражении в творчестве поэта. Следовательно, тема Яковлева, отраженная в ранних произведениях, не давала ему покоя всю жизнь и требовала адекватного подхода к ее художественному воплощению.

В поэме «Последний из болгар» мы видим, что образ патриарха в некоторой степени зависит от противостояний изображения его в литературе 20-40-х гг. XX в. С одной стороны, позиции автора и героя не совпадают, с другой стороны, видна симпатия поэта к изображению просветителя. Таким образом, в поэме слова и мысли Яковлева звучат в другом значении:

Çак халӑх начар мар, хӑпартӑр! <...>
«Британь музейӗнчи пӗр-пӗр
Историллӗ пӑта та хаклӑ.
Ун пек пӑта çеç мар эфир,
Ӑна шантараканӗ - ак вӑл», -
Çапла каларӗ Кушкӑсем.

Чётревлѣ аллипе хавассан
Сыракана вай-хал сѣнсе,
Малтан «Нарспи» итленѣ хыссан
Чѣнтѣр, ман маѣнаслă сăпкам.
Ман иккѣмѣш суралăвăм!
Юлашки хут сана салам.
Юлашки хут кўр аллуна.

[Хузангай, 1998. С. 131]

Пусть поднимайся! <...>
Не так уж плох народ.
«И ржавый гвоздь, который
В Британском музее, ценен.
Мы – не ржавый гвоздь,
Вот надежда наша», –
Сказал так он,
Трясущимися руками
Благословил поэта.
После прослушивания «Нарспи»
Симбирск, ты колыбель моя,
Второе мое рождение!
Привет тебе последний раз,
Последний раз руку подай.

[Подстрочный перевод автора]

Взаимоотношения И. Яковлева с К. Ивановым показаны как деловая дружба. По сравнению с произведениями «Поэт и миссионер», «Последний из болгар» они не антагонистические характеры, а образы, связанные одним делом едиными целями. При этом в поэме «Последний из болгар» мы видим и несовпадение взглядов поэта П. Хузангая и критика И. Кузнецова.

Кузнецов в статье «Поэт олимпа» оценивает «Нарспи» как первую реакционную поэму. Хузангай с этим не соглашается и пишет, что «это наше единственное правильное зеркало» [Кузнецов, 1930. С. 22]. В этой же статье И. Кузнецов категорически заявляет, что «Поэт и миссионер» вредное произведение. Призывает не распространять его в печати. «Пусть эта публикация будет первой и последней» [Там же. С. 23].

В поэме «Последний из болгар» нет описания миссионерской деятельности педагога как в ранее написанной поэме «Поэт и миссионер». В повествовании просветитель верит в пробужде-

ние народа, его прекрасное будущее, он от души работает над подъемом и развитием культуры.

Следует отметить, что П. Хузангай в последующем пересмотрел свои взгляды на роль Яковлева в просвещении чувашского народа, о чем свидетельствует его поэма «Горкӑри сурт» (Дом в Горках, 1952). Однако с появлением других поэм мысль поэтов в изображении судьбы великого педагога становится более прямолинейной и однонаправленной, они ищут только положительные стороны героя.

Образ И.Я. Яковлева, как видно из рассуждений, в художественной литературе начала века выступает как символ культуры. Трудно переоценить все заслуги патриарха в деле охранителя чувашей как нации. По этому поводу в очерке «Сырмари юрӑ» (Овражная песня, 1928) Ф.П. Павлов убедительно показывает, как педагог-просветитель твердо встал на путь культурного развития, как он старался поднять чувашское искусство и чувашскую музыку. Для того чтобы осуществить эту идею, нужны были школы, в которых бы детей обучали грамоте, пению и инструментальной музыке. Очеркист замечает, что стараниями И. Яковлева для чувашского населения было открыто свыше тысячи школ. Вместе с этим начинает развиваться и музыкальная работа, зарождаются первые чувашские хоры. В итоге выпускники школы, по оценке Ф. Павлова, хорошо разбирались и в музыкальном деле, и в вопросах постановки пения. Из этого очерка мы также узнаем, как он изображает просветителя и оценивает его деятельность: «...Сгубить Ивана Яковлевича враги не смогли, потому что он сам был силен, как лев... Иван Яковлевич был весьма тонким и дипломатичным человеком. Однако в большой и разносторонней, общей для многих деятельности он искал возможности извлекать пользу из всего... В целом можно заключить, что зачинатель всего этого большого культурного дела – Иван Яковлевич. Гнездо, где это зародилось – Симбирская чувашская школа» [Павлов, 1993. С. 453].

Анализ литературы первых десятилетий яковлевианы позволяет заключить, что в большинстве случаев образ И. Яковлева отражается объективно. Но в то же время, по ряду идеологических и субъективных причин, наблюдается негативное изображение патриарха, т.е. тема Яковлева в литературе изображается двояко. Скажем, Игн. Иванов, К. Иванов, Н. Шубоссини, Ф. Павлов,

С. Эльгер и другие имеют смелость дать объективную оценку его деятельности в своих произведениях и описывают И.Я. Яковлева жизнеподобно; остальные, например, Г. Тал-Мрза, П. Хузангай, И. Юркин, Я. Ухсай, рисуют жизнь и деятельность чувашского патриарха негативно, противоречиво, потому что они видят в нем только отрицательные качества, изображают его чуть ли не душителем народа. Это объясняется политикой, которая главенствовала в высших эшелонах власти, когда была чрезмерная сильная боязнь сепаратизма. С 20–30-х гг. XX в. писатели начинают показывать деятельность его односторонне, в духе узких классовых позиций и воинствующего атеизма. К тому же в это время отсутствовала реальная оценка жизнедеятельности И. Яковлева и научное описание его биографии и истории Симбирской чувашской учительской школы. Поэтому писатели чаще всего опирались на субъективно-произвольные представления.

В становлении яковлевианы предпочтение отдается очерковому стилю. Это наблюдается как в поэзии, так и в прозе, а одним из главных форм повествования становится публицистическое рассуждение. Заметную роль также играли приемы риторического построения речи. Итак, литература I половины XX в., как показывает разбор целого ряда произведений, заложила весьма плодотворные и ценные традиции в становлении художественной биографии не только И. Яковлева, но и жанра художественной биографии в чувашской литературе вообще.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключаются основные особенности формирования биографического жанра в чувашской литературе?
2. Назовите первые художественные произведения о И. Яковлеве и сравните их с публицистической литературой.
3. Каковы причины объективного и субъективного отношения к изображению образа патриарха в национальной литературе XX в.?
4. Раскройте истоки противоречивого отображения жизни и деятельности И.Я. Яковлева в литературе 20–40-х гг. XX в.
5. Докажите, что образ И. Яковлева в литературе XX в. изображен как символ духовной культуры чувашского народа.

Образ И.Я. Яковлева в литературе II половины XX в.

3.1. Художественное отображение И.Я. Яковлева в жанрах поэзии

Единственно верный путь к созданию художественно полноценных лиро-эпических произведений – это пристальное изучение окружающей действительности, правдивое и глубокое обобщение опыта народной жизни. Именно к этому приходит в ходе работы над первыми поэмами П.П. Хузангай. Своеобразным достижением в истории чувашской литературы, особым явлением в творчестве П.Хузангай стала его поэма «Дом в Горках» (Горкăри сурт).

Название поэмы полностью оправдывается ее содержанием, но идейный замысел автора, как видно из текста, гораздо шире. Наиболее крупной по объему (тридцать четверостиший), удачной по замыслу и его исполнению является четвертая глава поэмы. Она представляет собой в какой-то мере историко-познавательный интерес, привлекает своей оригинальностью и проблематика произведения*. Обращаясь к документальным сведениям о взаимоотношениях Яковлева с В.И. Лениным, П. Хузангай пишет:

Ульяновсен чи сывăх тусё
Инспектор Яковлев, чăваш,
Асне килме пултарнă, унсăр

* Исторически достоверны здесь образы выдающихся сынов чувашского народа И.Я. Яковлева и талантливого математика Н.М. Охотникова, преждевременно умершего от туберкулеза.

Иртмен пекех килти канаш.
Ильич савна ялан астунă
Мёнпур тёнчешён ёслесе,
Хай аллипе сырма мел тупнă
Вал Яковлев хутне кёрсе.

И «инородец» Яковлев немало
Познал гонений на своем пути.
Зато в семье Ульяновых встречал он
Сердечный теплый дружеский прием.
Нам телеграмма Ленина знакома,
О Яковлеве помнил он всегда.
Высоко оценил предсовнаркома
Полвека беззаветного труда.

[Хузангай, 1960. С. 13]

По мнению литературоведа В. Долгова, «чувашский текст поэмы «Дом в Горках» немного растянут и многословен, но в нем не встречаются те неточности, которые допущены в русском переводе. Это, видимо, результат слишком вольного, так называемого «авторизированного перевода», при котором зачастую художественная ткань национального произведения разрушается, но не всегда восстанавливается на том языке, на который произведение переводится» [Долгов, 1955. С.112]. Конечно, с мнением Долгова в этом отношении нельзя не согласиться. Перевод, естественно, должен отражать подлинное содержание произведения. Мысль Долгова интересна и в теоретическом плане. Действительно, можно ли свободно обращаться с документальным материалом при свободном (авторизированном) переводе?

Сила этого произведения проявляется в лирическом раскрытии образа двух просветителей: И.Н. Ульянова, И.Я. Яковлева. В лиризме поэмы не чувствуется ни громких восклицаний, ни поисков сильных эмоций, она впечатляет своей внутренней силой, мужественными интонациями. В связи с этим встает другой вопрос: можно ли свободно обращаться с субъективно-лирической интонацией произведения, созданной при его написании. Свободное обращение к тому, что было написано раньше, М.М. Бахтин называл продуктивным. В самом деле, автор начинает обращаться к своему произведению, написанному давно, уже как читатель, поэтому портится свежесть первичного написания поэмы.

Сём чӑрӑшсем сӑнке лараççе
Сулмаклӑ юр пуснипеле.
Çав январех астутараççе,
Çав сывлӑш пӗлӗннӗ хӗле.

Покрyты инеем деревья,
На кровлях – снега пелена.
Простая русская деревня –
Навек запомнится она.

[Перевод В. Потаповой]

Пейзажные зарисовки, картины быта – все это рождает трепетное волнение читателя. Автор-повествователь сумел раскрыть их общечеловеческую значимость, глубокую психологическую связь с делами, идеями и характерами героев. По мнению Г.Я. Хлебникова, «поэма «Дом в Горках» представляет собой значительное произведение чувашской литературы. Ее новизна заключается в мужественной и философской лиричности показа новых черт героев» [Хлебников, 1973. С. 154]. Заставляет думать о многом и мысль известного литературоведа. Таким образом, поэма включает в себя и философское понимание жизни, и лирические интонации автора, и повествовательные возможности показа жизни великих людей. В связи с этим «Дом в Горках» можно оценивать как многослойное, большое поэтическое произведение.

Поэма П. Хузангая «Дом в Горках», как отмечалось, проникнута глубоким лирическим пафосом. Е.В. Владимиров пишет, что «она подкупает читателя «яркостью и убедительностью изложения, той теплотой и любовью, с которой рассказывается» в ней об отношениях двух героев» [Владимиров, 1982. С. 255]. Произведение это написано под впечатлением посещения поэтом Ленинских Горок. Поэт описывает предметы обстановки, места, связанные с И. Яковлевым, пейзаж, которым он любовался, знакомит с его мыслями и думами, планами и свершениями, т.е. создает повествовательную широту отображаемой действительности.

Наиболее полно раскрыты взаимоотношения И.Я. Яковлева и В.И. Ленина в поэме П.Хузангая «Аслӑ чӑре» (Великое сердце, 1962). В центре внимания поэта – Яковлев, показанный в его отношении к Ленину. Поэма написана лирико-драматическим пафосом, который наиболее соответствует воспроизведению внутренних переживаний, смен психологического состояния героя (думы и чувства тоски, волнения, благодарности и т.д.):

Кам вара эп: пуп тавраш-и,
Çёр улпучё-и тарма? –
Тет хайне вӑл. – Кӑларасшӑн
Эп сӑтта халӑхӑма. <...>
Шур сухалӑ, шӗлепкелӗ
Çын утать туяланса.
Илӗртет апрель хӗвелӗ,
Канӑç çук хастар ӑса.

[Хузангай, 1962. С. 51-54]

Думал он: кто я? Поп ли?
Иль помещик, чтоб бежать?
Так себе сказал он. Мне б народ
Чуваши к просвещению поднять. <...>
В шляпе и белобородый
Ходит с посохом в руках
Манит солнышко апреля,
Нет покоя мудрецу.

[Подстрочный перевод автора]

Из этих строк видно, что И. Яковлев – патриот, он любит свой народ и в глубине души чувствует, что чувашский народ станет культурным и образованным. Он верит в светлое будущее нации, в ее великую животворящую силу и мощь.

Этому же способствовало широкое использование автором монологов. Поэма интересна еще и тем, что она глубоко раскрывает психологическое состояние, переживания чувашского просветителя, отстраненного в первые месяцы советской власти от должности. Выразительны здесь и лирические отступления автора, к которым он обычно прибегает для полноты образов и выражения своего отношения к фактам и событиям. Автору удалось передать раздумья, смену настроений Яковлева через показ внутренних переживаний персонажа, описаний его действий и поступков. Необходимо отметить также, что авторские размышления в произведении перекликаются с рассуждениями, монологической речью педагога-просветителя, и это помогает широкому охвату показываемой действительности. Повествование становится даже в показе размышлений автора и героя двуслойным.

Произведение начинается с пролога: мы во внутреннем монологе Ивана Яковлевича слышим его суждения о значении тех событий, которые происходили в России. Ему нечего бояться

народной мести по отношению к богачам, так как он жил для народа, который поддерживал и поддерживает его как своего великого учителя. И. Яковлев сознает значение своей деятельности для народа, он искренне возмущен отстранением его от дела жизни, от созданной и руководимой им школы. Он мысленно прослеживает свою прошлую трудную жизнь. Факт отстранения его от любимого дела он воспринимает с болью и как большую несправедливость:

Иван Яковлевич терчѣ
Мѣнлине ҫырса кѣскен,
Ильича аса илтерчѣ
Ал пусса вӑл хӑй синчен.

Мысли Яковлева горьки:
«Где ошибки, в чем их суть?»
Старику подчас до зорьки
Дума не дает уснуть.

[Хузангай, 1964. С. 21]

В дни 100-летнего юбилея И.Я. Яковлева многие чувашские писатели пересматривают свое отношение к его личности. Многие полностью признают заслуги его перед чувашским народом и свою признательность просветителю отражают в художественной литературе. П. Хузангай создает произведение «Тӑпра» (Земля, 1963), где художественный образ патриарха отражен с огромной душевной теплотой.

Народный поэт умело пользуется типическими фактами из жизни Яковлева и доводит их до философского обобщения. Через факт сбережения горсти родной земли автор сумел показать Яковлева, уже лежащего на смертном одре, легендарным героем своего народа, прославившим своим бессмертным делом, и патриотом, в течение всей долгой жизни тесными узами связанным с родной землей, уносящим с собою ее горсть. Через образ автора мы видим связь просветителя с народом и проявление глубокой признательности народом своему великому учителю.

К художественному образу чувашского педагога И.Я. Яковлева в середине XX в. вновь возвращается народный поэт Чувашии Я. Ухсай в лиро-эпическом произведении «Ленин ҫурчѣ умѣнче» (Перед домом Ленина, 1956). Здесь поэт уже с душев-

ной симпатией называет просветителя «нашим Яковлевым», «близким другом» И.Н. Ульянова. Отсюда следует, что к этому времени народный поэт, пересмотревший свое отношение к патриарху, уже устойчиво оценивает его с положительной стороны. Поэт оценивает дружбу Яковлева с семьей Ульяновых как положительный факт.

В честь 100-летия Симбирской чувашской школы и 120-летия со дня рождения И.Я. Яковлева Я. Ухсай пишет поэму «Чёмпёр» (Симбирск, 1968). Деятельность учителя здесь характеризуется как работа, направленная на образовательно-культурное воспитание чувашей. Рассуждения просветителя о социальных корнях нищеты, безграмотности и невежества народа, основные из которых пьянство, безделие и лень, показаны автором убедительно:

Чӑн-чӑн ӗс пулнӑ уншӑн турӑ,
Ӗсре анчах этем усал.
Ӗсе пуç çапнинче – культурӑ! –
Янранӑ Яковлев сасси.

[Ухсай, 1968. С. 32]

Был для него богом труд,
В труде лишь славен человек.
В молении труду – культура!
Звучал набатом голос Яковлева.

[Подстрочный перевод автора]

Яковлев считает, что делу просвещения могут оказывать огромное содействие русские интеллигенты:

Пӗри те! – Эпӗ аслӑ вырӑс! –
Тесе тухман типтерсӗре,
Чӑваш кӗнекине те ыррӑн
Вуланӑ тӗрӗс те хитре.
Вӗсем вӗреннӗ хыççӑн кайнӑ
Учителе чӑваш ялне,
Çерем уçса, культура акнӑ
Ӗсчен çынсен чӗрисене.

[Там же. С. 34]

Бахвальством тем, что русский он,
Из них никто не посрамил чести,

Читал он чувашские книги с добром,
Читал внимательно и заворуженно.
Окончив школу, отправились
Учителем в чувашские села,
Поднимали целину, сеяли культуру
В сердцах у трудолюбивого народа.

[Подстрочный перевод автора]

В то же время в некоторых местах есть упущения. Так, например, Яковлев якобы считает, что в деле просвещения успешно могут работать только русские интеллигенты. Тем не менее необходимо признать, что русская интеллигенция в лице В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Некрасова оказывали неопределимую роль в деле формирования взглядов И.Я. Яковлева. Он строил свою систему образования чувашей под влиянием и на основе демократических учений о просвещении неграмотного населения. В связи с этим нужно отметить и то обстоятельство, что вышеназванные демократы были главными учителями чувашского просветителя.

Конечно, образ патриарха отображался не только П. Хузангаем и Я.Ухсаем, но и другими поэтами, а именно: А. Воробьевым «Сёве хёрринчи сурт» (Дом на Свяге), А. Юманом «Чёмпёр чулё калаçать» (Говорит Симбирский камень), А. Алгой «И.Я. Яковлев», Г. Ефимовым «Улӓп» (Великан), П. Ялгиром «Кӓнна Кушки» (Кошки), В. Давыдовым-Анатри «Яковлева сума суса» (Чествуя И.Я. Яковлева), Ю. Вирьялом «Чӓваш прометейё» (Чувашский прометей) и т.д. Но в сравнении с работами Хузангая и Ухсая они не смогли выразить и передать полноту создающихся образов. Поэты А. Воробьев и А. Юман, как и два вышеназванных лирика, напрямую связывали судьбу великого просветителя чувашского народа с образами семьи Ульяновых и Ленина. К примеру, вот как изображает А. Воробьев в поэме «Дом на Свяге» И. Яковлева и дает оценку его трудам:

Вӓл акӓ, чӓваш Прометейё,
Пире букварь панӓ этем!
Кам тек халӓха мёскён тейё?
Сутатё ӓсне чёр хёлхем,
Сав сута - пёлулӓх суги.

Шӑтса чӑшӑл тухрӑ калча,
Тӑшши пулчӑ, кӑчӑ тути.
Тайма пуҫ Иван Якӑлча.

Вот он, чувашский Прометей,
Человек, подаривший нам букварь.
Кто скажет народу, что он бедный!
Просветляет сознание учебой.
Это свет – образованности.
Есть уже ростки молодые,
Вырастает зернышко, вкус появляется.
Земной поклон Ивану Яковлевичу.

[Подстрочный перевод автора]

Здесь великий просветитель-педагог показан как Улып – Великан, который не дал уничтожить Симбирскую чувашскую учительскую школу. В свое время чувашский критик В. Долгов в статье «Дом, куда приходил молодой Ленин» писал, что «А. Воробьев в этой поэме образ Яковлева описал исторически жизнеподобно, но он все же полностью не знал историю, хотя он очень старался» [Долгов, 1973. С. 27].

В критике и публицистике этого времени огромное внимание уделялось дружбе Яковлева с Ульяновыми и Лениным. Поэты пошли вслед за официально-идеологическими взглядами тех, кто стоял на страже интересов организатора социалистической революции. Это было, конечно, выражением внутреннего социально-политического заказа. Поэтому, как нам кажется, вышеперечисленные произведения в оценке взаимоотношений Яковлева с Лениным поразительно схожи, можно даже заключить, что тексты этих произведений в содержательно-смысловом аспекте принадлежат одному и тому же перу.

Тем не менее во II половине XX века, особенно в праздничные дни в честь И.Я. Яковлева и чувашского языка, было написано много произведений в стихотворной форме популярными и молодыми литераторами. Например, А. Воробьевым «Улӑп» (Великан), А. Алгой «И.Я. Яковлев», «Чӑмпӑр гимназийӑ» (Симбирская гимназия), А. Чебановым «Чӑваш касси» (Чувашский край), А. Ырӑтом «Юбилей ячӑпе, Шурсухалӑм!» (С юбилеем, Аксакал!) и др. И в этих стихах чувашского патриарха изображают разными поэтическими средствами и оборотами, в

частности эпитетами и сравнениями: добрый, светлый, сильный, крепкий, здоровый, великий – наставник, учитель, педагог, Улып, Аксакал, Прометей и т.д. Безусловно, с течением времени художественное отображение И. Яковлева в жанрах поэзии получит дальнейшее развитие. Имя патриарха будет светиться яркой звездой на небосклоне истории чувашского народа.

3.2. Образ И.Я. Яковлева в чувашской художественной прозе

Богата и разнообразна палитра образа Яковлева в исторической прозе, интенсивно развивающейся в 1950–2000-е гг. В указанный период заметно углубляется анализ исторических событий, происходивших в историческом развитии всего человечества; расширяется панорама истории народной жизни, уточняются объективные характеристики исторических деятелей различных времен и народов, оценка их деятельности; изменяется исторический масштаб реалистической типизации в сторону укрупнения, философского обобщения.

Здесь уместно сказать об изменениях в жанровой природе историко-биографического романа. Эту область прежде наполняли произведения о выдающихся деятелях культуры – писателях, художниках, ученых и т.д. Традиция, естественно, сохраняется, вместе с тем в историко-биографический роман пришли новые герои, ознаменовав собой и новое качество прозы. Жизнь личности, характера нельзя полноценно показать вне жизни общества. Это меняет привычное отношение к судьбе человека: редуцированный исторический фон биографического романа нередко превращается в обстоятельную картину времени, полную подробностей, т.е. эпоха рисуется равноправно с героем. В итоге возникают разные типы и формы повествования. В середине XX в. яковлевская тема (яковлевиана) приобретает более весомую актуальность. Авторы характеризуют И. Яковлева более широко с положительной стороны. К образу своего учителя не раз обращаются благодарные питомцы Симбирской чувашской школы, впоследствии ставшие известными деятелями чувашской литературы. В 1954 г. известная чувашская писательница

ца Марфа Трубина выпустила автобиографическую повесть «В детстве». В ней неизгладимое впечатление оставляет описание посещения И.Я. Яковлевым школы, где училась маленькая Марфа. Особенно полно изображен портрет И. Яковлева: «В класс вошел высокий человек, плотного телосложения, погладив рукой поседевшие волосы и белую бороду, он направился к столу. Большими добрыми глазами смотрит на нас» [Трубина, 1954. С. 35]. В произведении мы видим, как великий просветитель умеет находить подход к детям и направлять их помыслы на служение родному народу. Перед отъездом он обращается к детям, призывает их помнить о пользе образования, приглашает в Симбирскую чувашскую школу.

Необходимо отметить, что в просветительской деятельности И. Яковлеву действительно неоценимую помощь оказывал И.Н. Ульянов. Известно, что в период его пребывания на посту директора народных училищ было открыто при его непосредственном участии около 500 сельских школ. Среди них – Пандиковская чувашская земская школа Курмышского уезда, Мало-Кармалинское, Ходарское, Яншихово-Норвашское и другие чувашские училища, мордовские школы в селениях Вечкусь, Горки, Кечушево, Вязовка, Киржиман, школа для обучения татарских детей в селе Петряксы Курмышского уезда и ряд других.

Особенно много внимания уделял И.Н. Ульянов Симбирской чувашской школе, деятельно поддерживал усилия ее организатора и руководителя И. Яковлева. После отъезда его в Казань Илья Николаевич взял на себя общее руководство названной школой. По его ходатайству, благодаря поддержке известного деятеля народного просвещения в Поволжье Н.И. Ильминского, эта школа получает признание Министерства просвещения. Следует также отметить, что И.Н. Ульянов оказал содействие в выпуске специальным изданием «Книжки для чтения» видного казанского педагога-демократа А.П. Сердобольского для учащихся Симбирской чувашской школы. Все эти факты объемно отражены в прозаических произведениях А. Артемьева «Перед бурей», М. Юхмы «Наследие», Г. Волкова «Судьба патриарха» и т.д.

Исторические документы показывают, с каким бескорыстием и любовью Иван Яковлевич дружит с семьей И.Н. Ульянова. После известных событий, связанных с покушением Александра Ульянова на царя, многие из симбирцев отвернулись от семьи

И.Н. Ульянова. Только И. Яковлев продолжал общаться с ними. Зная прекрасно безрезультативность своего мероприятия, он вынужден был оказать содействие в решении судьбы Александра визитом к императору. Чувашские писатели в своих произведениях стараются не опустить этот факт. Следует отметить, что в действительности он хлопотал об А. Ульянове через Н. Ильминского посредством министра просвещения, но до царя так и не дошел.

В 1970 г. увидела свет повесть А. Артемьева «Хунавлах хӑрнисем» (Увядавшие молодыми). В ней автор знакомит читателя с образами И. Яковлева и других известных для каждого чуваша людьми: К.В. Ивановым, Н.В. Васильевым (Шубоссини), Ф.П. Павловым, Т.С. Семеновым (Таэр), П.В. Пазухиным, И.Е. Тхти и др. В 1975 г. вышла из печати другая повесть этого же автора «Тӑвӑл умӑн» (Перед бурей), который является продолжением первого. Автор объединил эти две повести в один и в 1983 г. напечатал в русском варианте и под названием «Перед бурей». Роман начинается с описания событий 1905-1907 гг. Автор показывает, как революционное настроение распространяется и среди интеллигенции, в частности в среде учащихся учительских школ и семинариев Симбирска, Цивильска, Казани. Исходя из того, что художественное произведение, в том числе и исторический роман, не является простым сборником документов и их объяснений, А. Артемьев широко использует творческую фантазию.

В романе «Перед бурей» автор находит своеобразные приемы описания образа И. Яковлева. Необходимо отметить, что образ этот многогранен, сложен и во многом противоречив. А. Артемьев старается не сглаживать различные стороны чувашского просветителя. Например, Яковлев не разделял революционных настроений чувашской интеллигенции. Прав чувашский литературовед и критик И. Иванов, когда пишет, что среди чувашской интеллигенции бытует мнение о двоякой оценке деятельности просветителя. Одни считают его монархистом и миссионером, для других И. Яковлев – передовой демократ и просветитель. Об этом же пишет профессор Е.В. Владимиров: «Первые старались показывать И. Яковлева как ярого защитника царской власти, распространителя христианства среди чувашей, и основной задачей Симбирской чувашской школы была подготовка не столько учителей, сколько священнослужителей. По их мнению,

И. Яковлев был против демократических и революционных изменений. Вторые по достоинству оценивали и положительные стороны просветителя. Открыто видели то, сколько полезных дел он сделал для чувашского народа, его будущей культуры, принимая во внимание то обстоятельство, что И. Яковлев называл себя демократом» [Владимиров, 1975. С. 62].

Наряду с показом миссионерской деятельности директора школы писатель не забывает о прогрессивных сторонах его образа. Он старается по достоинству оценить большие заслуги просветителя в создании чувашской письменности и ее роли в просвещении чувашского народа. А. Артемьев старается раскрыть историческую значимость деятельности И. Яковлева, правильно понять его вклад в будущее чувашской культуры.

И. Яковлева мы видим в разных ситуациях. Вот, например, он разговаривает с К.В. Ивановым, ругает его за чтение «опасных эпиграмм» в адрес обер-прокурора Синода Победоносцева. В то же время автор показывает педагога в ситуации, когда в Симбирской чувашской школе готовятся отметить 300-летний юбилей династии Романовых. Яковлев ходит по школе, спрашивается о ходе подготовки школы к юбилею. Внутренний монолог дает понять, что он не питает уважения к царской власти, для него важно сохранение созданной им чувашской школы: «Разве можно остаться в стороне, когда ты со всех сторон окружен врагами... Попробуй остаться в стороне!... Опять будут жалобы и анонимки, недалеко и до закрытия школы и сам останешься в немилости. А ежели с умом подойти к проведению юбилея, и для школы нужное дело сделаем» [Артемьев, 1983. С.71].

События в романе охватывают обширный временной план: начиная с первой русской революции до Первой мировой войны. Читатель побывает, помимо Симбирска, в Казани, Петербурге, на фронте (в лазарете), в штабе армии и других местах. Образ И. Яковлева в произведении А. Артемьева «Увядавшие молодыми» прослеживается через воспоминания П.В. Пазухина. В прологе П. Пазухин говорит о том, какое влияние оказала поэма «Нарспи» К. Иванова на старого педагога. И. Яковлев от души радуется зарождению талантов среди чувашей. Он чувствует себя как на празднике при сообщении учащимся об этом: «Иван Яковлевич в черном костюме, в светлых ботинках, пиджак нараспашку, на жилете красуется серебряная цепочка. Старик без головного

убора, широкая белая борода накрыла широкую грудь; покрытые проседью густые брови, похожие на два крыла, то закрывают широкий лоб, то опускаются на зоркие глаза. Озорная радость чувствуется в лице гордого старика, левой рукой И. Яковлев держит Иванова, а правой опирается на посох, опрокидывая его при ходьбе на аршин вперед».

Ученики Яковлева величают его Жан-Жаком Руссо, стараются во всем подражать ему. В одиннадцатой части повести мы видим, как К.В. Иванов восхищается И.Я. Яковлевым, уважает его, гордится им, высоко ценит его деятельность, благодарен ему: «Он души не чает в своей Симбирской чувашской школе, поэтому делает вид, что старается больше выпускать церковных книг. Но в то же время я вижу и знаю, что он готов душу отдать за просвещение чувашей. Сколько раз собирались закрыть школу, но наш Жан-Жак смог оберечь ее до настоящего времени.

- Воистину удивительный человек! – сказал Пазухин, соглашаясь со словами Кестюка.

- Великий человек, классик чувашской истории, посол нашей культуры» [Артемьев, 1980. С. 157].

При написании своего произведения А. Артемьев пользовался историческими документами, что сделало его образ исторически достоверным и конкретным. Лишний раз это проявляется в изображении в характере И. Яковлева таких качеств, как большая человечность, знание нужд и чаяний крестьян. Это хорошо видно в таком эпизоде, как угощение их министерским обедом и т.д. Конечно, ради спасения и сохранения созданной им школы от ударов бюрократов с той или иной стороны ему приходилось применять и свой природный ум, и необходимую хитрость.

Внутренние монологи при радостных и горестных моментах раскрывают душевные переживания великого просветителя: «Где еще найдешь такую школу? Разве сравнятся с ней различные гимназии, семинарии, училища? В какой еще школе наряду с прекрасным обучением воспитывают к труду?» [Там же. С. 35].

Автор показывает И. Яковлева в моменты, когда он размышляет о тяжелой жизни, о судьбе своего народа, о его будущем: «Друг друга ломаем, дорогу не даем, обижаем. Ненавидим, богонеугодные дела творим, кляузы пишем ... Чего не хватает человеку? Зачем мне такая жизнь, если я живу только ради себя?» [Там же. С. 53].

Произведения А. Артемьева, пронизанные романтическим пафосом, изображают светлые идеалы наиболее выпукло и ярко, т.е. с учетом природы романтического творчества. В своих творениях писатель-романтик более доверяет авторскому отношению к героям, положительные его герои несут на себе отпечаток авторского эмоционального к ним отношения. Позиция художника проявляется в этих произведениях не только через экспрессивное отношение к героям, она глубже. Как отмечает литературовед Г.И. Федоров, «... А. Артемьев предпочитает оценивать действительность своих героев под углом зрения интеллектуала, хорошо знающего законы искусства (особенно родной, чувашской культуры)» [Федоров, 1996. С. 54].

В прозе А. Артемьева нет злоупотреблений документом (нет гипертрофии фактографии или стремления предоставить слово «самим фактам» без вмешательства вымысла), здесь налицо гармоническое переплетение и сочетание поэтического вымысла с фактами. Он творил свои произведения на основе исторических документов и глубокого проникновения в смысл истории.

А. Артемьев широко пользуется историческими данными, обосновывая правдивость и реальность образа И.Я. Яковлева. В произведении мы видим великого патриарха в его взаимоотношениях с питомцами своей школы, впоследствии ставшими известными деятелями культуры и искусства. Есть все основания сказать, что художественное отображение патриарха в произведении А. Артемьева исторически конкретно и правдиво.

О литературном творчестве известного прозаика А. Артемьева написано немало исследований. Так, например, Г. Хлебников называет его «поэтом в прозе», принимая во внимание то, с каким интересом он раскрывает душевное состояние героев. «Перед бурей» можно назвать историко-психологическим романом. Однако и здесь лирико-психологические сцены занимают немало места. Вот как оценивает этот роман критик Н. Дедушкин: «...на революционно-историческую тему автор написал не документальную повесть, а художественный роман. В связи с этим ввел вымышленные образы. Некоторые события показаны так, будто они происходили в действительности. Читатель верит им, внимательно следит за ходом событий в романе» [Дедушкин, 1983. С. 3]. Эту же мысль подчеркивает И. Иванов: «Художественное произведение, в том числе и исторический роман, не есть

сборник документов и их интерпретация. В нем есть место и для авторской фантазии» [Иванов, 1985. С. 61]. Тем не менее следует сказать, что вымысел координируется, конечно, историческими реалиями.

Художественность произведения, как известно, заключается в многослойности образной речи автора. Несомненно, это связано с широким кругозором автора. Историзм заметен в основном освещении действительно существовавших людей, событий, происходивших в реальности. Например, Симбирская чувашская школа, Первая мировая война, Атменевское восстание, учащиеся К.В. Иванов, П.В. Пазухин, Н.В. Васильев, Ф.П. Павлов, доктор К. Волков, исторические деятели - революционеры Эльмен, Николаев, поэт Таэр. Здесь же встречаем вымышленных героев и связанные с ними образные ситуации: гусяр Матвей и его жена Настюк; их дети Кирук и Лизук; богач Каврук – его сыновья Варзук и Порфирий; Александр — хозяин харчевни и т.д. Все они типичные образы. Похожие на них люди были в каждом селении.

В умении автора взволновать читателя, пробудить в нем адекватное мышление, проникнуть в глубины нравственного мира И. Яковлева и К. Иванова заключается психологическое мастерство писателя. Таким образом, становится ясно, что документальные факты биографии и события являются в романе одной из стилистических плоскостей. Они, эти факты и события, в чем-то публицистичны; историзм романа в них выступает через документальные освещения эпохи. Вымышленные лица больше психологичны, здесь много места отводится лирическим отступлениям автора и героев. Это уже совершенно другой слой романа. Следовательно, произведение пишется Артемьевым многослойно. Это и дает право характеризовать художественность диалогии «Перед бурей» как художественность романную. Следует отметить, что сочетание вымысла и документа присутствует и в фигурах выдающихся деятелей культуры – Яковлева, Иванова, Павлова и др. Однако вымысел здесь полностью зависит от особого понимания принципа историзма. Это означает, что Артемьев детально повествует о социально-исторической среде, в которой находятся эти герои. Следует иметь в виду, что если прототипы в поэзии этого времени зависели от социально-идеологических ус-

тановок, то в прозе делается больше акцент на том, как соответствует прототип исторической правде.

Необходимо отметить, что они находятся в органической взаимосвязи с точки зрения согласованности темы и композиции художественного произведения. Писатель-классик правдиво и глубоко раскрывает жизнь, настроения героев, их переживания за чувашский народ. Это заметно еще в начале повествования: «Иван Яковлевич с Константином Ивановым заперлись на всю ночь. До рассвета горел свет в кабинете директора» [Артемьев, 1970. С. 5]. Здесь мы видим многоплановость мыслительной структуры. Можно сказать, что в развитии сюжета скрывается отгадка того, какие свершения предстоят в будущем. «След проложен, дорога открыта...» [Там же. С. 12]. Будущее чувашского народа – в молодежи. Ей, молодой поросли, предстоит оправдать надежды родного народа в будущем. Первопроходец известен – И.Я. Яковлев с учениками. Без сомнения, основное место в произведении занимают сам И. Яковлев и его школа. Писатель разными приемами изображает просветителя-патриарха через противоречивые и сложные, трудные и своеобразные события. Показателен диалог бунтовщика Ягура Илюхина с учителем Петром Васильчем: «– Примет ли Яковлев меня, бунтовщика? – Пазухин оживился. – А Иванов кто? Васильев кто? Не бунтовщики ли? Беляева с Николаевым вот в тюрьму посадили было, что они революционеры, но именно Иван Яковлев взял их под свою защиту. Давай, Ягур, ни в чем не сомневайся! Дед выручит тебя из этой беды. Какими бы трудными ни были времена, для чувашей Симбирская школа оставалась и остается защитницей и опорой, там для них спасение» [Артемьев, 1975. С. 43]. Второй прием – описание. «Иван Яковлевич, как обычно, встал в пять часов утра, оделся и обошел всю школу: классы, детские комнаты, мастерскую, столовую, заглянул в кухню, обозрел каждую вещь в большом хозяйстве, при необходимости ощупал руками; сам попробовал еду для детей. Все в норме. Эдак-и так! Можно с именем господина встретить новый день с новыми надеждами» [Там же. С. 44]. В приведенном примере образ повествователя соединяется и оживляется действием, происходящим перед глазами читателя. Мы видим, как строго следил чувашский просветитель за ежедневной жизнью школы, чувствуем его чаяния и надежды, ощущаем глубину души просветителя.

Третий прием – портрет-сравнение. «Старый директор душевно улыбнулся, показывая крепкие зубы сквозь покрытую седьмой бороду, и направился в квартиру. Старик с большой тростью казался в утреннем сумраке сказочным Дедом Морозом: длинное пальто с огромным воротником, круглая шапка, теплые валенки» [Там же. С. 51]. Описание внешних качеств И. Яковлева, сравнение его со сказочным Дедом Морозом приобретает символическое значение. Деятельность просветителя – необходимое, очень нужное дело для чувашей. Оно стало бесценным вкладом в просвещение, культуру, искусство и литературу чувашского народа.

Все это показывает, что вымысел, как и система взглядов писателя, полностью координируется фигурами Яковлева, Иванова, Павлова, Пазухина и др. Именно в этом направлении показана жизнь Симбирской чувашской учительской школы, мысли, мечты и чаяния учеников великого просветителя, картины жизни далеких от Симбирска деревень. Таким образом, художественно верное и глубокое понимание связи принципов историзма с проблемой прототипов (Яковлева, Пазухина, Иванова, Павлова) помогает писателю создать яркие образы как документальных, так и вымышленных лиц.

В произведении А. Артемьев убедительно показывает чуткое руководство Яковлева образованием молодежи, хозяйственными делами, его неустанную заботу по поднятию их на более высокий уровень. Мы видим, что И. Яковлев как зеницу ока берёт созданную им чувашскую школу. В то же время мы не перестаём удивляться его умению находить для школы нужных и полезных людей. Перед читателем возникает образ чувашского «дедушки». Он понимает чаяния людей. Чувствуя слабое здоровье К. Иванова, ругает его за курение: «Тебе, Константин, совсем не надо курить. Видать много куришь, вот и ногти стали желтеть. Бросай эту скверную привычку...» [Там же. С. 45]. Молодым необходимо работать, пока есть силы: «Работай с умом, станешь мастером», – говорят в народе.

Душевное богатство Ивана Яковлева складывалось с детских лет. Он всегда был готов прийти на помощь к сыновьям родного народа. Каким бы разносторонне развитым и интеллектуально богатым он ни был, высокомерие ему чуждо. Известный педагог разговаривает наравне с бедными крестьянами. Потчует

их за одним столом с «большими» людьми: губернатор, министр и чувашские крестьяне уважают его. Автор доказывает это через разговор персонажей: «Вот, кум Кузьма, скажи, что он барин! Усаживая с собой, разговаривал с нами! На чувашском разговаривает не нам чета» [Там же. С. 45]. Педагог-просветитель переживает за чувашей. «Умей разговаривать на русском, как истинный русский, на чувашском умей, как наши деды», – учит он детей. А. Артемьев изображает Яковлева и как «чувашского бога». Мы узнаем, что он действительно целеустремлен и терпелив. Мы видим, как он разговаривает в Питере с министром просвещения Кассо. Педагог разговаривал с ним смело, с чувством собственного достоинства, и это импонирует чиновнику. Не находя повода для обвинения, он хвалит Яковлева и деятельность Симбирской чувашской школы, высоко оценивает отчет, дает разрешение на свободную организацию дальнейших дел. После этого случая и увидел свет новый букварь для учащихся. Таким образом, великий учитель все делает основательно, целенаправленно, никакие трудности его не пугают, не ломают. В своем романе А. Артемьев полно и разносторонне раскрыл образ И.Я. Яковлева и жизнь Симбирской чувашской школы. Он уважительно и с любовью называет учителя такими разносторонними определениями, как «старый директор», «злой старик», «дедушка», «просветитель-демократ», «Дед Мороз» и т.д. Исследование этого вопроса показывает, что в романе писатель сумел раскрыть всю глубину и органичность связи просветителя с жизнью простых людей и его внутреннюю близость к народу. Роман «Перед бурей» принадлежит к числу лучших произведений о И. Яковлеве.

А. Артемьев, как уже говорилось раньше, показал, как исторически верный подход к судьбе подлинных лиц, документальным фактам позволяет соединить в художественное целое такие моменты, как лирика, содержание психологического образа, документально-публицистический анализ жизни исторических лиц и исторических событий. Роман-диалогия «Перед бурей» писателя стал крупным явлением не только яковлевианы, не только портретной романистики, но и всей чувашской художественной литературы. На фоне проанализированных поэтических произведений проза Артемьева заметно выигрывает. «Поэтом в прозе» Г. Хлебников Артемьева называет неслучайно: в романе писатель постоянно подчеркивает свое любовное отношение к геро-

ям, выражает боль своей души по поводу их трагической судьбы. Исторически верно и психологически убедительно показывает связь великих людей с простым народом, т.е. автор проявляет себя как лирический герой.

В повести «Кушкă ачи» (Мальчик из чувашского села, 1976) П.Т. Петров (Т. Педэрки) рассказывает о детстве чувашского просветителя, показывает его разносторонне и художественно достоверно. События в повести происходят в деревне Кошки Симбирской губернии в середине XIX в. Жизнь и быт крестьян этой деревни автор передает правдиво. У сельчан трудная жизнь, хозяйство в упадке, бесчинствует неграмотность и невежество, вера в магию, волшебство, господствуют традиционные предрассудки и т.д. Все это придает произведению черты глубокого историзма.

В начале текста автор-рассказчик знакомит нас с восьмилетним ребенком. Ничем особенно он не отличается от своих ровесников. Вместе с ними радуется приближению весны, играет, шалит. Но что-то есть в нем свое: в глазах скрывается глубокая мысль. Он видит, что «недалеко за полем Киштек лес богатого хозяина. Крестьяне могли глядеть только через этот лес» [Педэрки, 1976. С. 11]. Автор время от времени раскрывает нам душу маленького Ивана, оставляет его наедине с читателем. Оказывается, у этого ребенка есть свое миропонимание, он может высказывать свое философское осмысление жизни. Миропонимание Ивана день ото дня углубляется. Через его сердце проходят все правды и неправды жизни. У него добрая душа, он уважает простых людей, и это пробуждает в его сознании своеобразное отношение к окружающему миру, людям.

Однако в повести есть и недостатки. Кажется неубедительным, что уже с раннего детства герой философски мыслит, что он уже с малых лет во многом отличается от своих сверстников. Несколько искусственным кажется введение в произведение сообщения цыганки о том, что Ивану уготовлена большая жизнь: «Счастливым ты, Григорий Пахомыч, – привычно начала цыганка. – Бывает слепой видит лучше зрячего. Уродило твое поле, Григорий Пахомыч. Дивный колос вырос. Вот он твой золотой колос... Мурашки пробежали по спине Ивана. Он не знал, куда спрятаться от этих сверлящих, горячих глаз» [Петров, 1983. С. 55]. В данном случае, Григорий Пахомович, приемный отец и

поводырь Ивана, является художественным средством, приемом беллетризации освещения жизненного пути (детских лет И. Яковлева).

Автор реалистически повествует о детских годах И.Я. Яковлева. Повесть написана увлекательно и с большой документальной точностью. Историческим фоном является подробное изображение жизни удельных крестьян: их нищета, запущенное хозяйство, суеверие и безграмотность, их праздники и обычаи, легенды и мифы, мечты о прекрасном будущем, повседневные заботы. На этом фоне детство Ивана показано в неразрывной связи со своим народом. Как и подобает историко-биографическому произведению, отдельные отрывки повести связаны с жизнеописанием героя, его мыслями и чувствами начиная с 8-летнего возраста. И это становится своеобразной сюжетной канвой.

Необходимо отметить, что основной ценностью повести является показ Ивана Яковлева в постоянном развитии его мировоззрения, расширении интеллектуально-умственной способности. Автор проделал это с большим мастерством. Достоверность исторически существовавших людей, которые встречаются в повести, не вызывает сомнения.

«Мальчик из чувашского села» – историко-биографическая повесть. Отдельные главы объединяет развитие характера, становление Ивана как личности. И. Яковлев в детстве показан как умный и благодарный, готовый всегда прийти на помощь к человеку. Чувствуется, что маленький Ваня уважает старых людей, старается постичь своим умом их нравоучение. Образ его несколько идеализирован. Он не занимается непристойными делами. С малых лет старается выполнять любую работу основательно.

Мечты и мысли, чувства и настроения И. Яковлева автор раскрывает через диалоги и монологи, через отдельные детали. После разговора с собеседником он, как правило, впадает в размышления, разговаривает с самим собой: «Мысли друга удивили Ивана: постой-ка, ведь здесь чувствуется идея Ильминского. Чувашский народ спасется, дескать, через родной язык и церковь – вот основная мысль кошкинского чуваша. Сам он и не верует в бога, а туда же ... Но насчет языка он ошибается. Будет жить народ – будет язык, народа не станет – не станет языка» [Родионов, 2002. С. 297)]. Через маленькие детали можно понять многие черты И. Яковлева: «Для Ивана все родные: дедушка,

бабушка, сестра Настась и отец; только мать не родная, ее взял замуж отец после смерти первой жены, когда Ивану было пять лет» [Петров, 1976. С. 38].

Автор дает понять, что Ивана заинтересовал вопрос, на который никто не мог дать ответа. Он мучительно ищет его. В повести довольно часто он показан в ситуациях, когда перед ним возникают подобные вопросы. «Бог действительно есть, Иван в это верит: соблюдает пост, ходит в церковь. Но почему нельзя узнать глубже о религии? Ведь в церковных книгах есть сомнительные места» [Петров, 1976. С. 229].

Портрет И. Яковлева раскрывается через детали описания: «Мария Александровна, это наш И. Яковлев, – сказал Илья Николаевич, указав на Ивана. – Твое мнение правильное. Он не только умен, но и ростом кажется богатырем. Я ростом только до его плеч. – Он встал рядом с Иваном» [Там же. С. 79]. «Иван очень хилый, слабый, но в то же время очень дерзкий, к нему любой может приставать» [Там же. С. 79]. «Иван был одет в вышитую рубашку и шаровары, обут в сапоги» [Там же. С. 83]. «Баринот ходишь: в кожаной обуви, в шароварах, в ситцевой рубашке» [Там же. С. 42]. «Он не только умом, но и всем ростом кажется богатырем». «В сердце Ивана растет чувство жалости. Как помочь домашним? Как помочь кошkinцам? Вывести бы их в люди». Автор широко пользуется сравнениями: «Отца мне заменил Николай Иванович. Он подобен кораблю, плывущему в волнующемся море, но никакая волна не может опрокинуть его. Говоря по правде, в душе у него постоянно горит огонь. Но ни огня, ни дыма никто не увидит» [Там же. С. 62].

Национальный вопрос пронизывает сюжетную канву произведения. Автор описывает окрестности родной деревни, довольно подробно и в нескольких местах рассказывает о массовых обрядах, показывает, как Иван Яковлев из мальчика, всеми корнями связанного с семьей Пахомова, односельчанами, всей душой любящего и уважающего их обычаи и традиции, поднимается на высоту учителя-просветителя чувашского народа.

Заметно пейзажное мастерство автора. Он широко использует природные явления. «По выезде из города первая деревня, расположенная на склоне горы, – Писавка. Она знаменита подземным родником» [Там же. С. 44]. Описание природного явления перекликается с душевным состоянием героев. «В конце

оврага блестит колодец (родник). Его кто-то очистил, соорудил кадушку. Прозрачно чистая вода не мутится, хотя выходит из глубин вьющейся струей» [Там же. С. 44]. Автор здесь хочет сказать, что чистое не мутнеет, добрая мысль прозрачная.

Герой повести И. Яковлев предстает перед читателем как живой человек. Автор хорошо осведомлен о биографических данных его детства, он с большой любовью описывает свою родную деревню (они с И. Яковлевым односельчане): «Весеннее красивое прохладное шумное утро, тут и там наледь. Строевые, ивы покрыты инеем. Облака на востоке красные, восходит солнце. Солнечные лучи озарили Таябу и Чурапан, они еще не дошли до Кошек ... можно услышать голоса грачей, в воздухе переливается трель жаворонков. Скворцы торопливо возвращаются из южных краев и начинают разносить звонкие песни» [Петров, 1976. С. 183].

Приведенные строки показывают уровень пейзажного мастерства автора. Он способен малым количеством средств, штрихов раскрыть красоту природы. Это мастерство помогает ему немногословными сравнениями описывать то или другое душевное состояние патриарха. Часто единственный штрих оказывается точно подмеченным средством в раскрытии образа И. Яковлева.

К образу великого просветителя обращается другой чувашский писатель – Ф. Андреев. В 1980 г. он опубликовал рассказ «Прощай, Симбирск» («Сывă пул, Чѣмпѣр»). Он посвящен проводам выпускников Симбирской чувашской школы к месту их работы. Иван Яковлевич, обращаясь к ним, дает напутственное слово, где просит их любить свой народ, отдавать все силы делу его просвещения: «В Британском музее даже ржавый гвоздь считается ценностью, но мы не гвозди, надо поднять, учить надо обездоленных сородичей», – говорит И. Яковлев. Он завершает свое выступление словами: «Господь – спаситель наш, помоги нам...» [Андреев, 1980. С. 8]. Автор-рассказчик от имени всего класса благодарит И. Яковлева словами: «Великий патриарх, наш Улып чувашский».

Широкое освещение получила жизнь Симбирской чувашской школы в повести Ф. Андреева «Чѣмпѣр ҫути» (Свет Симбирска, 1980). И. Яковлев показан в различных ситуациях. Внутренний и внешний портрет просветителя предстает перед

читателем достаточно полно: «И.Я. Яковлев в черном жилете, из-под которого виднеется рубашка белоснежного цвета. Сложенные в сторону волосы местами поблескивают сединой... Крепкие предплечья... В руках толстенная книга» [Андреев, 1980. С. 57].

Писатель чувашского народа предстает как аккуратный, интеллектуально развитый и умный пожилой мужчина. Его речь насыщена пословицами и поговорками. Он в постоянных заботах о школе: надо расширить земельные наделы для создания фермы, не хватает зданий для школы, нужна отдельная комната для библиотеки и т.д. Учащихся он не ругает, прекрасно знает их настроения и чаяния, и те уважают его. В повести образу И. Яковлева противостоят отрицательные персонажи. Они предстают злыми, безжалостными. Главного героя повести Ивашука удивляет достойное поведение И. Яковлева перед жандармами: «Ни разу не повысил голоса, говорил спокойно, уверенно, немногословно. Не уронил своей чести перед жандармами» [Там же. С. 73].

Близким другом И. Яковлева выступает в повести И.Н. Ульянов. Они часто помогают друг другу, строят совместные планы по решению тех или иных вопросов. Писатель сравнивает их с орлами.

Напутственные слова просветителя выпускникам отличаются глубоким содержанием. Они надолго остаются в памяти питомцев школы: «Дерево оценивают по плоду, а человека по уму. Любите землю, старайтесь умом постичь, что она может дать. Никогда не хвалитесь умом. Всегда учитесь, меньше разговаривайте, больше работайте. Не оставляйте на завтра то, что можно сделать сегодня. Умейте горой стоять за свое дело» [Там же. С. 73]. Слова эти звучат как наставление. Они актуальны и по сей день.

Понятие дороги в повести метафорично. Оно, по представлению автора, имеет несколько значений. Это и дорога жизни, и протяженность пути. Основные положительные персонажи в повести всегда в дороге (И. Яковлев, И. Ульянов, И. Кочуров и др.).

Автор подчеркивает, что «... основная идея повести – призыв молодежи к просвещению, читатель повести обязан понять истинную ценность знаний. Кульминация произведения – свет Симбирска распространяется в темные уголки через открытия школ в чувашских селениях» [Андреев, 1980. С. 46].

Писатель изображает реально действующих исторических личностей. Многие герои доселе не были показаны в качестве литературных образов. Например, Яшка Кочуров, один из персонажей повести, уроженец села Яуши Вурнарского района – реально существовавшее лицо.

Положительные герои повести: Яшка (Йăвашук), Элиса, И.Я. Яковлев, И.Н. Ульянов, Володя Ульянов. Другая группа: Чуман Унеңем, Экку, сельский староста, поп Никандр, начальник жандармерии – отрицательные персонажи, противники добра, они призваны усилить конфликт произведения. Главный герой – Яшка Кочуров. Автор разыскал следы о нем в архиве. Реальное имя его – Григорий Никитин.

Автор задумал свою повесть по аналогии с композицией повести А. Пушкина «Капитанская дочка», где повествование ведется от первого лица, каждую главу предваряет эпиграф.

Чувствуется чрезмерная приукрашенность в системе образов повести и увлечение в выборе нереальных событий. Во-первых, необходимо отметить, что в Симбирской чувашской школе существовал строгий порядок. Девушки и юноши проживали отдельно. Нужно было спрашивать разрешение на выход в город у воспитателей. В повести читаем: «Мы подошли к женскому общежитию. На втором этаже живет второкурсница Урине. Окно ее комнаты открыто. Наш Ванюк вздыхает тяжело перед ее окном. Урине похожа на ласточку, краснеет при виде парня.

- Выходите на улицу, – крикнул Ванюк, – пойдём на Волгу. Лед тронулся. Девушки собрались гурьбой перед окном, они посмеиваются.

- Выйдем, – ответила Урине. – Ждите нас ...

Скоро к нашей группе присоединились девушки» [Андреев, 1980. С. 89-90].

Такого события в Симбирской чувашской школе быть не могло. Вот как рассказывает А.А. Элекина: «Иван Яковлевич нас молодых, особенно девушек, учил, что честь надо беречь смолodu. Ваши родители далеко, мы в ответе за ваше достойное воспитание. Девушки должны быть скромными. Хвастаясь своей красотой, не сворачивайте с правильной дороги» [Алексеев, 1986. С. 24]. «Общежитие девушек располагалось в верхнем корпусе, мальчики жили в нижнем на берегу Свяги. По школьным порядкам юноши и девушки не должны были встречаться

друг с другом. По субботам и воскресеньям все ходили в школьную церковь. Они могли встречаться только там. Ф. Андреев не учел этого факта. Ежели встречались нарушители дисциплины и порядка, они подлежали немедленному исключению из школы. Исторические факты свидетельствуют, что в школе никогда не было учителя-руссоведа А.П. Туринова. «В 1882-1888 годах русскому языку обучал учитель В.И. Скворцов, – пишут А. Иванов, П. Золотов, – и в школьной мастерской Н.М. Охотников никогда труду не обучал, там работали Н.Н. Сергеев и А.С. Гаврилов» [Иванова, 1980. С. 54]. «В повести автор повествует, как мальчики и девочки, выходя на берег Свяги, водят хоровод, поют, радуются. Но такого в дореволюционное время не было и быть не могло: с одной стороны, школьный порядок не разрешал этого, с другой стороны, у чувашских парней и девушек не хватало смелости» [Там же. С. 54-55].

Н.М. Охотников ведет воспитанников на берег Волги к высокому холму под названием Венец. «Здесь весь город виден как на ладони, пытается утверждать автор, но с этого места действительно Заволжье как на ладони, а города не совсем видать. Еще во время экскурсии Никифор Михайлович, дескать, ходит в обнимку с детьми. В действительности же Н.М. Охотников был стеснительный, добропорядочный и скромный человек» [Там же. С. 55]. Приведенные эпизоды показывают, что Ф. Андреев недостаточно разобрался в существовании принципа историзма, поэтому вымышленные им сцены не отвечают исторической правде. Этим самым прозаик дает повод критиковать его за недостаточное знание прототипов событий и героев. В повести немало и других недочетов. Так, учебный процесс в школе освещается неадекватно. Чувствуется незнание автором хода учебно-воспитательного процесса в школе.

Большой вклад в яковлевиану внесла тетралогия известного чувашского писателя М. Юхмы «Вилёмсёрлӧх» (Бессмертие). Тетралогия состоит из четырех книг: «Эткер» (Наследие, 1986), «Термен» (Мощь, 1990), «Анне сӓкӓрӓ» (Материнский хлеб, 1991), «Атте пахчи» (Отцовский сад, 1992).

Тетралогия посвящена деятельности И.Я. Яковлева по спасению чувашского народа от исчезновения, его борьбе за сохранение чувашской культуры и возрождение духовных начал. Яковлев пришел в этот мир как спаситель. Вот Семендей (роман

«Наследие») стоит перед свежевыкопанной могилой, от смерти его спасает восьмилетний Ванюша, будущий великий просветитель. С детства он интересуется другими народами, любит фольклор родного народа, знает его художественную ценность.

Мы узнаем, что смышленому мальчику уготовано большое будущее. Как и в повести Т. Педэрки, И. Яковлеву цыганка предсказывает будущую судьбу. Окончив Бурундукское земское училище, школу землемеров, уже в 16 лет Иван начинает работать землемером. Его отличает стремление к справедливому разрешению возникающих при делении земельных наделов вопросов. Ему противно угождать богачам, которые стремятся подкупить молодого землемера. Его беспокоит будущее чувашского народа, его судьба.

28 октября 1868 г. И.Я. Яковлев открывает на частной квартире первую чувашскую школу и содержит ее на свои денежные средства. Нелегка доля первого просветителя. Одновременно он учится в гимназии, работает репетитором, присматривает за своей школой. Оканчивая гимназию с золотой медалью, И. Яковлев поступает в Казанский университет, но про свою школу он ни на секунду не забывал. В его отсутствие попечителем школы является И.Н. Ульянов. Творчество И. Яковлева М. Юхма оценивает убедительными словами: «... нельзя делить труды И. Яковлева понятиями большой и маленький. Каждый его поступок – это звено в спасении родного народа от выкопанной глубокой бездонной могильной ямы и воскресении подобно волшебной птицы Кунгш, указании пути к светлому будущему, выведении на путь бессмертия» [Юхма, 1986. С. 233].

В главе «Монолог через 100 лет» уже давно умерший священник Баратынский так размышляет о судьбе И.Я. Яковлева: «Как мы только не обвиняли Яковлева! Приклеивали название «сепаратист», «взбесившийся Ванька», «бедняк», «чужеродный», «магометанин»... Но все равно не смогли победить Яковлева, закрыть его школу ... Ведь слишком много делал он. Один работал за десятерых... Солнце восходит и заходит, восходит и заходит, человек рождается... и умирает. Лишь его добрые дела остаются на тысячелетия, на века» [Юхма, 1986. С. 224]

И. Яковлев удивлял и до сих пор удивляет своей целеустремленностью не только сторонников, но и противников. Он отличный педагог, верный товарищ. После смерти своего друга

И.Н. Ульянова директор Симбирской чувашской школы оказывает его семье посильную помощь. После событий, связанных с его сыном Александром, когда считавшиеся друзьями семьи отвернулись от Марии Александровны, руку помощи протягивает именно И.Я. Яковлев. Такое благородство заложено в нем от воспитания в чувашской семье. Заранее зная безысходность предприятия, он пишет письмо царю в защиту Александра! Анализ свидетельствует, что Юхма иногда обращается к тем же событиям, которые были показаны и другими писателями. Как и Педэрки, он подчеркивает, что мальчик Ваня был умным и добрым, справедливым еще с ранних лет. Как и Артемьев, Юхма много говорит о том, как хотели закрыть школу Яковлева. Как и Артемьев, останавливается на трагических событиях, которые произошли в семье Ульяновых. Все это приводит к тому, что тетралогия писателя проигрывает, например, в сравнении с дилогией «Перед бурей».

М. Юхма показывает И. Яковлева в учебе, работе, во взаимоотношениях с друзьями, членами своей семьи. Он прослеживает развитие характера просветителя в радости и горе. Роман «Мощь» посвящен второй стадии пути чувашей к выходу в свет. В произведении основательно раскрывается деятельность И. Яковлева после 1887 г. У Яковлева формируется мнение, что культура каждого народа должна опираться на четыре составляющих фундамента: 1) литература; 2) профессиональная музыка; 3) изобразительное искусство, живопись; 4) сценическое искусство, театр. В романе довольно подробно раскрывается деятельность чувашского просветителя по осуществлению задуманного.

В 1888 г. Симбирская центральная чувашская школа становится культурным центром всего чувашского народа. Уже 20 лет И. Яковлев работает на ниве народного просвещения. Теперь в деревнях уже работают его ученики. Нет ни одного чувашского селения, где бы не знали его имени. Чуваши величают его выражениями «наш просветитель», «наш учитель», «наш добрый человек», а его школу называют высшей школой чувашей. Но И. Яковлев всегда помнил о том, что он гражданин многонациональной России. Он учит своих воспитанников любить русский народ, Россию.

Учитель отлично представляет, что его ученики отправляются в чувашские школы в роли апостолов. Его напутственные

слова направлены на то, чтобы всячески учить чувашей разви-
тию самосознания: «Чувашей надо учить тому, чтобы они научи-
лись понимать друг друга, уважать себя, помогать друг другу.
Кулак состоит из пальцев. Пять пальцев соединяются и образуют
кулак. Кулак – сила. В отдельности у пальцев силы нет. С целью
улучшения жизни, завоевания достойного места под солнцем
нам, чувашам, необходимо объединиться в один кулак» [Там же.
С. 33]. Старый педагог выступает как блестящий знаток устного
народного творчества, как блестящий оратор. Он мастерски вла-
деет приемами расположения слушателей к своим намерениям.
Прекрасно знает, что сила народа не в коштанах, а в работающих
людях. Часто обращается к своим посетителям с такими слова-
ми: «Знайте, что только труд, выполненный в согласии, полезен,
любите такой труд. Даже самый маленький труд требует любви
и усердия. Самый маленький труд возвышает человека, выпол-
ненный спустя рукава, уходит в забвение» [Там же. С. 13].

После встречи и разговора с 106-летним солдатом Кочетко-
вым у него рождается мысль, что чувашам нужны художники:
«Недостаточно словесное описание таких достойных для исто-
рии людей, их необходимо запечатлеть красками» [Юхма, 1990.
С. 78]. И. Яковлев лично сопровождает привезенного из деревни
будущего художника Алексея Кокеля в приемах у врача.

Просветитель показан в романе как заступник своего наро-
да, вот как отвечает он высокомерному царскому министру на
вопрос «Что же можно выразить по-чувашски?»: «Когда есть у
народа мысль и крылатая мечта, и если есть у него духовное бо-
гатство и природный ум, он сможет выразить своим языком не-
обходимое» [Там же. С. 150]. И. Яковлев борется за будущее на-
рода с чиновниками, с зазнавшимися сородичами. Помогает
крестьянам, спешит к учителям, работающим в отдаленных се-
лениях с целью помочь им. И.Я. Яковлев – богатырь, великан,
желающий человеку только добра. Могучий духовно, в то же
время он мягкосердечный: не может терпеть, когда обижают ре-
бенка, он способен прослезиться при слушании народных песен.
Роман заканчивается 1913 г. Симбирская чувашская школа к
этому времени становится для чувашского народа своеобразным
университетом, или академией. Она и книжное издательство, и
исследовательский институт, и художественная галерея, и музей;
одним словом – центр чувашского народного просвещения.

Основная сюжетная линия романа «Материнский хлеб» тянется через революционные события XX в., участие в них чувашского народа. Единственный сын одинокой женщины Угахби Варганеш попадает в беду во время деления земельных угодий из-за обмана Тимукка Чуришева. Его хотят убить. Спасителем выступает И. Яковлев: «Варганеш заметил сидящего на мягком облучке тарантаса человека крепкого телосложения, похожего не героя. Ростом не ниже двух аршин, красивое лицо, густая борода, в дорогой одежде: пуговицы так и блестят, на плечах невиданные доселе погоны» [Юхма, 1991. С. 30]. Не трудно заметить, что «Материнский хлеб» начинается событием, похожим на начало романа «Наследие», и там маленького Ванюшу спасает будущий педагог. А здесь И. Яковлев спасает Варганеша от утопления. Начало жизненного пути у них одинаковое, но сам жизненный путь разный. Семендей оказывается беглецом. Лишь на старости лет он возвращается на родину. Варганеш сразу оказывается в Симбирской чувашской школе. Таким образом, писатель показывает разницу между двумя эпохами: Семендей жил в середине XIX в., тогда еще не было Симбирской чувашской школы, чувашский народ стоял на краю пропасти, а Варганеш родился через 50 лет. За эти полвека жизнь чувашского народа значительно изменилась. Теперь уже Варганеш может не прятаться от злых людей на чужой стороне. Сейчас уже появилось святое для чувашей место – Симбирская чувашская школа.

В романе «Материнский хлеб» наблюдается несколько сюжетных линий: трудная крестьянская жизнь, жизнь воспитанников чувашской школы, любовные коллизии, самобахвальство и самодовольство богачей и т.д. Все это перекликается с жизнью и деятельностью И.Я. Яковлева. Писатель показывает его изучающим большевистскую программу. Старый просветитель одобряет в их программе стремление дать каждому крестьянину землю, их видение каждого народа равноправным с другими. Мы читаем: «Иван Яковлевич и понимает революционеров, и не допонимает. Они за свободу и счастье для народа, это хорошо, он это понимает. Но он никак не может одобрять средство достижения этой свободы и счастья. По его мнению, этот путь ведет к пролитию крови» [Юхма, 1991. С. 69].

И. Яковлев выступает глубоким знатоком чувашского фольклора. По его мнению, глубокое знание устного народного

творчества есть первое условие в воспитании чувства уважения и любви к народу. Без причины не ругает он учащих, а когда появляется причина, старается найти приемы воздействия, чтобы учащиеся почувствовали свою неправоту.

«Сами подумайте: вас 30, что будет, если каждый из вас оставит по 3 картофелины? Варганеш, скажи-ка, сколько картофелин потеряется?» [Там же. С. 123].

Великий просветитель И.Я. Яковлев – патриот России. От души радуется за предоставленную возможность дать здание чувашской школы под лазарет для раненых солдат. Он гордится тем, что сотни воспитанников его школы отправляются на фронт. Искренне радуется тому, что те понимают свой долг перед Родиной. В то же время мы видим, что Яковлев приходит к пониманию ненужности войны. Красной нитью через весь роман проходит такая мысль: И. Яковлев стремится на помощь к любому человеку, попавшему в беду.

Роман «Отцовский сад» завершает тетралогию, в нем описываются послереволюционные события. И. Яковлев питает надежды, что новая власть предоставит возможность для широкого развития чувашской народности. Но, к сожалению, у него появляется очень много врагов. Он попадает в опалу. Злые люди пишут жалобы и кляузы на него. В 1920 г., после сильных нападков с целью выселения из квартиры и отстранения от работы, И. Яковлев сильно заболел. «Наконец навсегда покину г. Симбирск, – вот какими словами расстается он с колыбелью своей мечты. – Отца у меня нет, и матери своей я не видел. Отца мне заменила родная чувашская земля. Возьму на память горсть родной чувашской земли» [Юхма, 1992. С. 458].

Без труда можно определить, что М. Юхма широко использовал материалы из опубликованных в последнее время научно-биографических изданий И.Я. Яковлева. Необходимо также отметить то обстоятельство, что произведение М. Юхмы отличает ясный слог, что является условием особой читабельности его произведений. Справедливости ради добавим, что в романах есть немало мест неоправданно вольной интерпретации ряда фактов из биографии педагога.

В эпилоге тетралогии автор показывает нам маленького чуваша и почтенного старца, окончившего в свое время Симбирскую чувашскую школу. Старик рассказывает о человеке, давшие

го народу букварь. Ведет мальчика к могиле Ивана Яковлевича. Маленький чуваш думает о том, что сам, будучи старым, приведет своего внука к этому месту. М. Юхма мастер выразить ту или иную мысль через фольклорные образы и ситуации. Он хорошо знает историю описываемых событий, документальные материалы. Сравнение и интерпретация образа патриарха с мифологическими образами повышают значимость его деятельности в деле просвещения родного народа.

Стиль произведения близок к художественно-публицистическому, много конкретных исторических фактов: время, место того или иного действия. В то же время все произведение пронизывает стиль художественной литературы. Композиция произведения, ее художественные средства определялись замыслом, своеобразием авторского подхода к теме.

Роман М. Юхмы «Отцовский сад» (1992) – исторический фольклорно-психологический роман. Наряду с историческими личностями немало вымышленных героев.

Повествователь в романе умело описывает событие, т.е. хронологически изображает поступательный исторический процесс, а не цепляется за изолированные факты. Он талантливо изображает в произведении зарождение и развитие образования среди чувашей. Это сложная, многогранная историческая проза, а по теории М. Бахтина, роман – многослойное, многоплановое произведение [Бахтин, 1988. С. 339]. Автор собрал огромный исторический материал. Образ И. Яковлева получился, по мысли В. Василевского, яркий, титанический [Юхма, 1992. С. 8]. Чудо истории, судьба народа – в дружбе и помощи Н.И. Ильминского и И.Н. Ульянова. Достоверно, правдиво, впечатляюще показана неустанная борьба просветителя с силами зла. Историческая обстановка событий изображена хронологически верно. Проницательность автора сказалась в том, что из сотен документов, воспоминаний он сумел выбрать факты и события, необходимые для социальной характеристики личности, для создания монументального образа.

У народного писателя Чувашии М. Юхмы свой стиль, свой язык, своя особая выразительность. Можно сказать, что его тетралогия является значительным вкладом в яковлевиану. Он умело использует исторические документы и воспоминания современников И. Яковлева и выпускников Симбирской чувашской

школы, хорошо знает исторический материал, прекрасно его обрабатывает для художественного произведения. И. Яковлев в его произведении предстает перед читателем как живой образ со всеми противоречиями, возникающими в повседневной жизни.

Итак, образ исторической фигуры у М. Юхмы на сегодняшний день является значительным достижением в чувашской яковлевиане.

3.3. Образ И.Я. Яковлева в чувашской драматургии

Драматург лишен возможности передавать непосредственно свои мысли об образе. На вооружении лишь перечисление действующих лиц, указание мизансцен, ремарки. Характер он показывает через монологи и действие, в которые вовлекается образ. Драма пишется автором для постановки на сцене. На протяжении истории драматургии сложилась определенная манера изображения жизни в драматических произведениях. Герой в драме действует, живет, переживает, входит в сложные отношения с окружающими людьми, при этом всегда имея свою цель. Главное в драме – действие. Характер героя раскрывается именно в его действиях.

Вышеизложенное показывает, в какие узкие рамки должен укладываться автор в передаче того или иного явления или факта действительности, того или иного образа. «Нельзя логическое исключить из образа, образы могут отличаться понятийной точностью или включать в себя понятия как элементы, детали, из которых они складываются. При этом понятия не живут в искусстве самостоятельной жизнью, они не могут подменить собой образы» [Зись, 1975. С. 150].

С большой определенностью о специфике драмы высказался В.Г. Белинский: «В романе иное лицо может иметь место не столько по действительному участию в событии, сколько по оригинальному характеру: в драме не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо в механизме ее хода и развития. Простота, немногосложность и единство действия (в смысле единства основной идеи) должно быть одним из главнейших условий драмы; в ней все должно быть направлено к одной цели,

к одному намерению. Интерес драмы должен быть сосредоточен на главном лице, в судьбе которого выражается ее основная мысль» [Белинский, 1978. С. 295].

Все эти выводы об отношении философии и драматургии нашли свое отражение в различных пьесах о И. Яковлеве, в которых замысел выступает в образной форме. Более того, они связаны с его внутренним миром, знаменуют не только мудрость мыслителя-педагога, но и чувства страстного борца за осуществление этих идей.

Идеи Яковлева воспроизводятся авторами в виде живого или острого диалога. Они представляют собой не просто обмен мнениями: они являются примером напряженной яковлевской борьбы за идеи просветительства. Важным моментом в драме, как это было и в жизни, и в художественной прозе, являются встречи И. Яковлева с чувашскими крестьянами. У него было замечательное свойство: «умение слушать» простой народ, что помогало ему правильно решать выдвигаемые жизнью проблемы.

Судьба И. Яковлева – важнейшая тема чувашской драматургии. В ней находят свое отражение законы развития реалистического искусства, которое ставит задачи исследования и анализа сложнейших явлений современной жизни, ее глубинных процессов. Образ Яковлева, созданный чувашской драматургией, призывает нас к просвещению, целеустремленности, мужеству и человечности. Известный чувашский драматург И. Максимов-Кошкинский с уважением и любовью изображает Ивана Яковлева в исторической драме «Тăвăл хыççăн тăвăл» (Буря за бурей, 1954). Здесь Яковлев показан в связи с жизнеописанием классика чувашской литературы К.В. Иванова. Автор несколько раз перерабатывал произведение. Первоначально оно было опубликовано под названием «К.В. Иванов», и каждый раз он вносил изменения в трактовку образа И.Я. Яковлева и в характер его взаимоотношений между педагогом и поэтом. В начальном варианте по традициям литературы 20-30-х гг. драматург противопоставлял И. Яковлева К. Иванову, более ярко выделяя отрицательные черты личности просветителя. Драматург таким образом хотел лучше раскрыть трагизм судьбы великого поэта К. Иванова и других талантливых чувашей.

В следующем издании драмы (1963) автор меняет свои взгляды, и в варианте, принятом Чувашским академическим театром к

постановке в 1968 г. в честь 100-летия Симбирской чувашской школы и 120-летия со дня рождения великого просветителя чувашского народа И.Я. Яковлева, он изображен не противником, а поборником чувашской культуры. Еще в 60-х гг. благодаря многогранному и в то же время глубокому изучению жизни и деятельности И. Яковлева были полностью опровергнуты разные измышления чувашских деятелей об отрицательной роли его в национальном развитии и культурном росте чувашской нации.

В художественном отражении деятельность просветителя как личности показана драматургом в стиле традиций С.В. Эльгера. Несмотря на то, что в эпическом произведении С. Эльгера как такового образа И. Яковлева не было, о нем говорилось только эпизодически, в диалогах персонажей – в драме образ Яковлева выступает одним из главных действующих лиц, и этому образу-персонажу уделено место во всех действиях. Драматург ставит перед собой задачу точной и широкой характеристики образа И. Яковлева. Для этого И. Максимов-Кошкинский использовал архивные документы, мемуарные материалы и даже свои воспоминания о Симбирской чувашской школе. В драме выписано множество правдивых сцен, взятых из жизни И. Яковлева и К. Иванова. Перед читателем педагог предстает патриотом своего дела, восхищающийся ростом чувашской культуры, литературы, искусства. К примеру, читая вторую главу поэмы «Нарспи», И. Яковлев радуется возможностям чувашского языка. Он всячески поддерживает и способствует развитию литературы на родном языке, осуществляя, таким образом, свои главные цели просвещения чувашей через художественную литературу.

И.С. Максимов-Кошкинский изображает просветителя многогранно: это видно и в сцене размышлений И. Яковлева по поводу исключения из школы учеников в 1907 г. Он жалеет их, они ему дороги в деле будущего просвещения народа; это же видно, когда возник вопрос о закрытии Симбирской чувашской школы. Чтобы предотвратить это, он осуществляет перевод Нового и Ветхого Завета (Библии) и преподносит царю-императору, чтобы завоевать его благосклонность к школе.

Не все поступки И. Яковлева, показанные в драме, документально подтверждены, но читателю хочется верить, что было именно так. Как показано в пьесе, инспектор чувашской школы, несмотря на свою монархическую настроенность, допускает в

свою школу революционно-демократически настроенных людей и полемизирует с ними по жизненно важным вопросам о просвещении, культурном подъеме народных масс и т.д. В этих сценах особенно ярко раскрываются эрудированность и дальновидность взглядов чувашского просветителя. Он выступает в драме за национальное равноправие народов, просвещение женщин. Многие его рассуждения близки к идеям французских просветителей XVIII в. Из этого следует, что драматург, лично знавший И. Яковлева по Симбирской чувашской школе, сумел разнопланово и многопланово раскрыть образ своего педагога-просветителя без искажений.

Автор с любовью описывает думы, мечты и чаяния чувашского просветителя. Первое знакомство с И. Яковлевым происходит, когда он знакомится с поэмой «Нарспи». Патриарх от души радуется, что на чувашском языке можно написать такое. Он – уважаемый крестьянами учитель, к которому со всевозможными вопросами обращаются сельчане, именно он выступает их заступником. Он и не без хитрости. «Врага нужно посадить на его же телегу», – говорит он.

Ему приходилось прибегать к хитрости в первую очередь ради сохранения своей школы. В драме показано, как его ученики боятся, слушаются и подчиняются его словам, в то же время и уважают его. Учитель все свои силы и умения готов приложить к тому, чтобы сохранить школу и дать возможность развиваться талантам. В драме И. Яковлев показан немногословным, но каждое его слово имеет определенный вес. Он разговаривает на одном языке с народом. Ирония, предсказания – вот те приемы, которыми наделяет автор речь просветителя. Основной колорит произведения – противостояние старой и новой жизни. Несмотря на многочисленные коллизии, И. Яковлев смог уберечь Симбирскую чувашскую школу. Он мягкосердечный, знает нужды крестьян, всегда готов идти им навстречу. Настойчив в достижении своих целей. Ни шагу не отступит и, если понадобится, применит все свое умение и возможности, чтобы его школа осталась в целостности и невредимости. Педагог очень любит своих учащихся. Он ругает их, но не со злостью. Стремится к тому, чтобы они осознали свои ошибки и неправоту. Главный герой драмы – К. Иванов, поэтому мы мало видим непосредственно И.Я. Яковлева. Для автора было важно показать главную

цель патриарха – сохранение Симбирской чувашской школы. И. Максимов-Кошкинский изображает педагога-просветителя несколько не идеализируя, во всей противоречивости характера. И это ему удалось.

В чувашской драматургии яковлевиана особенно удачно была разработана известным писателем Н. Терентьевым. Созданная им диалогия, включающая пьесы «Хумсем ҫырана ҫапаҫҫё» (Волны бьют о берег) и «Ҫиҫём хыҫҫән аслати» (После молнии – гром), занимает особое место. В ней глубоко раскрывается образ И.Я. Яковлева, показывается его многолетняя дружба с Ульяновыми. Эта дружба, начавшаяся с совместной работы в Симбирске, не прекращалась и позже, о чем свидетельствует переписка между представителями двух семейств.

Выше говорилось, что в чувашской драматургии и ранее были попытки запечатлеть образ И. Яковлева, в их числе пьесы И. Максимова-Кошкинского «Константин Иванов», «Черная судьбина» Я. Ухсяя, «Симбирские колокола» М. Ухсяя и некоторые другие. Критики упрекали авторов в фактических неточностях биографического характера, а трагедия Я. Ухсяя подверглась критике за изображение И. Яковлева как душителя таланта К. Иванова, посадившего его за перевод евангельских текстов и якобы загубившего здоровье поэта.

Своеобразие пьес Н. Терентьева заключается в том, что он учел вышеуказанные недостатки при трактовке образа просветителя. И удачное изображение им характера чувашского учителя заключается в том, что он принял во внимание то обстоятельство, что в последнее время в исторической науке существенно изменилось отношение к деятельности педагога. Его перестали считать «реакционером» и «охранителем царского самодержавия». Это позволило драматургу свободно распоряжаться имеющимся историческим материалом.

В драме «Волны бьют о берег» И. Яковлев показан как крупный представитель педагогической мысли и народного просвещения России, стоящий на уровне известных европейских деятелей этого направления, хорошо знакомый с трудами представителей западноевропейского Просвещения XVIII в., сочувствующий их идеям, интересующийся статьями русских революционеров-демократов Н.А. Добролюбова, Н.И. Писарева. Чувашский просветитель показан как неутомимый и убежденный

борец за облегчение тяжелого положения своих сородичей, не боящийся, когда надо, отстаивать их права и интересы перед самыми высокими инстанциями, способный при необходимости дать гневный отпор всем тем, кто унижал и презирал чувашей, не считая их достойными лучшей участи. Яковлев предстает в пьесе не статичной фигурой, он весь в движении, он показан как человек, преодолевающий на своем жизненном пути одну преграду за другой. В сценах, где Яковлев сталкивается с различными проявлениями репрессий царизма – с угрозами отцов церкви, самого министра народного просвещения, с непониманием его дела обрусевшими чувашами Ураевым и другими, – он предстает как крупная историческая личность, движимая благородными целями, как крепкий и стойкий защитник собственных идеалов, убежденный в исторической правоте своего дела. В итоге образ патриарха получился более удачным и многогранным, чем у предшественников-драматургов. Это признает и критик В.А. Долгов в статье «Историческая правда в драме “Волны бьют о берег”». Он пишет, что автор драмы изобразил И. Яковлева, а также И.Н. Ульянова, молодого В. Ульянова, Н.М. Охотникова реалистично и достоверно. Все они показаны как люди высоких гражданских и нравственных убеждений, им свойственно единство слова и дела. Это натуры цельные и негибнущие под жизненными невзгодами, словно выкованные из самого прочного материала. Поэтому зритель верит им и видит в них настоящий пример для подражания» [Долгов, 1980. С. 73].

Образ И. Яковлева присутствует и во второй части дилогии в драме «После молнии – гром». Здесь он показан в период Октябрьской революции, Гражданской войны и установления советской власти в Поволжье. Пьеса представляет собой произведение сложное и многоплановое, в ней представлены не только просветитель и его ближайшее окружение, но и множество других людей, разбуженных революцией и сдвинутых с постоянного места начавшейся Гражданской войной. В пьесе показано, как с течением времени все отчетливее проявляется политическое размежевание людей, становившихся на ту или иную сторону. Эта линия разделяет и бывших учеников Яковлева: на одной стороне Алюнов, Фролов, Рекеев, на другой – Космовский, Кривов, Герасимов, Ишмуратов, сам Яковлев. Рисуя представителей двух борющихся лагерей, драматург каждого из персона-

жей наделяет свойственными им индивидуальными чертами. В результате возникает довольно пестрая, на первый взгляд хаотичная, картина лиц и характеров. Но драматург последовательно и тонко использует драматургический принцип самораскрытия персонажей, и в ходе развития действия полностью выявляется, кто есть кто. Автор не идеализирует и самого Яковлева. Он не лишен определенных противоречий и сомнений, но в дальнейшем, видя, что большевики стоят за народ, решительно становится на сторону новой власти и всячески поддерживает ее, к чему призывает и всех чувашей.

В анализируемой пьесе драматург словно испытывает на прочность и крепость убеждения героя, его веру в правоту того дела, которому была посвящена вся предыдущая деятельность. И. Яковлев с честью выдерживает эту проверку, еще более укрепляется в мысли, что только вместе с народом он доведет давно начатое дело до конца – до того времени, когда просвещенный народ выдвинет из своей среды немало высокообразованных деятелей национальной культуры.

Создание достоверного, сложного и художественно убедительного образа И. Яковлева – несомненная заслуга драматурга Н.Т. Терентьева. В названных пьесах не менее правдив художественный образ В.И. Ленина, в первой – молодого В. Ульянова, во второй – председателя первого в мире рабоче-крестьянского правительства. Здесь он изображен как государственный деятель, проявляющий исключительную заботу о судьбе чувашского просветителя, забывающий о нем среди множества неотложных дел.

Герои Н. Терентьева – это носители высоких идеалов. Проблемы, поднимаемые в его пьесах, будь то нравственные или социально-экономические, значительны и злободневны. Судьбы героев его пьес не оставляют равнодушными ни зрителей, ни читателей.

При анализе произведений Н. Терентьева нельзя обойти проблему положительного героя, которая глубоко связана с эстетическим идеалом автора. Идейный замысел и воплощение этого замысла в действиях и поступках, мыслях и чувствах героев – процесс, при котором автор стремится максимально выразить свое отношение к героям, свое понимание красоты, идеала. Жизнь, окружающая действительность, дает богатый материал

для выражения идеала. Таким образом, в творчестве Н. Терентьева обнаруживается тройственная связь: идеал – действительность – герой. «Писатель всегда стремится воплотить в своем герое лучшие черты характера человека своего времени – то, что его волнует и радует в окружающих людях. Но художник должен видеть жизнь в перспективе, писать с заявкой на будущее. В противном случае произведения его вскоре потеряют свою актуальность, а герои не выдержат испытания временем. В этом смысле персонажи Н. Терентьева оказались жизнеспособными, многие из них по сей день кажутся вполне современными», – считает чувашский литературовед А.В. Васильев [Васильев, 1983. С. 96].

В развитии национального сценического искусства в середине XX в. неопределимую роль сыграла театральная этика главного режиссера Чувашского академического театра им. К.В. Иванова. В искусстве театра он видел неограниченные возможности для выражения идеала времени, проявления высоких гражданских чувств. С высоким требованием подходил он и к творчеству драматургов. Ощущая огромные перемены, происходившие в общественной жизни страны, он ждал и требовал от драматургов смелых художественных решений, считал, что пьесу нужно строить по крупным событиям, что идея утверждается только в конфликте, и мечтал о пьесах масштабных, насыщенных современными, отражающими мужественную борьбу, красоту и величие сегодняшнего общества.

Одной из первых значительных творческих побед на пути поисков стал спектакль академического театра «Волны бьют о берег» (1970) по пьесе Н. Терентьева. Спектакль прожил долгую сценическую жизнь, театр воскрешал дорогие чувашскому народу страницы его истории, связанные с именем И.Н. Ульянова, его семьи и известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Театр рассказал о жизненном и гражданском подвиге Яковлева, который в труднейших условиях царского режима и религиозного мракобесия при активной поддержке И.Н. Ульянова возглавил общественное движение за просвещение народа. Жесткую борьбу за сохранение первой и единственной Центральной чувашской учительской школы, за право нести людям «разумное, доброе, вечное» ведет герой пьесы. И театр, значительно расширив привычные границы сценических прие-

мов, создал спектакль идейно убеждающей силы и огромного эмоционального содержания. Его создатели стремились выразить философскую основу произведения как извечное столкновение света и мрака, прославление разума, воли, красоты человека. От сцены к сцене, со все возрастающим напряжением раскрывается борьба умов, идей. Здесь нет привычных по прежним спектаклям интерьеров комнат. Все подчинялось главному – образной передаче атмосферы, тревоги, борьбы, беспокойства героев за судьбу целого народа.

«Образно переданный художником мотив вольнолюбия, протеста против существующих в России условий жизни, порыва к свету точно соответствует духу пьесы, который и стремился выразить режиссер», – писал тогда о спектакле журнал «Театр» [Данилов, 1972. С. 52-53].

Спектакль был и новой творческой победой актерского исполнительского искусства. Исполнители главных ролей В. Родионов (И.Я. Яковлев), Г. Терентьев (И.Н. Ульянов) и другие актеры были предельно логичны, за каждым сценическим событием раскрывалась огромная жизнь их героев, глубокие раздумья, драматичность переживаний. Они не отказались от традиционной для театра формы психологического, достоверного искусства, от стремления к жизненно правдивому раскрытию образа. В исполнении В. Родионова и Г. Терентьева ощущалось главное – огромная энергия мысли И. Яковлева и И. Ульянова, их душевный мир и страстные поиски путей борьбы. Актеры словно раздвигали рамки спектакля, и зрители могли как бы дорисовать картину того, с чем приходилось встречаться их героям: тысячи бедных чувашских деревень, сотни тысяч забытых нуждой крестьян [Там же. С. 51].

Возвращаясь к спектаклю «Волны бьют о берег», следует отметить некоторые творческие работы актеров. Так, удивительно дополняя друг друга, исполнители ролей старика Трахвина (Б. Алексеев) и девушки Улине (Н. Григорьева) создали типы образов дореволюционного чувашского народа – народа робкого, скромного, тихого, но в котором жива душа, разум, мечта о прекрасном, светлом. Драма Н. Терентьева и ее постановка стали заметным творческим достижением драматурга и постановщиков. Например, драматург был удостоен Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова, режиссер Л. Родионов,

актеры В. Родионов, Н. Григорьев, Г. Терентьев – премии РСФСР К.С. Станиславского.

Творческая работа всего постановочного коллектива спектакля «Волны бьют о берег» была подчинена образному раскрытию идеи произведения, что придало спектаклю силу огромного обобщения. В продолжение этой темы Чувашский академический театр поставил новую пьесу Н. Терентьева «Ҫиҫӗм хыҫҫӑн аслати» (После молнии – гром, 1978), посвященную историческим событиям 1917-1918 гг., связанным с именами В.И. Ленина, Я.М. Свердлова, Н.К. Крупской, И.Я. Яковлева, чувашских революционеров И. Космовского, М. Булочникова. Режиссер спектакля В. Яковлев и художник В. Мазанов довольно успешно воскресили славные страницы истории народа и государства. В нем нашли гармоничное сочетание размышления автора о судьбах народа в целом и отдельных людей в частности, о масштабности, грандиозности революционных событий в переломный момент истории государства.

И.Я. Яковлев показан в драме как способный и талантливый человек. Он претерпевает немало гонений, но, будучи сильным духом, не ломается. Реальные события, участником которых был И. Яковлев, повышают историческую достоверность описываемых фактов, делают убедительным реализм образа педагога-просветителя.

Таким образом, сюжет и композиция драмы построены на реально происходивших событиях. Историческая подлинность раскрывается средствами художественной литературы, вымысла, фантазии на основе достоверных фактов.

Патриарх показан как выразитель духовных и нравственных устремлений чувашского народа. Драматург часто обращается к документам, воспоминаниям и в меру использует их в тексте. Вот диалог между Яковлевым и Рекеевым. Яковлев спрашивает у ученика: «Ты слышал про Эльменя?» – Тут же И. Яковлев отвечает и дает ему характеристику: «Много в 1907 году из школы выгнанных эльменей в данное время сидит в Москве, чувашскому народу показывает просветительский путь. Неучи!» [Терентьев, 1978. С. 26].

В трудные моменты И. Яковлев мог так отзываться, но все же это не говорит и не свидетельствует об оценке им новой власти. В связи с юбилеем Симбирской школы, самого И. Яковлева

Эльмень посылал к чувашскому просветителю поздравительные телеграммы. И сам просветитель делал ответные поздравления. «Все эти моменты в истории и остались известными и при написании нужно еще раз напоминать и использовать их» [Иванов, 1980. С. 100].

Таким образом, И. Яковлев в произведениях Н. Терентьева показывается вобравшим в себя два начала – разума и воли, сознания и действия.

К образу великого просветителя обращаются и молодые драматурги. Н. Сидоров опубликовал драму «Чёмпёр куçсулё» (Слеза Симбирска). Драматург строит конфликт между сторонниками старого уклада и интеллигенции, зарождавшейся в стенах Симбирской чувашской школы. С. Деревницкий обвиняет дирекцию за мягкотелость и расхлябанность в дисциплине. Второй план конфликта – между учащимися и учителями школы. Учащиеся неадекватно воспринимают заботу директора школы. Они обвиняют его, обзывают царским чиновником. Это течение возглавляет Данил Семенов. Оказывается, великого просветителя не жалеют и его любимые ученики. Тем не менее И. Яковлев всегда идет на защиту их интересов. В его разговорах чувствуется, что он любит своих питомцев, старается поддерживать их стремление. В драме он предстает как любящий своих учеников, готовый идти на всяческие лишения за их устремления. И. Яковлева вдохновляет то, что он может оказываться во главе течения, которое дает начало чувашской культуре.

В 1998 г. А. Кибеч опубликовал пьесу «Улăп» (Богатырь). Нетрудно заметить, что многие писатели изображают И. Яковлева такими аллегорическими сравнениями, как «богатырь», «патриарх». Писатель показывает жизнедеятельность учителя, начиная с юных лет. Просветитель борется с системой, с темными силами власти. Цель И. Яковлева – напомнить своим ученикам о том, что они сыновья чувашского народа. Об этом Яковлев говорит убедительно: «Все зависит от человека, на каком уровне он стоит, никаким языком он не выскажет своей доброй мысли. В то же время, когда у человека, несмотря на его бедность и темноту, появится потребность высказать свою мысль, он найдет форму выражения этой мысли» [Кибеч, 1998. С. 7].

А. Кибеч показывает, что И. Яковлев использует в своей речи элементы фольклора: «Чем человека журить, лучше его хва-

лить», «Чем без дела сидеть, лучше подол шубы тереть», «Век живи, век учись», «Не начинай, пока сам не научишься». В драме показано, с какими тяжелыми мыслями директор школы покидает родину. Основная идея драмы заключается в том, что вся жизнь И. Яковлева – подвиг.

Опыт художественного воссоздания образа И.Я. Яковлева в чувашской литературе позволяет отчетливо выявить основные тенденции этого процесса.

Наибольшая реалистичность в отношении прототипа И. Яковлева и его образа в художественной литературе наблюдается во II половине XX в. Доступность архивных документов и мемуарных сведений помогла авторам показать образ патриарха исторически правдоподобно. Современные литераторы обратились к образу И. Яковлева и деятельности его школы. Н. Сидоров, А. Кибеч и другие создали свои произведения во многом исходя из перерабатываемых сведений, почерпнутых из предыдущих произведений (Т. Педэрки, Ф. Андреев, А. Артемьев и др.).

Каждое время выдвигает своих авторов. Поднятые волной демократизма авторы стремятся внести в яковлевиану что-то свое. Думается, что Н. Сидоров, стремясь показать конфликт между старым и новым, не учел того обстоятельства, что реальный человек не входит в рамки писателя-выдумщика.

Развернутые размышления автора о роли И. Яковлева в истории чувашского народа свойственны творчеству М. Юхмы. Реального человека И. Яковлева он не знал и писал его не с натуры, а создавал свое представление о нем на основе официальных документов и исторических трудов, мемуаров, писем современников, воспоминаний о нем. Сопоставляя некоторые аспекты образа И. Яковлева с теми текстами, которыми пользовался М. Юхма, можно понять, что он отбирал наиболее важные, наиболее существенные и характерные свидетельства, переосмысливал их, стремясь постигнуть психологическую суть поступков просветителя.

Очень часто читатель перевоплощается в И. Яковлева и переживает события его жизни. Это позволяет сказать, что в образе патриарха из тетралогии «Бессмертие» больше самого М. Юхмы, нежели И. Яковлева. Писатель достоверен в передаче событий, точен в воссоздании подробных бытовых сцен. Автор обладает способностью вглядываться во внутренний мир героя

не только глазами художника, но и строгим знанием предмета и объекта описания. В итоге Яковлев в его произведениях предстанет перед читателем как живой, достоверный образ со всеми противоречиями, возникающими в повседневной жизни.

Как видно из анализа, вершина яковлевианы новейшего времени принадлежит народному писателю Чувашии А.С. Артемьеву. Основываясь на мемуарных данных, архивных документах, воспоминаниях современников и воспитанников И. Яковлева, он создал дилогию, где сумел раскрыть всю глубину и органичность связи патриарха с жизнью простых людей и его внутреннюю близость к народу. Роман «Перед бурей» является лучшим и ярким произведением о жизни и деятельности И.Я. Яковлева и его школы.

В драматургии наибольшего успеха в изображении жизни и творчества великого просветителя достиг народный писатель Чувашии Н.Т. Терентьев. Доскональное изучение доступных исторических документов позволило ему создать образ И. Яковлева наиболее достоверно.

Контрольные вопросы и задания

1. Раскройте специфику и своеобразие отображения И. Яковлева в жанровой поэзии.
2. Объясните причину пересмотра чувашских писателей своих взглядов на изображение образа просветителя.
3. Как вы думаете, кто из чувашских мастеров слова в лирике, эпике, драме достиг вершины в яковлевиане? Докажите.
4. Как и какими приемами раскрывает А. Артемьев в романе «Перед бурей» образ просветителя?
5. Примерами из чувашской литературы докажите, что просветительская деятельность И. Яковлева оказала огромное влияние на развитие национальной культуры.

Заключение

Затронутая в учебном пособии проблема имеет различные аспекты. Чувашская литература предлагает исследователю широкий круг вопросов, связанных с осмыслением и отражением личности, запечатленной в художественном произведении. Исследования показывают, что вопрос о национальном характере и национальном развитии волновал многих художников слова. Художественная литература не просто фиксировала многообразие жизненных коллизий в переходную историческую эпоху, но и вносила вклад в процесс национального самопознания, активно участвовала в воспитании личности. В частности, объяснить такое внимание в чувашской литературе к образу из народа, национальной личности, начинающей свое историческое место в жизни и свою ответственность за судьбы людей и государства имеет весьма актуальный социально-философский смысл.

В чувашском литературоведении и в художественной литературе, начиная с середины 20-х гг. XX в., художественное осмысление образа И.Яковлева представлено недостаточно и несколько упрощенно. Дело даже не в том, что духовно богатая, нравственно развитая личность «не вписалась» в изображенном авторами, а в том, с каких позиций изображают они своих героев. Отсюда ясно, что в общем движении художественной словесности эти отдельные расхождения постепенно преодолевались, в спорах и противоречиях рождалось новое отношение к образу. Главную их направленность можно определить как стремление к более полному, психологически развернутому исследованию личности-образа в сопоставлении с теми характеристиками, которые были сформированы и запечатлены в художественной литературе рубежа веков.

Впоследствии, как показывает изучение материала, многие писатели, обращаясь к образу патриарха, искали свои пути и способы художественного воплощения единства сознания и воли. Это еще раз подтверждает необходимость самого непосред-

ственного соотношения яковлевской темы, в широком ее понимании, с процессом художественного осмысления.

Чувашская литература II половины XX в. наиболее объективно освещает жизнь и деятельность великого просветителя чувашского народа. Более расширенное привлечение исторических, мемуарных, биографических материалов позволяет авторам показать чувашского просветителя живо, правдоподобно.

Проблема прототипа и его образов в художественной литературе мало разработана в чувашском литературоведении в аспекте соответствия его принципу историзма. Поднятые нами вопросы требуют дальнейшей, более основательной разработки, они являются лишь малой частицей раскрытия отражения образа И.Я. Яковлева в чувашской художественной литературе. Следует отметить, что при всем многообразии индивидуальных художественных поисков основным направлением оказалось русло реализма, вобравшее в себя и романтическое начало. Образ Яковлева в чувашской литературе стал ориентиром в творческом освоении.

В книге новой действительности вопрос о «нравственном составе» личности неслучайно занял одно из самых важных мест. Создав Симбирскую чувашскую учительскую школу, И. Яковлев определил путь решения вопроса о массовом подъеме культуры и просвещения чувашского народа. В 70-е гг. XX в. в чувашской литературе отмечается обращение писателей к образу И. Яковлева, более подробное изображение его жизни и творчества.

Создание образа великого сына чувашского народа в художественной литературе является задачей исключительной сложности и ответственности. Необходимо иметь в виду, что для каждого писателя это своего рода экзамен на творческую зрелость. Тем не менее в художественной литературе: и в лирике, и в эпосе, и в драматургии – создана богатая яковлевиана. Писатели стремились изображать великого педагога-просветителя как гения, патриарха чувашского народа со всеми присущими ему человеческими недостатками и противоречивыми моментами характера.

Понятно, что никакие стандарты в решении этой творческой проблемы неуместны, потому что каждый художник слова имеет свое, индивидуальное видение И.Я. Яковлева и раскрывает его образ в меру своего понимания, своего мировоззрения и таланта. Видение чувашского Улыпа, гения и патриарха в единстве его

величия и простоты – залог творческого успеха, правдивости и глубины изображения. Писатели стараются многосторонне показать И. Яковлева как признанного организатора и руководителя Симбирской чувашской школы, инспектора всех чувашских школ. При этом мастера слова не пытаются прибегать к искусственным средствам «оживления», а жизненная полноценность и достоверность образа Яковлева достигается другим, прежде всего, путем создания плотной, реалистически выписанной бытовой обстановки, в которой он живет и действует.

Проблема художественного отображения жизни и деятельности таких исторических личностей, как великий просветитель-педагог И.Я. Яковлев, требует в первую очередь ее теоретического осмысления. Творчество писателя, имеющего дело с прототипом просветителя чувашского народа, следует сравнивать прежде всего с портретной живописью. Создание же литературного портрета требует особой формы организации внутреннего мира художественного произведения.

Прототип героя в литературе является категорией динамической и развивающейся, т.е. его нельзя оценить как застывший и вечный образ. Он требует особой формы построения внутреннего пространства произведения. Существенное значение для художественного изображения образа имеют документы, дневники, воспоминания различных исторических лиц, свидетельства исторических деятелей и т.д.

Разные писатели выражают свое неповторимое отношение к проблеме прототипа. Все это дает основание сказать, что прототип как развивающаяся категория тесно связан с творческой индивидуальностью художника слова.

Взаимодействие прототипа и образа – явление весьма неоднородное и очень объемное. Оно объединяет в себе такие стороны, как творческая деятельность исторического лица, описание его портрета, раскрытие характера отношения автора к изображаемым событиям и т.д. Проблема прототипа тесно взаимосвязана с особенностями жанрового своеобразия художественного произведения.

Анализ литературы первых десятилетий яковлевианы показывает, что в большинстве случаев образ И. Яковлева отражается объективно, в то же время в 20–40-х гг. XX в. по ряду идеологических и субъективных причин наблюдается негативное изобра-

жение. Это объясняется политикой, которая главенствовала в высших инстанциях власти, когда была чрезмерно сильная боязнь сепаратизма. В этот период писатели начинают показывать дела просветителя чувашского народа отрицательно, односторонне, в духе узких классовых позиций и воинствующего атеизма.

Литература I половины XX в. заложила весьма плодотворные и ценные традиции в становлении художественной биографии не только И. Яковлева, но и жанра художественной биографии в национальной литературе вообще.

Чувашская литература в отношении прототипа И. Яковлева и его образа во II половине XX в. наиболее реалистично и объективно освещает жизнь и деятельность патриарха за счет привлечения архивных документов, мемуарных сведений, биографических материалов, воспоминаний воспитанников педагога и т.д.

Список рекомендуемой литературы

I. Литература по общим вопросам теории литературы и эстетики

1. Андроникова, 1974 – Андроникова М.И. От прототипа к образу: К проблеме портрета в литературе и в кино. – М.: Наука, 1974. – 262 с.
2. Бахтин, 1975 – Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Бахтин, 1979 – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Сб. избр. тр. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Бахтин, 1986 – Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 542 с.
5. Воробьева, 1978 – Воробьева Н.Н. Принцип историзма в изображении характера. – М.: Наука, 1978. – 264 с.
6. Гинзбург, 1971 – Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 224 с.
7. Голсуорси, 1962 – Голсуорси Дж. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 16. – М.: 1962. – 511 с.
8. Горький, 1953 – Горький А.М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. – М.: Гослитиздат, 1953. – 576 с.
9. Горький, 1953 – Горький А.М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. – М.: Гослитиздат, 1953. – 464 с.
10. Добин, 1981 – Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство деталей. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 431 с.
11. Зись, 1975 – Зись А.Я. Искусство и эстетика. – М.: Искусство, 1975. – 180 с.
12. Кожин, 1990 – Кожин В.В. Статьи о современной литературе. – М.: Сов. Россия, 1990. – 544 с.
13. Левидов, 1983 – Левидов А.М. Автор – образ – читатель. 2-е изд., доп. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 350 с.
14. ЛЭС, 1987 – Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
15. Новиков, 1971 – Новиков В.В. Художественная правда и диалектика творчества. – М.: Сов. писатель, 1971. – 400 с.

16. Потехня, 1976 – Потехня А.А. Эстетика и поэтика: Сборник. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
17. Пути, 1980 – Пути анализа литературного произведения / Под ред. Б.Ф. Егорова. – М.: Просвещение, 1980. – 222 с.
18. Сучков, 1973 – Сучков Б.Л. Историческая судьба реализма. – М.: Сов. писатель, 1973. – 503 с.
19. Толстой, 1983 – Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. Неопубликованные материалы: 1902-1940 гг. – М.: Гослитиздат, 1983. – 505 с.
20. Хализев, 1999 – Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 1999. – 398 с.
21. Храпченко, 1985 – Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Сов. писатель, 1983. – 346 с.
22. Храпченко, 1986 – Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. – М.: Худож. лит., 1986. – 439 с.
23. Храпченко, 1977 – Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. 4-е изд. – М.: Худож. лит., 1977. – 446 с.

II. Критические статьи и литературоведческие работы по вопросам национальных литератур и яковлеведению. Мемуары и воспоминания

24. Абрамов, 1998 – Абрамов В.А. Сила слова и образа: Исследования и статьи на литературную тему. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. – 112 с.
25. Актуальные, 1983 – Актуальные проблемы чувашской литературы: Сб. ст. НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР – Чебоксары, 1983. – 179 с.
26. Александров, 1992 – Александров Г.А. Иван Яковлевич Яковлев в 1917-1920 годы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 91 с.
27. Александров, 1993 – Александров Г.А. Мнение священника о просветителе Яковлеве: [Протоиерей Д.Ф. Филимонов об И.Я. Яковлеве] // Чăваш ен. – 1993. – 26 июня – 3 июля (№ 26). – С. 12.
28. Алексеев, 1986 – Алексеев А.А. Электăран сырса илнĕ // Ялав. – 1986. – № 10. – С. 24.
29. Андреев, 1998 – Андреев Ф. Творческое мышление зовет в страну прекрасного // Канаш. – 1998. – Ноябрь. (№ 46). – С. 6.

30. Арсентьев, 1968 – Арсентьев И. Чăваш просветителĕшĕн // Тăван Атăл. – 1968. – № 4. – С. 82-84.
31. Артемьев, 1984 – Артемьев А.С. Пурнăç чăнлăхĕпе писатель ħсталăхĕ: Статъясемпе рецензисем. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. – 248 с.
32. Артемьев, 1977 – Артемьев Ю.М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. – 158 с.
33. Артемьев, 2003 – Артемьев Ю.М. Страсть к полемике: Статьи, рецензии. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 194 с.
34. Артемьев – Артемьев Ю.М. Чувашская литература на рубеже двух веков. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1996. – 296 с.
35. Василевский – Василевский В. Образ Яковлева – яркий, титанический [Предисл.] // М.Н. Юхма Наследие: Роман. – Чебоксары, 1999. – С. 3-8.
36. Васильев, 1983 – Васильев А.В. Становление и развитие жанров в дореволюционной чувашской литературе XVIII-XIX вв. // Чувашская литература: Тенденции развития, стилевые поиски: Сб. ст. – Чебоксары, 1983. – С. 3-29.
37. Васильев, 1974 – Васильев А.В. Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чуваш. яз., лит. и фольклор. Вып. 4. – Чебоксары, 1974. – С. 296-326.
38. Владимиров, 1979 – Владимиров Е.В. В русле времени. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 232 с.
39. Владимиров, 1975 – Владимиров Е.В. Межнациональные связи чувашской литературы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 166 с.
40. Владимиров, 1982 – Владимиров Е.В. Обретение традиций. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 212 с.
41. Владимиров, 1965 – Владимиров Е.В. Чувашская проза послевоенных лет (1945-1953 гг.): Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 28. – Чебоксары, 1965. – С. 179-193.
42. Волков, 1961 – Волков Г.Н. И.Я. Яковлев о театре // Театр. – 1961. – № 7. – С. 151-158.
43. Данилов, 1972 – Данилов Г.Д. В Чувашском академическом... // Театр. – 1972. – № 9. – С. 52-53.
44. Дедушкин, 1983 – Дедушкин Н.С. Героика былых дней: О романе А. Артемьева «Перед бурей» // Сов. Чувашия. – 1983. – Февр. (№ 40). – С. 3.
45. Дедушкин, 1990 – Дедушкин Н.С. Унăн пурнăç кĕнеки // Тăван Атăл. – 1990. – № 4. – С. 20-21.
46. Долгов, 1963 – Долгов В.А. Образ чувашской литературы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 403 с.

47. Долгов, 1955 – Долгов В.А. Поэма о доме в Горках – Ленинских // Сов. Чувашия. – 1955. – Дек. (№ 11). – С. 3.
48. Долгов, 1973 – Долгов В.А. Ҫамрăк Ленин пырса ҫўренё ҫурт // Ялав. – 1973. – № 4. – С. 27-29.
49. Иванов, 1980 – Иванов А., Золотов П., Иварбаев В. «Чёмпёр ҫути» повесть пирки // Тăван Атăл. – 1980. – № 3. – С. 54-55.
50. Иванов, 1980 – Иванов И.И. Кашни кёнекен хайён шăпи: Критикалла статьясем. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1980. – 152 с.
51. Иванов, 1975 – Иванов И.И. Литературные герои и их прототипы // Родная Волга. – 1975. – № 7. – С. 73-77.
52. Иванов, 1985 – Иванов И.И. Чăваш халăх писателё А.С.Артемов: Пурнăҫёпе пултарулахё. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1985. – 61 с.
53. Кузнецов, 1930 – Кузнецов И.Д. За марксистскую методологию литературы // Народное просвещение. – 1930. – № 7-8. – С. 43-45.
54. Кузнецов, 1930 – Кузнецов И. «Олимпи савăҫё» (Литература амăртуне килнё «Поэтпа миссионер» повеҫе «Сунтала» вулакан хаклани // Сунтал. – 1930. – № 9. – С. 22-23.
55. Кузнецов, 1930 – Кузнецов И.Д. Чăваш поэзийёнчи идеологи юхамё // Сунтал. – 1930. – № 1. – С. 16-18.
56. Кураков, 1997 – Кураков Л.П. И.Я. Яковлевăн пурнăҫ тёллевё // И.Я. Яковлев и Симбирская центральная чувашская школа. – Чебоксары, 1997. – С. 3-4.
57. Маркелов, 1959 – Маркелов И.А. Общественно-политические взгляды И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 59 с.
58. Муромцев, 1968 – Муромцев Н.В. Симбирская чувашская учительская школа. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968. – 32 с.
59. Николаева, 1998 – Николаева А.Н., Воронцова О.Г. К вопросу о литературном портрете И.Я. Яковлева // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 1998. – Апр.(№ 2). – С. 3.
60. Одюков, 1971 – Одюков И.И. Иван Яковлевич Яковлев: Фотоальбом / Одюков И.И., Богдяж Ю.И. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 134 с.
61. Одюков, 1969 – Одюков И.И. Образ И.Я. Яковлева в чувашской литературе // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 42. – Чебоксары, 1969. – С. 135-152.
62. Павлов, 1970 – Павлов Н.С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 146 с.
63. Рекеев, 1910 – Рекеев А. Шаг длиною в 25 лет // Православный вестник. – Казань, 1910. – С. 39-46.

64. Рекеев, 1893 – Рекеев А. Чувашская учительская школа в Симбирске и женские училища при ней // Православный благовестник. Кн. 8. – Казань, 1893. – 340 с.

65. Родионов, 2001 – Родионов В.Г. Игнатий Иванов: Творческий портрет. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 80 с.

66. Родионов, 2000 – Родионов В.Г. Творческая история произведений К.В. Иванова // Константин Иванов: Новые исследования. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. – 84 с.

67. Родионов, 1989 – Родионов В.Г. Поэт Дмитрий Юман // Чувашская литература: Вопросы стиля и поэтики / ЧНИИ. – Чебоксары, 1989. – С. 112-127.

68. Родионов, 2002 – Родионов В.Г. Чувашская литература (II половина XIX в.): Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 248 с.

69. Саламбек, 1959 – Саламбек И.Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш / Под ред. М.Я. Сироткина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 144 с.

70. Симбирский, 1906 – Симбирский вестник. – 1906. – № 168, 169. – НА ЧНИИ – Отд. II. – Т. 186. – С. 4.

71. Сироткин, 1968 – Сироткин М.Я. И.Я. Яковлевпа чăваш литератури // Ялав. – 1968. – № 11. – С. 23-26.

72. Сироткин, 1956 – Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. – 351 с.

73. Спиридонов, 1961 – Спиридонов С.С. Философские и социалистические воззрения чувашского просветителя И.Я. Яковлева. – М.: Наука, 1961. – 62 с.

74. Тенюшев, 1990 – Тенюшев И.Я. И.Я. Яковлев – публицист. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 142 с.

75. Трофимов, 2002 – Трофимов Л.Ю. А. Артемьев пулта-рулӑхӗнчи Чӗмпӗр чăваш шкулӗн ёҫе́пе И.Я. Яковлев сӑнарне хаклас ыйту // Чăваш филологийӗпе культури тата журналистики (ёнер, паян, ыран): Ђслӑлах конференцийӗн материалӗсем. – Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2002. – С. 92-94.

76. Трофимов, 2004 – Трофимов Л.Ю. К вопросу об образе И.Я. Яковлева в творчестве А.С. Терентьева // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. науч. ст. – Чебоксары, 2004. – С. 218-220.

77. Трофимов, 1998 – Трофимов Л.Ю. Чӗмпӗр чăваш шкулӗ чăваш литератури́нче сӑнланни // Школа государственной жизни, науки и приобщения к мировой цивилизации: Материалы конф., посвященные 130-летию Симбирской чувашской школы. – Чебоксары, 1998. – С. 167-170.

78. Трофимов, 2001 – Трофимов Л.Ю. Поэт шăпине татса панă // Тăван Атăл. – 2000. – № 4. – С. 66.

79. Трофимов, 1996 – Трофимов Л.Ю. Чăваш наци музейĕн материалĕсемпе литература урокĕсенче усă курасси // «Чăваш республикин чĕлхесем çинчен» калакан закона пурнăçлани тата чăваш чĕлхипе литературине вĕрентесси: Āслăлăхпа практика конференцийĕн доклачĕсем. – Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 1996. – С. 38.

80. Ухсай, 1998 – Ухсай Я. Симбирск: Отрывок из поэмы // Знамя. – 1998. – № 2. – С. 31-34.

81. УЗ, 1969 – Ученые записки НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров ЧАССР. Вып. 42. Посвящается 100-летию со времени открытия Симбирской чуваш. учит. шк. и 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. – Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ, 1969. – 184 с.

82. Федоров, 1996 – Федоров Г.И. Сăнарлă сăмах шыравĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1996. – 224 с.

83. Федоров, 1996 – Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950-1990-х годов: Монография / ЧГИГН. – Чебоксары, 1996. – 304 с.

84. Федоров, 2004 – Федоров Г.И. Чувашская литература (1945-1985 гг.): Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 516 с.

85. Хлебников, 1984 – Хлебников Г.Я. Метод и мастерство: Сб. ст. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 246 с.

86. Хлебников, 1990 – Хлебников Г.Я. Поэтика советской чувашской литературы. Ранний период (1917-1922): Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. – 92 с.

87. Хлебников, 1971 – Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 184 с.

88. Хлебников, 2001 – Хлебников Г.Я. Чувашская литературная классика и ее наследники. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 302 с.

89. Хлебников, 1966 – Хлебников Г.Я. Чувашский роман. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. – 212 с.

90. Чекушкин, 1989. – Чекушкин В.С. Поэма «Последний из болгар» // Чувашская литература: Вопросы стиля и поэтики / ЧНИИ. – Чебоксары, 1989. – С. 128-136.

91. Чувашская, 1989 – Чувашская дореволюционная литература (до XX века). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 302 с.

92. Чувашская, 1983 – Чувашская литература – тенденции развития, стилевые поиски: Сб. ст. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1983. – 192 с.

93. Эзенкин, 1989 – Эзенкин В.С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. (1956-1970): Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1989. – 80 с.
94. Эзенкин, 1992 – Эзенкин В.С. Теоретические основы чувашской литературной критики 1917-1970-х годов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 200 с.
95. Юмарт, 1992 – Юмарт Г.Ф. Тепёр хут кăлармалла марши? // Чăваш ен. – 1992. – Фев. (№ 8). – С. 8.
96. Яковлев, 1958 – Яковлев А.И. Иван Яковлевич Яковлев: 1848-1930 / Под ред. Ф.И. Петрова. 2-е изд. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. – 120 с.
97. Яковлев, 1968 – И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников / Подгот. текста и коммент. В.Я. Каниюкова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 150 с.
98. Яковлев, 1930 – И.Я. Яковлев. Некролог // Народное просвещение. – 1930. – № 11-12. – С. 55-57.
99. Яковлев, 2002 – Яковлев И.Я. Верьте в Россию и любите ее. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 304 с.
100. Яковлев 1982 – Яковлев И.Я. Воспоминания / Редкол.: Г.Н. Плечов и др. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 272 с.
101. Яковлев, 1983 – Яковлев И.Я. Воспоминания: 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. – 286 с.
102. Яковлев, 1986 – И.Я. Яковлев: Жизнь и деятельность просветителя чувашского народа в рисунках П. Сизова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 62 с.
103. Яковлев, 1971 – И.Я. Яковлев и его школа / ЧГПИ им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 1971. – 304 с.
104. Яковлев, 1989 – И.Я. Яковлев: Из переписки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 320 с.
105. Яковлев, 1997 – И.Я. Яковлев и Симбирская центральная чувашская школа – И.Я.Яковлев тата Чѣмпѣрти тѣп чăваш шкулѣ: материалы науч. конф. / Редкол.: Н.П. Петров, В.И. Сергеев, Н.Г. Краснов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. – 58 с.
106. Яковлев, 1993 – И.Я. Яковлев и просвещение народов Поволжья. – Ульяновск; Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – 339 с.
107. Яковлев, 1985 – Яковлев И.Я. Письма / Ин-т яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР; Предисл. Г.Н. Плечова, Н.Г. Краснова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 363 с.
108. Яковлев, 1993 – Яковлев Ю. Сплошная драма // Молодежный курьер. – 1993. – Сент. (№ 9). – С. 5.

III. Оригинальные тексты чувашской художественной литературы, освещающие жизнедеятельность И.Я. Яковлева

109. Алга, 1998 – Алга А. Мухтавлă Кушкă // «Хыпар» кёнеки. – 1998. – Апр. (№ 31). – С. 3.
110. Андреев, 1980 – Андреев Ф.А. Свет Симбирска. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 200 с.
111. Андреев, 1980 – Андреев Ф. Прощай, Симбирск // «Хыпар» кёнеки. – 1980. – Апр. (№ 84). – С. 4.
112. Артемьев, 1982 – Артемьев А.С. Перед бурей: Роман. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 400 с.
113. Артемьев, 1975 – Артемьев А.С. Перед бурей: Роман. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. – 272 с.
114. Артемьев, 1970 – Артемьев А.С. Увядавшие молодыми. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. – 1970. – 168 с.
115. Виръял, 1981 – Виръял Ю.П. (Петров). Чăваш прометейё // Коммунизм ялавё. – 1981. – Сент., 27(№ 181). – С. 3.
116. Воробьев, 1974 – Воробьев А.А. Сёве хёрринчи сурт // Йăмра: Поэмăсем. – Шупашкар: Чăваш кён. изд-ви, 1974. – С. 14-26.
117. Волков, 1998 – Волков Г.Н. Судьба патриарха: Роман-эссе. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1998. – 350 с.
118. Давыдов, 1998 – Давыдов В. Яковлева сума суса // «Хыпар» кёнеки. – 1998. – Апр. (№ 31). – С. 3.
119. Дмитриева, 1975 – Дмитриева М.Д. Детство: Повесть. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. – 192 с.
120. Ермилов, 1975 – Ермилов А.Ф. Говорит Симбирский камень: Поэмы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. – 40 с.
121. Ефимов, 1998 – Ефимов Г. Великий просветитель // Родная Волга. – 1998. – № 2. – С. 3.
122. Ефимов, 1998 – Ефимов Г. Улăп // Ялав. – 1998. – № 2. – С. 36.
123. Иванов, 1984 – Иванов И. Как я поехал в Казань учиться // Дореволюционная чувашская литература: В 2 т. Т.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – С. 144-147.
124. Иванов, – Иванов И. Сын чувашского народа // НА ЧНИИ. – Отд. IV. – Т. II. – С. 34.
125. Иванов, 1998 – Иванов К. Хальхи самана // «Хыпар» кёнеки. – 1998. – Апр. (№ 31). – С. 11.
126. Иванов, 1957 – Иванов К.В. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 458 с.
127. Кибеч, 1998 – Кибеч А. Улăп // Хыпар. – 1998. – Сент. (№ 36). – С. 7.

128. Павлов – Павлов Ф.П. Собрание сочинений: Поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 574 с.
129. Петров – Петров П.Т. Кушкă ачи. Иккёмёш кёнеке. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1976. – 248 с.
130. Петров – Петров П.Т. Мальчик из чувашского села: Повесть. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. – 240 с.
131. Сидоров, 1990 – Сидоров Н. Слеза Симбирска // Родная Волга. – 1990. № 5. – С. 4-16.
132. Сказки, 1908 – Сказки и предания чуваш. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1908. – 116 с.
133. Тал-Мрза, 1928 – Тал-Мрза Г. Вăйлисен айăпĕ: Чĕмпĕрти чăваш шкулĕнче пулнă 6 пайлă трагеди // Сунтал. – 1928. – № 10. – С. 7-13.
134. Терентьев, 1975 – Терентьев Н.Т. Волны бьют о берег: Пьесы. – М.: Сов. писатель, 1975. – 280 с.
135. Терентьев, 1987 – Терентьев Н.Т. Колокола души: Пьесы. – М.: Сов. писатель, 1987. – 400 с.
136. Ухсай, 1941 – Ухсай Я.Г. Ёмĕт. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1941. – 104 с.
137. Ухсай, 1956 – Ухсай Я. Перед домом Ленина // Я.Г. Ухсай Время. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. – С. 3-14.
138. Хузангай, 1964 – Хузангай П.П. Великое сердце. – М.: Сов. Россия, 1964. – 151 с.
139. Хусанкай, 1960 – Хусанкай П. Горкăри сурт // П.П. Хузангай Поэмăсем. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1960. – С. 186-195.
140. Хусанкай, 1998 – Хусанкай П. Тăпра // «Хыпар» кёнеки. – 1998. – Апр. (№ 31). – С. 3.
141. Хусанкай, 1930 – Хусанкай П. Поэтпа миссионер // Сунтал. – 1930. – № 4-5. – С. 10-14.
142. Хусанкай, 1930 – Хусанкай П. Юлашки пăлхар: Поэма // Чăваш литератури: Поэтикапа стиль ыйтăвĕсем / ЧНТИ. – Шупашкар, 1989. – С. 136-142.
143. Хусанкай, 2002 – Хусанкай П. Сьрнисен пуххи. 3 т.: Поэмăсем. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. – 542 с.
144. Чебанов, 1998 – Чебанов А. Чăваш касси: Сăвă // Канаш. – 1998. – Апр. (№ 25). – С. 2.
145. Шагинян, 1959 – Шагинян М.С. Ульяновсен кил-йышĕ: Роман-хроника. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1959. – 152 с.
146. Шелепи, 1928 – Шелепи Н. Даровитый сирота // Шаг. – 1928. – № 1. – С. 8-12.

147. Шупуҫсыни, 1958 – Шупуҫсыни Н. Хунар ҫути // Н.В. Васильев. Суйласа илнисем. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1958. – С. 118.
148. Шелепи, 1998 – Шелепи Н. Чѐмпѐр чăваш шкулѐ // «Хыпар» кѐнеки. – 1998. – Апр. (№ 31). – С. 5.
149. Ырҫят, 1998 – Ырҫят А.Г. (Дмитриев). Юбилей ячѐпе, Шурсухалăм! // Канаш. – 1998. – Апр. (№ 25). – С. 3.
150. Элкер, 1953 – Элкер С.В. Шурăмпуҫ килсен: Роман. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1953. – 358 с.
151. Элкер, 1963 – Элкер С.В. ҫырнисене пухса кăларни: 5 т. тухать. – Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1960-1964. – Т.4. – 1963. – 470 с.
152. Юман, 1975 – Юман А.Ф. (Ефимов). Чѐмпѐр чулѐ калаҫать: Поэмăсем. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1975. – С. 3-15.
153. Юман, 1997 – Юман Д.П. Избранные произведения. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 543 с.
154. Юркин, 1993 – Юркин И. Чăваш тăшманѐ // Тăван Атăл. – 1993. – № 2. – С. 48-49.
155. Юркин, 1932 – Юркин И.Н. Иут: Пьеса [Ал ҫыру]. – 1932. – 170 с. // ЧНТИАА. – I уйр. хр., 62 т. – 3498 №. Пер. загл.: И.Н. Юркин Иуда. НА ЧНИИ. – Отд. I. – Т. 62. – № 3498.
156. Юхма, 1986 – Юхма М.Н. Эткер: Роман. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1986. – 448 с.
157. Юхма, 1990 – Юхма М.Н. Термен: Роман. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1990. – 464 с.
158. Юхма, 1991 – Юхма М.Н. Анне ҫăкăрѐ: Роман. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1991. – 447 с.
159. Юхма, 1992 – Юхма М.Н. Атте пахчи: Роман. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1992. – 496 с.
160. Юхма, 1999 – Юхма М.Н. Наследие: Роман. – Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 1999. – 496 с.
161. Яковлев, 1992 – Яковлев И.Я. Духовное завещание чувашскому народу / Сост. М.Р. Федотов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 30 с.
162. Ялгир, 1998 – Ялгир П.А. (Тихонов) Кăнна Кушки: Сăвă // Ялав. – 1998. – № 2. – С. 37.

Оглавление

От автора	3
Глава I. Проблемы художественного отображения жизни и деятельности исторической личности в научно-критической и художественной литературе	4
1.1. Проблема прототипа и его отношение к отображенной действительности в критике и литературоведении	4
1.2. Особенности принципа историзма в изображении И.Я. Яковлева в чувашской литературе	21
1.3. Жанрово-стилевые особенности в воплощении образа И.Я. Яковлева	35
Контрольные вопросы и задания	42
Глава II. Тема И.Я. Яковлева в чувашской литературе конца XIX – I половины XX вв.	43
2.1. Первые художественные произведения и публицистическая литература о И.Я. Яковлеве	43
2.2. Достижения и противоречия в изображении жизни и деятельности И.Я. Яковлева в литературе I половины 20–40-х гг. XX в.	60
Контрольные вопросы и задания	77
Глава III. Образ И.Я. Яковлева в литературе II половины XX в.	78
3.1. Художественное отображение И.Я. Яковлева в жанрах поэзии	78
3.2. Образ И.Я. Яковлева в чувашской художественной прозе	86
3.3. Образ И.Я. Яковлева в чувашской драматургии	109
Контрольные вопросы и задания	121
Заключение	122
Список рекомендуемой литературы	126

Учебное издание

ТРОФИМОВ Леонид Юрьевич

ОБРАЗ И.Я. ЯКОВЛЕВА В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Учебное пособие

Редактор Г.В. Шигильчева

Корректор О.М. Садовникова

Технический редактор А.Ю. Храброва

Подписано в печать 29.06.2006. Формат 60×84/16. Бумага газетная.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 7,90. Уч.-изд. л. 7,88. Тираж 250 экз.
Заказ № 452.

Издательство Чувашского университета

Типография университета. 428015 Чебоксары, Московский просп., 15

